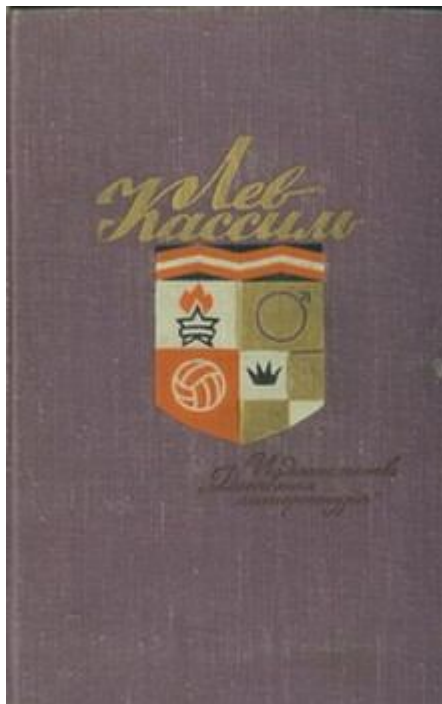

Лев Абрамович Кассиль Ход белой королевы

Роман с прологом и эпилогом

ПРОЛОГ

*Я сознаю, что этот эпизод
можно было бы разукрасить,
но предпочитаю изложить его
так, как он излагался... на заявках...
где сентиментальность умеряется
сильно развитым чувством юмора.*

Ф. Брет-Гарт¹

Нет такого журналиста, который бы не мечтал хоть раз в жизни написать роман или повесть... Поэтому не было ничего из ряда вон выходящего в том, что Евгений Карычев принёс мне однажды довольно объёмистую рукопись и смущённо попросил прочесть её, а если подойдёт – продвинуть в печать.

Но я никак не предполагал тогда, что эта рукопись со временем лишит меня покоя и даже заставит пуститься в довольно далёкое зарубежное путешествие, чтобы разрешить некоторые загадки, таившиеся в ней, и, может быть, дочитать её конец, так как, на мой взгляд, автор обрывал своё повествование не там, где следовало бы. Мне и в голову не приходило, что эта аккуратно перепечатанная на машинке рукопись в скоросшивателе, лёгшая на мой стол среди других папок, доставит мне столько беспокойства, а затем и в фигуральном и в прямом смысле перенесёт меня в особый, когда-то бывший мне очень близким мир, где гуляет азартный ветер, который жжёт морозом щеки на лыжне, хлопает цветными флагами у финиша и раздувает священное пламя олимпийского факела.

И надо признаться, что рукопись Карычева пролежала у меня довольно долго. Честно говоря, я сперва даже забыл о ней среди всяких дел, а деликатный автор стеснялся

¹ Эпиграф к книге взят из рассказа американского писателя Ф. Брет-Гарта «Компаньон Теннесси».

напомнить о себе.

Недавно, перебирая залежавшиеся бумаги, я вдруг обнаружил папку с рукописью, устыдился, что так долго продержал её у себя, ничего не сообщив автору, и решил просмотреть повесть.

Автора её, Евгения Карычева, писавшего обычно под псевдонимом «Е. Кар.», я знал давно. Мы с ним когда-то вместе работали в большой московской газете. Он уже тогда был отличным разъездным корреспондентом, неутомимым, вездесущим и «летучим» спецкором. Встречался я с ним и на фронте, откуда он слал в редакцию превосходные, всегда очень точные и как бы отдававшие специфическим запахом окопов корреспонденции, которые Карычев действительно ухитрялся строчить на самых передовых линиях. Мне он всегда был симпатичен – скромный, сдержанно-остроумный и порой казавшийся несколько чудаковатым из-за неодолимой своей стеснительности.

Сам Карычев считал себя внешне крайне неуклюжим и малопривлекательным, а привык он тянуться к людям сильным, ловким, уверенным в себе. Поэтому его влекло к спортсменам, к шумному, крепкому и грубоватому содружеству, возникающему среди людей, приверженных к спорту. А те, со своей стороны, считали Евгения Кара хорошим человеком, своим парнем, который, правда, не очень удачлив в жизни.

Зато все восхищались его живым, энергичным пером и профессиональным знанием любых видов спорта. Сам он не занимался всерьёз спортом главным образом из-за той же проклятой застенчивости. На коньках, на лыжах, в спортивном одеянии он казался себе невероятно смешным. А несколько болезненная мнительность, развившаяся с годами, подсказывала его слуху обидные шутки или насмешливые замечания, которые, как казалось Карычеву, всегда неслись вдогонку ему. «Никто даже не знает, – жаловался он, – что вытерпела моя спина, за которой чего только не говорили про меня!..»

Ему казалось, что среди физкультурников, искренне его уважающих и всегда прислушивающихся к его авторитетному мнению, сразу возникало насмешливо-несерьёзное к нему отношение, как только он пытался по-настоящему взяться за какое-нибудь из спортивных занятий. Тут, как он был уверен, разом обнаруживались его беспомощность и комическое неумение, особенно огорчительные тем, что проявлялись они рядом с пленительным мастерством сильных друзей.

Однако все это не мешало ему оставаться заядлым болельщиком, бескорыстным обожателем чемпионов, трубадуром их славы, глашатаем её. Он был незаменимым спортивным радиокомментатором соревнований, главным образом зимних. Куда тут только девалась его застенчивость! Он становился красноречивым, громогласным, убедительным, пылким.

Мы с ним одинаково смотрели на спорт – как на одно из самых наглядных и великолепных проявлений человеческой воли, когда все телесные силы человека подчиняются всепоглощающему стремлению к самосовершенствованию и радостно утоляется здоровая, естественная жажда самоутверждения, удивительно сочетающаяся с самоотверженностью.

И оба мы видели такую же разницу между будничными занятиями физкультурой, с одной стороны, и спортом – с другой, какая есть, например, между общедоступной грамотой и поэзией.

Рукопись, которую принёс мне Карычев, как и следовало ожидать, также посвящалась его любимому спорту.

– Вот написал, понимаешь, повестушечку, – сказал смущённо Карычев, вручая мне свой труд. – Посмотри на досуге, если время будет. Тут у меня про наших лыжниц, точнее – про одну лыжницу. Возможно, что ты слышал об этой истории. Я давал информацию в газету. Ну, а потом решил изобразить... Сомневаюсь, конечно, чтобы получилось что-то путное... Но ты, в общем, полистай, погляди. Только уговор: выкладывай правду и руби разом. Чур, пилюли не золотить. Проглочу, будь покоен, любую.

Как я уже говорил, прошло много времени, прежде чем я взялся за рукопись Карычева:

все как-то руки не доходили. Но когда я наконец прочёл её, она сразу меня серьёзно озадачила да и заинтриговала порядком... Я перечитал повесть ещё раз с самого начала, и всё-таки кое-какие вещи в ней остались для меня неясными и, если хотите, даже чуточку таинственными.

Кроме того, в самом изложении встречались несообразности, которых не допускают добрые литературные правила. Например, повествование велось сперва от лица автора, и он был как бы неременным свидетелем, очевидцем всех описываемых событий, а в дальнейшем речь то и дело шла об эпизодах, присутствовать при которых сам автор не мог, хотя он и не считал нужным оговаривать это.

К тому же автор, по журналистской привычке, перенёс из корреспондентского блокнота в повесть множество лишних технических деталей и цифр.

Я решил внести некоторые уточнения и кое-что подсократить в повести, если только автор согласится с моими замечаниями.

Однако оказалось, что встретиться с Карычевым не так-то легко. Он по-прежнему был всё время в разъездах. То я читал его корреспонденции с целинных земель Казахстана, то он оказывался с партией геодезистов на Ангаре, то вдруг голос его звучал по радио из Кирова, где проводились конькобежные состязания. Потом я узнавал, что он отбыл очередным самолётом на одну из дрейфующих полярных станций, а когда наконец я изловил его в Москве, он торопливо сообщил мне по телефону, что я захватил его «буквально на хвосте» и он должен спешить на аэродром, так как через час улетает в Италию на Белую Олимпиаду.

– Ну что, прочёл? – беспокожно спросил он. – Дрянно, наверно? Ну ладно, выкладывай быстрее. Надавай мне тумачков на дорогу. Знаешь, как мужик говорил, когда вывалился пьяный из саней, а лошадь ушла? «Хучь бы кто по шее дал, всё же легче пёхом идти было бы...»

– Я не собираюсь давать тебе тумачков, но разговор серьёзный, так, на ходу нельзя.

– А что? Очень плохо?

– Нет, я читал с интересом, и, признаться, ты меня кое-чем зацепил... Только много лишнего...

– А ты выкинь! Вымарывай к чертям все лишнее, распорядись, как считаешь нужным. Ты меня извини, спешу. Мне пора...

– Погоди! – закричал я в трубку. – У тебя есть тут кое-какие загадочные неясности.

– Неясности? – пробормотал Карычев. – Значит, написал неясно. Я же ничего не придумывал, а в жизни всё было очень ясно... Ну, слушай, спасибо, что прочёл и позвонил. А мне нужно двигать: машина пришла. Нет, погоди! А почему бы и тебе не скатать туда? – неожиданно предложил мне Карычев, словно речь шла о прогулке в Сокольники. – Ты ведь тоже когда-то отдавал должное спорту и пописывал, в общем, дельно. Тряхни стариной, а? В Италии, брат, такое сейчас будет, какого никогда в жизни, быть может, не увидишь. Зимние Олимпийские игры! Шутка ли! Со всего мира туда съедутся. И наши будут впервые участвовать в зимней олимпиаде. Интересно?

– Ещё бы!

– Ну вот. А ты засиделся. Ты не верь этому старику Эммерсону². Это он ерунду порол, будто путешествия нужны только дуракам, у которых дома зудит пустота в незаполненной голове. Чепуха это. Надо ездить! Как можно больше ездить! Иначе теряешь ощущение кривизны пространства, забываешь, что земля шарообразна, и жизнь становится плоской... Правда, махни-ка на олимпиаду. Я, кстати, там надеюсь новую концовочку дописать к повести. Дело к тому идёт. Может быть, тогда и тебе всё ясно станет. Ну, будь здоров, поехали!

Конечно, не только этот телефонный разговор решил дело. Я и без поправок Карычева

² Старик Эммерсон – Ральф Эммерсон – известный американский писатель XIX века, считающийся певцом умеренной мещанской добродетели.

давно уже подумывал о том, что засиделся и слишком долго не выезжал на большие спортивные состязания, пропустить которые в прежнее время считал для себя невозможным. Рукопись Карычева с первых страниц напомнила мне о наших прежних общих увлечениях. А то, что Евгений мчался сам куда-то на север Италии, в Доломитовые Альпы, куда съезжались на Белую Олимпиаду самые прославленные спортсмены мира и устремлялись самые яростные болельщики всего света, уже окончательно вывело меня из равновесия. Мне нестерпимо захотелось самому побывать там и как бы дочитать повесть Карычева, в которой, повторяю, кое-какие моменты оставались для меня покрытыми тайной.

Через некоторое время я в качестве корреспондента одной из центральных газет и на правах туриста уезжал вместе с другими любителями спорта в Италию. На дне моего чемодана, упакованная в толстую папку, лежала рукопись Карычева. Я попробовал отредактировать её, убрал некоторые технические скучноватые детали. Во всём остальном я сохранил построение и манеру автора.

Вот о чём рассказывал в своей повести «Хрустальный Кубок» Евгений Карычев.

ХРУСТАЛЬНЫЙ КУБОК

Повесть Евгения Карычева

ГЛАВА I

С этим покончено!

? Нет здесь никакого заслуженного мастера спорта! – Он бросил трубку на рычажок и повернулся ко мне: – Ну, теперь убедился, что не шучу? С этим, брат, кончено.

– Слушай, старик, может быть, ты хоть мне объяснишь толком? Телефон зазвонил снова. Чудинов сорвал трубку с рычажка.

– Я ведь вам сказал ясно: нет здесь... Что? Да, Чудинов. Да, Степан Михайлович, он самый... Бывший! Бывший, я вам говорю, понятно? Что?.. Про это забудьте.

Трубка стукнула, закачавшись на рычажке. Чудинов встал с дивана и прошёлся по комнате. Я внимательно оглядел его с головы, где на коротко стриженных висках уже виднелись ранние седины, до сильных ног, легко и прочно ступавших по ковру. На левую он едва заметно припадал. Я знал характер своего старого друга. Мне давно были известны его некоторые причуды, я уже привык считаться с тем, что, когда на Чудинова накатывает, спорить с ним бесполезно. Но всё-таки сегодняшнее решение Степана слишком меня ошеломило. Я не в силах был согласиться.

– Ты что же это, Михалыч, всерьёз?

– Да. И надолго. Навсегда.

Он остановился перед стеклянным шкафчиком-горкой, на полках которой лежали укреплённые на широкой алой ленте десятки золотых медалей, жетонов, почётных значков и

стояли всевозможные кубки, ларцы, вазы, шкатулки, чаши – многие регалии и трофеи, которыми был отмечен спортивный путь Степана Чудинова, славная белая стезя его, проложенная по снежным равнинам нашей страны и Западной Европы.

– Посуды много, – угрюмо и насмешливо сказал Чудинов, – а выпить сегодня не за что.

Он хмуро оглядел комнату. Возле большого рабочего стола стояли чертёжные доски с приклепанными к ним проектами. Свитки плотного ватмана загромождали угол за столом. На одной из стен висели застеклённые, изящно окантованные изображения зданий павильонов, эстрад, коттеджей, главным образом деревянных. Чудинов был отличным знатоком деревянной архитектуры. И недаром перед войной на Сельскохозяйственной выставке таким успехом пользовался построенный по его проекту павильон лесоводства и древонасаждений. Противоположную стену занимали стеллажи и полки с книгами. Полки были расположены причудливо, симметричными ступенями. На них стояли толстые фолианты истории архитектуры с выпуклыми золотыми корешками, блестели ряды томов нескольких энциклопедий. И вся стена со ступенчато расположенными полками, на которых плотно стояли, корешок к корешку, книги, неожиданно напоминала орган с рядами толстых и тонких сверкающих труб.

На столе, на специальной полочке, были аккуратно разложены зажигалки. Это было одной из забавных страстей моего приятеля – коллекционировать зажигалки, всевозможные приборы для добычи огня. Какие только зажигалки не попадались в его коллекции! Тут были и трофеи – немецкие пугачи-пистолеты, нажав на собачку которых можно было получить безобидный синий огонёк над дулом, и зажигательные палочки полинезийцев, и чиркалки времён гражданской войны, сделанные из патрона, и знаменитые фронтовые кресала с фитилём и кремнём для высекания искры, и миниатюрные факелы – сувениры одной из олимпиад – на цепочке из пяти разноцветных колец, и последнее приобретение Чудинова – чудо-ручка, которая служила одновременно и компасом (он был вделан в верхнее донышко футляра) и таила под ним бензиновую зажигалку. Были тут и старинные трут и огниво, и затейливо выточенные апокалипсические василиски-зверюшки³ – нажми на хвост, и пламя исторгнется из пасти...

Но не на зажигалки, не на любимые книги и проекты свои смотрел сейчас Чудинов. Он уставился на стену, с которой глядел на нас с фотографии знаменитый лыжник, чемпион многих годов, непобедимый в прошлом Степан Чудинов – молодой, широкоплечий, узкобёдрый, размашистый и в то же время натуго собранный, в мгновенно схваченном движении, такой, каким я знал Степана на протяжении долгих полутора десятка лет. И сколько раз доводилось мне писать о нём, сообщать по телефону в Москву, в редакцию о его победах на лыжне, передавать по зарубежному телеграфу его чертовски неудобную для начертания латинским шрифтом фамилию: Tschudinooff. Сколько раз, заслоня заиндевевшей варежкой микрофон от ветра, объявлял я по радио его победителем гонки!

Спорт был для Чудинова постоянной потребностью, естественным выражением его жизненной энергии. Устав от работы за чертёжным столом, он выбирался за город, отмеривал на лыжах десяток-другой километров по холмам, перелескам Подмосковья и возвращался к работе неузнаваемо помолодевшим, взбодрённым, с весёлой благосклонностью смотрящим на мир. «Погоняешь немного, так и голова свежее, ощущения точнее и веры в себя больше», – говаривал он.

Но, человек страстный, не умеющий останавливаться на полумерах, действовать вполсилы, он привык во всякое дело входить с головой и в любой своей деятельности добирался до высот совершенства. И если уж решал тренироваться к большим состязаниям, то всё его существо надолго проникалось как бы одним назначением: выжать из каждой мышцы все запасы таящихся в ней скоростей, вложить каждый сантиметр движения в

³ Апокалипсические василиски-зверюшки. – Василисками в старину называли сказочных животных в виде страшного змея. Апокалипсис – мрачное предсказание о конце света в библейских преданиях.

разгон. И работал он над собой с безудержным рвением. Так же и в области инженерной: если он был убеждён в своей правоте, то рвался к поставленной цели напролом. И некоторые жаловались, что он порой грубоват, слишком резок. А эти качества, как известно, непростительны для тренера-воспитателя.

Характер у Степана был трудный, и я это хорошо знал. Неуступчивый, он предпочитал лучше сменить место работы, чем свои убеждения, хотя бы они касались и не очень значительных дел.

Он ездил строить новые города, жил там с плотниками в бараках-временках. Я встречал его в Комсомольске-на-Амуре, в Хибинах, где вырастали посёлки, застроенные отчасти по его типовым проектам.

И вот сейчас из-за какой-то заносчивой, чёрт знает что о себе возмнившей девчонки, у которой, кажется, язык был ещё более прытким, чем ноги, он совсем уходит с лыжни. Я не мог примириться с этим. Правда, непосредственно со спортивной лыжни Чудинов сошёл ещё несколько лет назад. Пулевое ранение в коленную чашечку левой ноги лишило его возможности после возвращения с фронта отстаивать звание чемпиона страны, до этого неизменно ему достававшееся. С первых дней войны он пошёл добровольцем на фронт и стал командиром отряда лыжников-разведчиков, совершавших смелые рейсы в тыл врага. Там, на Карельском перешейке, и прошила вражеская пуля его колено. Как ни мудрили хирурги, раненая нога теперь уже не выдерживала длительного напряжения, начинала нестерпимо болеть, да и движения её были порой несколько стеснены.

Продолжая работать в «Гипрогоре», в институте, где проектировались новые города и разрабатывались планы перестройки старых, Чудинов перешёл на тренерскую работу.

После ранения он было совсем бросил спорт – перестал даже смотреть состязания. Потом его клетчатая, хорошо всем нам знакомая куртка снова появилась сперва на трибунах стадиона, среди зрителей на Ленинских горах и в Подрезкове, где проводились лыжные состязания, а потом и возле самой лыжни. И в спортивных кругах с радостью сообщали, что Чудинов взялся за тренерскую работу.

Был он аскетически строг в обращении с женщинами, особенно с теми, кого тренировал. Он нравился девушкам, но делал вид, что не замечает этого. Некоторые его товарищи, тренеры, поженились на своих воспитанницах. Но Чудинову подобные браки казались нарушением каких-то очень важных и строгих норм, установленных им для себя. «Вышел на снег, сам – лёд», – говорил он. И вообще нежности между тренерами и спортсменками он считал непростительной пошлостью. Мне же казалось порой, что Чудинов слишком строг к себе и людям и поэтому, пожалуй, одинок.

– Я уже не любимец славы, а вдовец её, – пошучивал он. – Теперь мне остаётся по-отечески растить новую молодую славу и выдавать её замуж, женив на ней других молодых счастливицев. Что же, я не ревную...

Он оставался холостяком, относясь к женщинам с хмурой насторожёностью, заставлявшей считать его нелюбезным.

– Да, старик, – говаривал он, – что-то у меня в жизни не получилось, а я, как говорят моряки, приближаюсь к «ревушим сороковым». Что-то будет...

Он прошёл специальные тренерские курсы и весь свой огромный, многообразный опыт, весь свой волевой напор и неистребимое терпение, отличавшие его самого в прежних тренировках, отдавал теперь новичкам белой стези. Многие из его питомцев уже стали известными лыжниками. Никому не уступала первого места уже третий год подряд воспитанница Чудинова Алиса Бабурина. У меня было подозрение, что из-за неё-то всё и произошло... Вот она на фотографии в журнале, брошенном раскрытым на кресле. Высокая, изящная, со слегка надменно вздёрнутым подбородком. Одной рукой она принимает очередной приз, другой обхватила плечо своего тренера. А вокруг фоторепортёры, поклонники, овации.

– Что ты уставился? – Чудинов, расхаживая по комнате, резко остановился около меня, когда я склонился к журналу. – Полагаешь, вероятно, что всё дело в Алисе? Смешно!

– А разве нет?

– Слушай, старик, я тебя считал когда-то умнее. Неужели ты серьёзно думаешь, что причиной всему этот вчерашний разговор в комитете? Дело гораздо серьезнее. Мне вообще пора уходить, понимаешь? Я дал всё, что мог, но этого, видно, уже недостаточно. Третий год подряд Алиса показывает одно и то же время, и неважное время, ни на йоту лучше. А впереди всесоюзная спартакиада, а за ней Олимпийская лыжня. На каком месте мы там будем, если не подготовимся? Я и сейчас уже ночами не сплю, когда думаю об этом. Нет, мне просто не повезло. Нет у меня вот этого самого тренерского счастья. Вероятно, бездарен – да, да, не маши, пожалуйста, руками! Не сумел я вот привить той же Алисе настоящую и постоянную страсть к этому делу. Она талантливая гонщица, но, понимаешь, ненадёжная, любит лёгкую добычу. Привыкла брать готовенькое, хочет, чтобы горшки вот эти, – он мотнул головой в сторону шкафчика с кубками, – за неё боги обжигали. У неё нет нужной серьёзности в подготовке. Вот пустяк, например, а характерно: она заставляет своих поклонников ей лыжи мазать перед серьёзными гонками. Это же чёрт знает что такое! Настоящий художник должен уметь и любить грунтовать холст, как рыбак смолит шлюпку, солдат сам чистит своё ружьё. И она хотя до сих пор и выигрывала, но всегда рывком. У неё расчёт на случай, она берет только азартом, этого у неё, правда, хватает. Но гонка – не всегда игра. Она начинается не на старте, а по крайней мере за несколько недель до взмаха стартового флажка.

Он помолчал, потом угрюмо поглядел на меня:

– И, чёрт возьми, в конце концов, что я вам, нанялся всю жизнь быть тренером? К лешему! Хватит с меня! Я на что-нибудь ещё гожусь. Вон разработал новые проекты для городов-новостроек, и дёшево и сердито, а вы все хотите, чтобы я возился с этими зазнавшимися баловнями!

– Ну что ты все ворчишь?

– Не ворчу, а официально заявляю тебе – пожалуйста, так можешь и в газету сообщить: «Инженер Чудинов, в прошлом чемпион СССР по лыжам, оставил тренерскую работу, посвятив себя целиком строительству». Шабаш, старик, уезжаю. Имею уже два великолепных предложения на стройку – одно лучше другого. Есть предложение под Вологду, и за Урал зовут, в Зимогорск, там у них на руднике целый город вырос, тоже огромная стройка. И лесу сколько угодно, требуется специалист по деревянной архитектуре. Я уже списался. И там и здесь будут строить по моим типовым проектам, только не решил ещё, куда ехать: под Вологду или за Урал.

– Да ты строй себе на здоровье, но зачем спорт бросать? – пытался я урезонить его.

Чудинов решительно провёл ребром ладони по горлу:

– Сыт-сытехонек. Был когда-то, да весь вышел. Спортсмену, как и артисту со сцены, надо уходить вовремя. Я уже и так пересидел. Вот когда-то, верно, были и мы с тобой рысаками... Что говорить!

Он схватил меня своими твёрдыми, сильными пальцами за локоть я подвёл к стене, на которой висела большая застеклённая фотография, немного уже поблекшая. Оба мы были изображены на снимке ещё совсем молодыми, в клетчатых спортивных курточках щегольского покроя, с большими выпуклыми пуговицами в форме футбольных мячей. На нас были лыжные картузики. Из раскрытого ворота толстых курток по-петушиному выпирали особым образом повязанные под самым подбородком шарфы.

– Помнишь, старик, в Швейцарии снимались? Хороши, брат, с тобой были – орлы! Ну, а здесь уже совсем другой коленкор. Это мы с тобой, друг мой Евгений, на Карельском. – Он наклонился к большой любительской фотографии, где мы с ним стояли оба в тулупчиках и валенках, по колено в сугробе, с автоматами на груди. – Да, это уже была моя последняя лыжня, Тут, как говорится, нам песни поют и честь воздают.

Он вздохнул и медленно, тяжело разогнулся. И мне показалось, что пришла подходящая минута.

– Слушай, Степан, ты хоть не вздыхал бы при мне. И так я все эти годы себя корю.

Ведь из-за меня же... Да я ведь все отлично знаю... Ну давай хоть раз в жизни поговорим об этом по-человечески.

Чудинов разом насторожился:

– Это о чём ещё?

– Довольно дурака валять, знаешь прекрасно, о чём я говорю! Сколько лет прошло, довольно уже крутить-то.

– Фью! – засвистел Чудинов. – Лыко-мочало, опять завёл! Ведь мы, по-моему, договорились с тобой раз и навсегда. Уговор дороже денег.

– К чёрту уговор!

– А ты у меня поговори ещё, пока я не погнал тебя в три шеи! Так и вылетишь!

– Но, но, ещё посмотрим, кто вылетит!

– Да ты, старик, с кем это говоришь? Я тебе сейчас напому! – И Чудинов с кровожадным видом двинулся на меня, засучивая рукава. – Думаешь, кончился чемпион? Бывший? Сошёл? Не гожусь? С такими-то хлюпиками... Ну, как тебя – вольноамериканским методом или приёмом самбо? Заказывай сам.

Не знаю, какой метод применил Чудинов, но через мгновение я уже был распростёрт на диване, а на ногах у меня, легонько подпрыгивая, держа меня за руки, сидел Степан.

– Ну, будешь ещё когда-нибудь поднимать тот разговор?

– Буду. Это глупо, честное слово! Всё равно, я же знаю, что это ты тогда меня спа...

В передней раздался звонок и сейчас же второй, нетерпеливый, настойчивый.

Чудинов разом соскочил, обеими руками подхватил меня под мышки, opravил и утвердил в вертикальном положении.

– Это Алиса. Пришла объясняться. Звонила днём, что придёт. Выкатывайся живо отсюда. Чудачка, думает, что все дело только в ней одной. Совсем зазналась, дурёха!

Он сунул мне в руки шапку, быстро помог одеться, натаскивая на меня пальто, стал открывать дверь.

– Хорошо, – сказал я негромко, – ладно, уйду, но мы с тобой ещё поговорим.

Лицо Чудинова стало непроницаемо жёстким. Очень тихо, но внятно он произнёс:

– Евгений, ведь мы, по-моему, условились не возвращаться к этому? Честно заявляю: если опять хоть заикнёшься – вот тебе бог, а вот порог!

Распахнулась входная дверь и впустила высокую, изящную брюнетку в кокетливой лыжной шапочке. Все – и эта неизвестно на чём державшаяся воздушная пуховая наплёпка на голове, и очень узкие, остро заглаженные в складки голубовато-серые брючки, и слишком короткая, вычурно-модная курточка, – все настойчиво заявляло, что вошедшая принадлежит к миру спорта, посвящена во все его тайны и вхожа в самые его высшие сферы. Она была хороша, Алиса Бабурина. Резковатая в движениях, худощавая, стройная. С деланным безразличием она окинула меня затаённо-внимательным взглядом и словно сперва не узнала.

Что толковать, она была хороша, но уж больно все в ней, как говорится, шибало в нос крикливой, показной стороной спорта.

Я не раз убеждался, что чем больше у человека внешних примет, подчёркнуто сообщающих о его занятиях, тем меньше он стоит в таковых на самом деле. Большею частью очень уж кудлатые художники в специально сшитых свободных блузах оказывались на поверку бездарными мазилами; молодчики, рядившиеся в костюмы особо спортивно-мужественного покроя, частенько проявляли себя слабосильными слюнтяями с бабьими капризами. Знаменитого писателя не легко было узнать по его костюму, в то время как приходилось мне встречать едва начинающих литераторов, один вид которых уже за версту вещал: я поэт! Было нечто излишне подчёркивающее причастность к спорту во всём облике Алисы, хотя на лыжне с ней и в самом деле лучше было не тягаться.

Алиса с детства привыкла везде быть на виду и принимать дань восхищения. Бывало, ещё в третьем классе школы, когда 8 Марта, в Международный женский день, одноклассники и одноклассницы покупали в складчину какой-нибудь нехитрый подарок для своей классной руководительницы – флакончик одеколона, костяной нож для разрезания

бумаг, записную книжку в кожаной обложке, – Алиса неожиданно для всех, после того как подарок класса был уже вручён учительнице, вдруг вынимала из парты свой особый сюрприз – вышитую салфеточку, крымский вид собственной работы, вставленный в золочёную рамочку. Она любила срисовывать видики с открыток, и дома все говорили, что она, верно, станет художницей. Но в третий класс поступил новичок, который рисовал гораздо лучше её, не с открыток, а прямо с натуры. Слава Алисы на короткое время померкла, однако вскоре она очень удачно протанцевала «молдаваночку» на вечере школьной самодеятельности, и все стали прочить ей артистическую будущность. Мать даже возила её к какому-то знаменитому балетмейстеру, и тот нашёл, что у девочки есть задатки. Однако часто демонстрировать эти задатки единолично Алисе не приходилось. В школе почему-то больше устраивались выступления всего танцевального и хорового кружков. Тогда она стала писать стихи, ибо это дело совсем уж не «хоровое» и в стенной газете можно было крупно ставить свою подпись «соло». Вообще Алису считали разносторонне одарённой девочкой. «Она выделяется», – говорили педагоги. И правда, она была весьма способной, но эти разнообразные способности возбуждали лишь недолгие увлечения, не порождая той всепоглощающей страсти, которая завладевает человеком безраздельно и свойственна лишь истинному таланту. Она достигала известных успехов в том или ином занятии, но быстро охладевала к нему, если оно не давало ей случая немедленно выделиться среди других.

Так было и в спорте. Быстро и удачно выдвинувшись, обойдя не очень серьёзных конкуренток, она стремительно завоевала высокое звание всесоюзной чемпионки и долгое время удерживалась на этом почётном месте. Иногда ей просто везло – она не встречала серьёзного соперничества. Кроме того, Чудинов, не только замечательный тренер, но и великолепный тактик лыжной гонки, был жестоко требователен в период тренировок и очень расчётлив и гибок в составлении графика гонки применительно к данным Алисы...

Но ей вскоре наскучили занятия с этим чересчур требовательным, неумолимо взыскательным тренером. Они разошлись во взглядах на цели спорта.

В первый год своих занятий с Чудиновым Алиса немножко увлеклась им самим и потому беспрекословно выполняла все подчас придирчивые требования своего воспитателя. Потом она убедилась, что тренер её, как она заявила подругам, человек в личной жизни безнадёжный, его не расшевелишь. Она пересмотрела свои увлечения и симпатии, поостыла и к тренировкам, в состязаниях строила откровенный расчёт на случай, везение, игру удачных обстоятельств. «Она немножко авантюристка», – часто жаловался мне Чудинов, убеждаясь, что Алиса не улучшает показателей, не движется вперёд, и он, по-видимому, оказался плохим психологом, понадеявшись лишь на природную одарённость своей ученицы. А он слишком много говорил о ней прежде в комитете, даже перехвалил... И теперь толковали, что это он обманул надежды, которые всеми возлагались на него и Алису: не сумел найти верный подход к способной спортсменке.

– Здравствуйте, Кар! – воскликнула, узнав меня, Алиса и хохотнула.

У неё был противоестественно быстрый, с мелкими частыми всхлипами хохоток, словно прокручивали обратным ходом плёнку на магнитофоне.

– Здравствуйте, Кар! А я вас сразу не узнала – быть вам богатым. Скоро, может быть, премию цапнете? Не забывайте тогда старых друзей. Что, вы уже уходите? Жаль, лучше бы поговорить всем вместе.

– Он торопится, – перебил Алису Чудинов. – Кроме того, обо всём уже договорились. Входите, Алиса.

Мне очень хотелось поговорить с Алисой по душам. Что бы там ни было, её бестактное выступление в комитете глубоко задело Чудинова. Оно, вероятно, после всех разговоров в лыжной секции и послужило последним толчком, побудившим Степана принять всех ошеломившее решение.

Но сам тоже хорош! Вот характерец! Кто-кто, а я знал упрямство своего друга. Взять хотя бы ту памятную ночь на Карельском перешейке. Сколько лет прошло, а он все упрямится и слушать не желает о моей признательности. Но я-то ведь хорошо знал, как было

дело. Тогда, на Карельском перешейке, я военным корреспондентом попал в лыжный отряд к Чудинову. Вышло так, что по пути с полевой почты я ночью отбился, потерял направление и попал в жестокий, внезапно разыгравшийся буран. Кроме того, я во тьме забрёл в район, где хаживали автоматчики противника. Совершенно обессиленный от долгих блужданий, я окончательно утратил ориентировку. Полузамёрзшего, меня уже заносило метелью, и Чудинов ночью пошёл в буран, разыскал меня и вынес на себе. По-видимому, ему пришлось отстреливаться, да и сам он был ранен в колено...

Очнулся я тогда уже в блиндаже. Некоторое время, не сразу придя в себя из забытья, я плохо соображал, что со мной происходит. Жаром полыхала печурка, вокруг в блиндаже никого не было. Я опять стал засыпать, но вскоре сквозь сон увидел, что вошёл, хромя, Чудинов, сел возле меня, положил на нары забинтованную ногу, а потом позвал кого-то из бойцов и стал шумно радоваться, рассказывая, что кто-то из лыжников разыскал меня, спас и доставил в блиндаж.

Я и тогда ещё пытался что-то возразить, силясь вспомнить, что со мной было, но Чудинов накинулся на меня: «Брось! Либо ты сам добрался без памяти, либо кто-то из бойцов тебя доставил в наше расположение». И с тех пор, сколько раз я ни пытался расспросить его о подробностях той ночи, он решительно и досадливо отмахивался: «Охота тебе, в самом деле, ломать над этим голову! Радуйся, что кто-то вытащил или помог самому доползти; ну и все. Аминь! Ты, старик, становишься суетным и многословным, а мы с тобой, помнится, никогда не были неженками из аристократического рода «сенти-менти», честное слово».

Мне тогда пришлось вскоре покинуть отряд Чудинова и отбыть на другой фронт.

Перед самым моим отъездом Чудинова отправили в госпиталь. Как он ни протестовал, как ни упрямился, рана в колене оказалась настолько серьёзной (да он ещё и разбредил её в напряжённой ходьбе тогда ночью, таща меня на себе), что пришлось моему другу смириться.

Уже после войны я встретился с одним из лыжников, когда-то входивших в отряд Чудинова. Он узнал меня, но, когда я попробовал было расспросить его, известно ли ему, кто и каким образом вытащил меня тогда из леса и доставил в блиндаж, парень засмутился: «А вам командир так и не сказал? Ну, стало быть, по этой команде не было от него нам отбою дано, а приказ был твёрдый – молчать. Хотите догадывайтесь, хотите – нет. Я лично добавить ничего не могу».

ГЛАВА II Прощай, лыжня!

Долой слова недвижные:

«стоять»,

«сидеть»,

«лежать»,

Идём на базы лыжные

летать,

кружить,

бежать!

Н.Асеев⁴

Вагон пригородной электрички, заполненный лыжниками, спешившими на гонки в Подрезково, был внутри несколько похож на гребную палубу галеры. Занявшие все сиденья спортсмены – парни в финских картузиках, девушки в вязаных шапочках – держали стойком связанные попарно лыжи. Казалось, что по обеим сторонам вагонного прохода

⁴ Эпиграф кII главе и текст песенки лыжников взяты из стихотворения известного советского поэта Николая Асеева «А потом зима...».

расположились на скамьях десятки гребцов, которым только что скомандовали: «Суши весла!» И было ещё что-то от виолончелей в лёгком и плавном изгибе тонкого полированного красно-коричневого дерева лыж, наподобие грифов вздымавшихся над плечами физкультурников.

Весело катила электричка по заснеженным подмосковным просторам, взметая тени сосен вперемежку со врывающимися в вагонные стекла мелькающими полосами солнечных просветов. Радужные зайчики скользили по благородной и строгой снасти, способной сделать человека крылоногим. И в такт перестуку вагонных колёс покачивалась распеваемая вполголоса песня лыжников:

Через леса сосновые,
Где дух вина хмельней,
Лыжни проложим новые
По свежей целине...

Я всегда любил эти поездки на состязания вместе с шумной ватагой лыжников, которые в такие часы целиком завладевали вагонами поезда. Казалось в эти дни, что электричка, теряя свою природную будничность, несётся вдаль, как разогнанная тысячами тонких весел крутобокая ладья. А сегодня предстояли гонки на десять километров, которыми завершались зимние состязания, ежегодно проводимые под Москвой для розыгрыша традиционного хрустального кубка. Этим почётным трофеем последние годы владело спортивное общество «Радуга». Тщетными были все старания его постоянного соперника «Маяка» вернуть себе этот принадлежавший ему некогда важнейший зимний приз. Друг мой Чудиноз был тренер «Маяка». Он приложил немало усилий, чтобы питомцы его отвоевали обратно зимний кубок, но это ему не удалось. Были среди выучеников Чудинова чемпионы и чемпионки, завоёвывавшие первые места в весьма ответственных состязаниях на лыжне, но по общей сумме очков, когда при розыгрыше кубка дело решалось результатом, показанным всеми гонщиками, то есть по командному зачёту, «Маяк» оставался на втором месте. И даже непобедимая Алиса Бабурина неизменно приходившая с результатом на две-три секунды лучшим, чем у всех её соперниц, не настолько опережала их, чтобы победой своей поправить дело, вывести команду вперёд и обеспечить «Маяку» желанный приз.

В Подрезкове, излюбленном месте московских лыжников, дул ровный и душистый, натягивавший едва уловимый запах прогретой солнцем хвои морозный ветер. Он рождал струнный звон в проводах, звонко хлопал цветными стягами спортивных обществ, легонько жёг щеки. И все вокруг выглядело румяным, помолодевшим, полным игольчатого радужного блеска, который как бы роился в прозрачном воздухе над слепяще-белым снежным настом. Светло-голубым было небо над красноствольными соснами, густо-синими – тени на снегу, сочно-алыми – маленькие флажки, трепетавшие на верёвке; они, как на охотничьем окладе, охватывали всю строго размеченную трассу гонки. И мы были в центре этого морозного, солнечного, вольно дышащего мира.

Гонка уже началась, и последние номера ушли со старта, когда я выбрался на один из снежных холмов, расположенных неподалёку от финиша. И тут я увидел Чудинова. Он был в своей любимой швейцарской куртке, утратившей со временем тот заграничный шик, который когда-то в ней так нравился нам, повидавшей виды, ставшей обжитой, весьма домашней. Но именно по этой памятной куртке я и узнал его ещё издали, хотя, признаться, никак не ожидал видеть Чудинова тут после вчерашнего разговора. Он стоял на лыжах, слегка опираясь на палки, и с несколько скучающим видом поглядывал то на секундомер, лежавший у него на ладони, то в сторону пронесившихся к финишу лыжников. Я подъехал к нему. Он, услышав, быстро обернулся, чуть-чуть виновато, как мне показалось, усмехаясь.

– Что? Удивляешься или торжествуешь? Не выдержал, мол, потянуло,

Я пожал плечами:

– Ну, если ты так читаешь чужие мысли, не стоит утруждать себя словами. Я могу и

помолчать.

– Не злись, старик, – сказал Чудинов, – и, пожалуйста, без скоропалительных выводов. – Он упрямо мотнул подбородком и, коротко стукнув одной лыжей о другую, оббил снег. – Да, явился. Обещал Алисе. Не хотел, чтобы она имела оправдание – бросил, мол, в ответственную минуту. Мало того, скажу больше: я с ней вчера весь график дистанции ещё раз прошёл. Ну, и что? Это, ничего не меняет... Конечно, постарается выложить все. Но в том и беда, что ей больше нечего выкладывать.

На холм вскарабкался, отдуваясь и проваливаясь в глубоком снегу, не в меру расторопный мужчина, облачённый в роскошный лыжный костюм моднейшего покроя, со множеством карманов на самых неожиданных местах. Он так сверкал на солнце бесчисленными застёжками-«молниями», что ему мог позавидовать сам Перун⁵. Под мышками у него было по лыже. Это был начальник материальной базы спортивного общества «Маяк» Тюлькин. Отпыхиваясь и проклиная всё на свете, поднялся он к нам и, упарившись, снял с головы шапку-финку с кожаным верхом и пуговичкой. Он был белобрыс, под волосами цвета пеньки кожа на висках розовела, как у дога.

– Здравствуй, товарищ Чудинов! Категорически приветствую!

– Здравствуй, Тюлькин, – не глядя, отвечал Чудинов.

– Труженику пера, нашему специальному корреспонденту, привет крупным шрифтом! – бросил в мою сторону Тюлькин. – Ну как, прошла наша?

– Проследовала, – сдержанно отозвался тренер.

– Времечко? – осведомился Тюлькин.

– Прошлогоднее. – И Чудинов отвернулся, махнув рукой.

– А с нас хватит, – обрадовался Тюлькин. – Лишь бы первое местечко, и мы дома. Что тебе ещё нужно?

Я приложил к глазам бинокль, наладил окуляры и взглянул в ту сторону, где в отдалении виднелись фанерные знаки финиша. Туда, к лёгкой арке, украшенной хвойными ветвями и флагами, уходила, всех обогнав, лыжница под номером «И» на белом квадрате, который чётко выделялся на алом чемпионском свитере. Алиса Бабурина опять победила.

– Что мне нужно, спрашиваешь? – говорил в это время Чудинов у меня за спиной Тюлькину. – Кубок нужно было нашему «Маяку» вернуть – раз, чтобы время Алиса улучшила – два, а с такими результатами, – он ткнул пальцем в стекло секундомера, поднося его к самому носу Тюлькина, – с такими результатами нам только срамиться на международной лыжне, а кубку опять зимовать у «Радуги».

– Ну что ты хочешь от Бабуриной, честное слово! – бормотал Тюлькин. – Всё равно же время по лыжам в таблице рекордов не пишется. Пришла первой, и будьте добры. Я подхожу чисто материально. Лично ей медалька обеспечена, а за ней и это, – он потёр пальцами, сложенными в щепоть, – и шайбочки посыплются.

Так Тюлькин называл деньги.

Чудинов только рукой махнул:

– Ну что с тобой толковать! Пусть приходит первая, для меня теперь это уже дело последнее. Три года одно и то же времяла этой дистанции, и ни с места. Я, видно, уже не гожусь.

Тюлькин одним глазом заглянул в стекло секундомера, который продолжал держать перед ним Чудинов.

– Вполне свободно секундомер мог подвести, – начал он. – Ваше дело тренерское – деликатное, точная механика. Давай, товарищ Чудинов, я тебе подберу у себя на материальной базе новенький. Последняя модель, американская.

– А ну тебя к чёрту! Как-нибудь обойдусь без твоей материальной базы.

Тюлькин обиженно вздохнул и стал боком, то и дело проваливаясь выше колен своими

⁵ Перун – по древнеславянской мифологии бог грома и молнии.

шикарными бурками в снег, осторожно спускаться с холма. Лыжи с палками он по-прежнему держал под мышками.

– А ты что же, такой специалист по спорту, а сам на лыжи не станешь? – крикнул ему Чудинов.

– Эй, друг милый, – донеслось снизу, – мне время дорого. И казённый инвентарь надо беречь как-никак. Ну, был бы ещё парад какой, так я бы тоже – для учёта массовости. А так, вон с горки сойду, там уж по ровному и покачу.

Тем временем на снежной равнине, залитой зимним солнцем, показалась быстро движущаяся фигурка лыжницы. Через бинокль я разглядел, что она идёт под номером «15». Гонщица стремительно приближалась. Шаг у неё был размашистый, упругий. Чудинов, уже не глядя на лыжню, подпрыгнул, опираясь на палки, сделал полный разворот и уже приготовился съехать с холма.

– Все, – сказал он, – я своё выполнил. И знай, ты меня видел на лыжне последний раз.

– Делай как знаешь, только имей в виду – поступаешь глупо. Ты смотри, какая красота! Хоть в последний раз оглянись!

Чудинов нехотя поглядел в ту сторону, куда я ему показал. По лыжне ходко шла гонщица, которую я только что заметил перед тем. Она была видна сейчас сбоку, но, обходя петлю трассы, разворачивалась лицом к нам. На белом фоне снега чётко рисовалась в свободном и широком движении её порывисто несшаяся крепкая фигура. Большеглазая, с лицом упрямой девочки-переростка, с лучистой эмблемой «Маяка» на рукаве, с мягкой волнистой прядкой, выбившейся из-под вязаной шапочки и заиндевевшей от мороза, с нежно-матовым румянцем на круто выведенных щеках, она словно бы и не шла, а, скорее, летела по-над белым настом. Вот она, словно не зная усталости и головокружения, легко с поворота взяла крутой подъём и, энергично отталкиваясь палками, помчалась по крутогору в жемчужном снежном вихре, ею же рождённом. Я следил за нею через сильный двенадцатикратный бинокль, и, честное слово, мне показалось, что там, вдали, возникло в эту минуту живое олицетворение розовощёкой, устойчивой русской зимы.

Я узнал лыжницу. Она мне запомнилась ещё по прошлогодним состязаниям на Урале, куда я ездил от газеты. Да, я узнал её, снискавшую кличку «Хозяйки снежной горы»⁶, о которой уже ходила слава по Зауралью. Вот, значит, она теперь приехала в Москву, чтобы впервые помериться силами с нашими лучшими гонщицами. На секунду у меня снова всплыла последняя и робкая надежда.

– Видал? – спросил я Чудинова, протягивая ему бинокль. – Не на одной твоей Алисе свет клином сошёлся. Ты только погляди, как идёт!

Чудинов отвёл рукой протянутый ему бинокль, но сам не сводил глаз с лыжни.

– Что же, хорошо идёт, ходко... Ух ты, смотри, какой подъём берет! На седьмой километр пошла, а свеженькая, словно сейчас со старта. А в общем, мне до этого уже дела нет, – внезапно остывая, отрезал он.

Резко оттолкнувшись палками, Чудинов покатиł вниз с холма. Я последовал за ним. Мы подъехали к группе зрителей, стоящих возле трассы. Тут был контрольный судья с секундомером. Увидев Чудинова, он поспешил к нему:

– Видал? Вот силушка! Подъём-то, подъём-то как взяла!

Один из болельщиков почтительно вмешался:

– Мне кажется, что данные есть, но техники маловато. Много времени на прямой потеряла. Куда ей до нашей Бабуриной!

Лыжница между тем с непостижимой быстротой вымахивала на крутой подъём вдали.

Я снова не выдержал:

– Нет, ты гляди, Степан, гляди, как идёт! Будто на разминку вышла, а ведь это уже последняя треть дистанции. Эх, такой бы ещё технику с хорошим тренером отработать! Я,

⁶ «Хозяйка снежной горы» – намёк на персонаж уральских сказов П. П. Бажова – Хозяйку медной горы.

конечно, не уговариваю, но на твоём месте, если б во мне оставалась хотя бы капля...

– Грубая, брат, работа, – остановил меня Чудинов, – зря стараешься, старик. – Он осторожно скосил глаза в сторону лыжни. – Да, идёт, конечно, неплохо, – ворчливо согласился он, – то есть просто здорово идёт! Задатки дай бог, но техника... – Он зевнул с подчёркнутым равнодушием. – От кого она, кстати, идёт? – И он потянулся к моему биноклю.

Пока я снимал с шеи ремень бинокля, передавал его Степану, а тот налаживал по глазам себе стекла, лыжница, уже унёсшаяся от нас на солидное расстояние, вышла на спуск. Мчась на большой скорости и, видно, пробуя спрямить немного кривую от флажка к флажку, она сделала рискованный разворот вокруг куста. Чтобы сохранить равновесие, гонщица слегка наклонилась в сторону и задела за куст. Я видел, как ветерок подхватил снег, облетевший с потревоженных сучьев.

– Так, – сказал Чудинов, отрываясь через секунду от окуляров бинокля, – номер пятнадцать. Ну-ка, погляди по списку... У тебя с собой? Сейчас узнаем, что за птица.

В списке под номером «15», как я уже видел раньше, значилось: «Наталья Скуратова, «Маяк», Зимогорск». Но сейчас меня вдруг словно осенило. Я в один миг прикинул, что может получиться, если... И я уверенно сообщил:

– Это Авдошина... Зинаида Авдошина, город Вологда.

– Ага... Вологда, – негромко, про себя, заметил Чудинов.

– Сама судьба, – поспешил я, ведя свои сложные расчёты. – По-моему, выбор теперь ясен. Ты же как раз решал, куда ехать: либо в Вологду, либо в Зимогорск. Перст судьбы указывает на Вологду.

– Да. Вологда, говоришь? – повторил задумчиво Чудинов. – Судьба, говоришь? Нет, старик. Вопрос решён, выбор сделан – твёрдо еду в Зимогорск, от греха подальше.

– Ну и шут с тобой, поезжай! От себя не уедешь! – крикнул я ему вдогонку.

Когда, спускаясь с холма, я в последний раз глянул на трассу гонки, там произошла какая-то заминка. Я видел, как контрольный судья что-то кричал в рупор лыжнице, показывая ей, очевидно, что она срезала дистанцию и ушла за флажок. Кричали где-то зрители. И лыжница, застопорив на полном ходу, взметая целое облачко снега, растерянно оглядываясь, торопливо возвращалась обратно вверх по крутому снежному склону. По-видимому, она сбилась с трассы по неопытности или слишком увлёкшись скоростью на повороте.

У финиша, где азартно толклись зрители, болельщики, лыжники и пробивались вперёд фоторепортёры, я услышал голос диктора, нёсшийся из репродуктора на столбе:

«К финишу подходит под номером одиннадцатым заслуженный мастер спорта Алиса Бабурина. Спортивное общество «Маяк». Сегодня Бабурина в третий раз выигрывает личное первенство. Правда, время, показанное Бабуриной, не выводит пока ещё «Маяк» на первое место по командному зачёту. Зимний кубок, по-видимому, опять остаётся у «Радуги».

Пока ещё толпа не заслонила от меня черты финиша, я увидел, как Алиса, миновав заветную линию под аркой, разом как бы сникла и, совершенно обессиленная, с размотавшейся чёлкой, прилипшей к мокрому лбу, почти падая, в полном изнеможении повисла на руках подбежавших к ней и успевших подхватить её под мышки лыжников. Да, что говорить, Алиса Бабурина умела, по выражению лыжников, выкладываться до конца, все ставя на карту и отдавая к финишу сполна весь запас сил.

Уверенно прокладывая себе дорогу в толпе, спешил Тюлькин.

– Ну, как на мази? – подмигивая, спросил он, нагнав Алису.

– Чудинов где? – спросила кратко, ещё тяжело дыша, Алиса.

– Виноват, меня вторично интересует, как на этом составе мази себя лыжи чувствовали. На правильный состав я попал?

– Мазь отличная. Спасибо, Тюлькин, только запах какой-то мерзкий.

Тюлькин оскорбился:

– Кому запах, а для чутко понимающих, может быть, аромат. И я вам одеколону в мази

подливать не обязан.

– Ты скажи лучше, где Чудинов? – устало переспросила Алиса.

Несмотря на видимое торжество, она была явно расстроена.

– С ним простись, забудь навеки. Так и заявил, – отпартовал Тюлькин.

– Коля, я тебя серьёзно спрашиваю. Он, должно быть, сам меня ищет.

– Номером ошиблись, – съязвил Тюлькин. – Он, возможно, теперь пятнадцатый ищет.

– Пятнадцатый? Кто это? – удивилась Бабурина. – Зачем?

– Утешать и перевоспитывать собирается. Собрался за ней, по слухам, в город Вологду.

У контрольного судьи спроси. Потом, кажется, раздумал, перерешил, изменил направление. Следует в Зимогорск, на Урал.

– Ничего не понимаю! – Алиса растерянно поглядела на Тюлькина. – Можешь ответить толком?

– Где уж нам уж, мы по хозяйственной части, а тут – психология, – парировал Тюлькин, постукав себя по лбу. – Вот обратитесь к нашему специальному корреспонденту, а я двинулся. Привет крупным шрифтом!

– Что он болтает? – обратилась Алиса ко мне.

– Да глупости. Ерунда все. Одно только верно: что Чудинов уезжает в Зимогорск.

Решил окончательно.

– Но он видал, как я сегодня шла?

– Видал, по секундомеру прикинул.

– Ну что, недоволен опять?

Тон у неё сейчас был виноватый, и мне её даже стало немного жаль.

– Дело ведь не только в вас, Бабурина. Ему вообще стало казаться, что он уже дал спорту всё, что мог. А тут вы ещё на собрании, скажу вам честно, не очень-то тактично выступили. Пытались свалить на него все. Жаловались, что резок очень. А ведь вы знаете сами прекрасно, кто виноват и почему вы засиделись на старых показателях.

– Он одержимый! – быстро и зло проговорила Алиса. – Он способен загнать человека на тренировках. Чего ему ещё надо? Я опять сегодня пришла первой, а ему все мало. Упёрся в свой проклятый секундомер!

– Да ведь секундомер-то показал, что вы не вышли из тридцати девяти, как обещали.

– Ну, уложились почти в сорок. Тоже неплохо. Другие ещё хуже. Не могу я ради его тренерского честолюбия превратиться в машину какую-то, от всего отказаться. Просто надоело! Нет, правда, Кар, вы должны меня понять. Я так больше не могу. Из-за каждой рюмки случайной – драма; за покером лишний часок ночью посидишь – утром выговор, распекация; папироску заметил – у-у! Мировой скандал... Он меня прямо истерзал этим режимом. Говорят, что я люблю лёгкую добычу. Ну неправда, сами видели – выкладываюсь вся, без остатка. Всё на карту! Когда финиш проскочу, так уж не могу на ногах держаться, «последняя из-не-моге», как сам Чудинов шутит. Когда я на лыжне иду к финишу, для меня нет ничего больше в жизни, ну, а уж в жизни-то, извините, у меня не только одна лыжня, могу себе позволить и другие радости. Понятно вам это?

– Но, по мнению Чудинова, накопить-то вам в себе того, что требуется выложить, надо гораздо больше. Вы идёте без запаса, только, на пределе, держась на технике и на самолюбии. А спорт, как я понимаю, – это прежде всего здоровье, сила. Вы же все растрчиваете впустую, не соблюдая режима, и не тренируетесь, в расчёте на счастье, па везение ваше.

– Ну ладно, – прервала меня Алиса. Она уже пришла в себя и, подняв свой остренький подбородочек, передёрнула плечами под накинутой изящной шубкой. – Хватит. Мне все это, как говорится, в грамзаписи слышать уже не так интересно. Извините, я всё это слышала из первоисточника и, если захочу, – услышу ещё десять раз.

– Нет, Алиса, в том-то и дело, что больше уже не услышите.

Неподалёку от грелки-раздевалки лыжной станции я нагнал двух девушек, которые

медленно брели, вскинув на плечи связанные лыжи. На девушках были одинаковые лыжные костюмы с лучистыми эмблемами «Маяка» на рукавах. У обеих были понурые спины побеждённых. У одной был номер «7», а у другой, более рослой, – «15». Я узнал в рослой лыжнице Наталью Скуратову, а под номером «7» в стартовом списке значилась Мария Богданова, землячка Скуратовой, лыжница из того же зимогорского «Маяка». Девушки медленно шли прямо по снегу, не разбирая дороги и негромко переговариваясь. Я слегка задержал шаг. Маленькая Маша Богданова причитала своей уральской скороговорочкой:

– Опозорились мы, Наталья, с тобой на всю Москву. Кое смех, кое плач... – Она всхлипнула.

Спутница недовольно повела высоким плечом, поправляя лежащие на нём лыжи.

– Брось, Маша! Москва-то, однако, слезам не вери-ит. – Голос у неё был глубокий, грудной, а говор тоже уральский, притокивающий, быстрый и с неожиданными вопросительными интонациями там, где привычнее было бы слышать утверждение: «Москва-то слезам не вери-ит?»

– Да, тебе хорошо, – сказала подруга. – Ты хоть с дистанции сбилась, какое-никакое оправдание есть, и пришла во второй десятке, а я... – Она только рукой махнула.

– А ты какая?

– Двадцать девятая.

– Ну ничего, Машуха, за тобой ещё тридцатая осталась.

– Ты уж всегда утетишь! Интересно знать, что бы ты тридцатой сказала?

– Я бы сказала: «Ну вот, хорошо, для ровного счёта и вы».

Обе невесело и коротко рассмеялись.

– Ох, оплошали мы с тобой, Наташа! – убивалась маленькая лыжница. – Как же теперь в Зимогорске покажемся? Засмеют.

– Ну и пусть, если кому смешно покажется. – Скуратова сердито тряхнула прядкой, вылезшей из-под шапочки. – А я предупреждаю, однако: больше меня ни на какие соревнования калачом не сманишь. Все. Я с этим покончила, понятно-о?

Ух, как накатило, по-уральски прозвучало у неё это последнее «о»! Маленькая вскинула на неё испуганные глаза:

– Ты что, Наталья? А как же зимний праздник? Гонки-то на руднике! Ты же у нас в городе первое место держишь. Команду подвести хочешь, да?

– Хватит с меня! – И Скуратова перебросила лыжи на другое плечо. – Я с лыжни сошла навсегда. Решила, и конец. Кажется, знаешь мой характер?

Маленькая закивала совершенно сокрушённо:

– Знаю. Характер ваш, скуратовский, самый окаанный. Лешманы!

И они скрылись за дверью раздевалки.

ГЛАВА III

Зимогорцы – старые и малые

Удивительно быстро разрастался Зимогорск! Ещё перед войной не было и города такого на карте. Только на детальных десятивёрстках помечен был старый зимогорский рудник, где промышляли старатели. Но оказалось, что зимогорская руда наделена ценнейшими качествами. И, когда в великом переселении промышленности на восток, сюда, за Уральский хребет, в первые годы войны перебирались большие южные заводы, очень кстати и в самую пору пришлась зимогорская руда. Правда, для того чтобы годна она была в дело и уголила нужды перекочевавших сюда предприятий, требовалось обогащать её – из горы поступала она не той кондиции, которая требовалась промышленности. И выросла возле рудника на склоне той же горы, только пониже, и в сроки, сперва даже ошеломившие местных несколько медлительных, к таким темпам не привычных жителей, большая обогатительная фабрика. Там руда отсортировывалась, подвергалась концентрации, в отсадку, а все лишнее, ненужное шло в отвал. А вокруг фабрики стал стремительно расти,

раскидываясь по крутым взгорьям, пробиваясь сквозь лес, новый город.

Мне не раз приходилось бывать в Зимогорске. Сперва жизнь тут была нагой, как схема, которая давала лишь самые первичные очертания возникавшему городу. Улицы размечались в густом сосновом бору, который подступал к самому руднику. Часто они назывались уже улицами, но это были ещё просеки, так же как поляны в лесу несколько преждевременно именовались площадями. И зачинавшаяся в городе жизнь вся была наружу... Везде были видны каркасы будущих зданий, ещё не обросшие кирпичной кладкой, или деревянные остовы, пока ещё не зашитые тёсом; трубы водопровода шли по открытым траншеям, воду разбирали прямо на улицах у колонок. Тут же, на улицах, дымились временные очаги, сушилось стираное бельё перед лёгкими бараками или землянками. Казалась вывернутой прямо на улицу и вся торговля – магазинов ещё не было, торговали с открытых лотков или в палатках. Даже лампочки, которыми теперь освещался строившийся город, были лишены колпаков и горели прямо на столбах каким-то зябким, голым, неуютным светом. Дома отстояли далеко друг от друга. Между ними напирала густая зелень не желавшего отступать леса. Город только начинал вращаться в него.

Но когда я попал в Зимогорск всего лишь через год, жизнь здесь уже прочно обосновалась, все вокруг стремительно обстраивалось, крылось, огораживалось, вбиралось вовнутрь. Товары лежали уже не на лотках, а за витринами магазинов, вода вошла в дома, трубы скрылись под землёй, земля оделась дощатыми или кирпичными тротуарами. Лампочки на уличных столбах горели уже в колпаках, а бельё сушилось на балконах или во дворах, которые сомкнули дома в один уличный порядок и превратили проходивший возле рудника большой тракт в обстроенную с обеих сторон городскую магистраль.

Но упрямая и своенравная природа Северного Урала не смирялась. С гор, гонимые сибирским ветром, сыпучие, как дюны, двигались зимами снежные сугробы. Они наваливались на окраины городка, вторгались в улицы, подступали к самому центру, где уже сияли по вечерам на площади Ленина огни кинотеатра «Руда» и достраивалась гостиница «Новый Урал». Так свирепы и снегообильны бывали порой метели, что заматали городок до крыш, и приходилось прокапывать иной раз дорогу возле городских учреждений, отбивать с лопатами в руках наступление снегов на город. И, может быть, потому, что такой снежной стояла тут всегда зима, город ещё в бытность небольшим рудничным посёлком славился во всей округе своими лыжниками, охотниками и скороходами. Из-за них и прослыл новый город Зимогорск во всей округе гнездом покорителей снегов, неутомимых гонщиков на дальние дистанции.

Чаще и чаще стали появляться на Уктусских горах за Свердловском в дни всеуральских зимних спортивных праздников коренастые и рослые зимогорцы, которым иной раз уступали лыжню именитые скороходы белой тропы. Однако ещё ни один алый свитер всесоюзного чемпиона не был привезён в Зимогорск его лыжниками. Чего-то не хватало для окончательного утверждения спортивной славы Зимогорска его выносливым гонщикам и гонщикам. Это не мешало уральцам считать Зимогорск городом больших надежд, а самим зимогорцам гордиться уже немалыми победами своих лыжников на областных соревнованиях. И в дни народных праздников в колоннах зимогорских демонстрантов мимо дощатых трибун на площади Уральских партизан несли почётные спортивные трофеи, вымпелы, кубки, ларцы, завоёванные зимогорцами на снежной дорожке.

Знаменит тут был особо клуб «Маяк», созданный ещё при зимогорских рудниках. Добрые две трети местных призов хранились в этом клубе в стеклянном шкафу, под спортивным знаменем, на голубом фоне которого была изображена стройная алая башня, мечущая снопы золотых лучей в обе стороны. На заманчивый свет «Маяка» слетались лучшие лыжники из всей округи. Горы, окружающие Зимогорск, были необыкновенно удобны для проведения сложных лыжных кроссов и соревнований слаломистов, ветром проносящихся меж красных флажков по каверзно размеченной молниеобразной трассе. Тут же, на замёрзшем горном озере, встречались зимой конькобежцы и хоккеисты.

И давно уже мечтали зимогорцы, что спортивная слава их города разнесётся по всей

стране, что москвичи и ленинградцы, вологодцы, горьковчане уступят не один алый свитер всесоюзного чемпиона зимогорским лыжникам. И кто знает, может быть, наступит когда-нибудь давно загаданный день, когда мощные производственные успехи зимогорцев, передовиков рудника и обогатительной фабрики, спортивные победы зимогорских лыжников и прочие заслуги местных жителей будут наконец всеми признаны и именно здесь, в Зимогорске, станут проводить большую зимнюю спартакиаду – розыгрыш традиционного хрустального «Кубка Зимы».

С ревнивой надеждой ждали и сейчас в Зимогорске результатов лыжных гонок под Москвой. В своих пылких ожиданиях зимогорские болельщики рассчитывали прежде всего на отличные результаты общей любимицы, местной чемпионки по лыжам Наташи Скуратовой. Рослая, на первый взгляд даже чуточку тяжеловатая, женственно застенчивая в жизни, воспитательница из лесного детского дома-интерната становилась неузнаваемой, едва выходила на дистанцию. Тут ей не было равной во всей округе, и она поистине превращалась в полновластную «Хозяйку снежной горы», как прозвали её с лёгкой руки одного из восхищённых и красноречивых болельщиков. Конечно, знали в Зимогорске, что есть в Москве «шибко ходкие» гонщицы. Особенно много говорили о далёкой, но от этого не ставшей менее опасной москвичке Алисе Бабуриной. Имя её то и дело появлялось в центральной спортивной печати. Однако местные любители спорта были убеждены, что встретиться Скуратова с Бабуриной на лыжне – не ударит лицом в снег хозяйка белых уральских круч.

(Начиная с этого момента повествование Карычева ведётся двояким образом: то как непосредственное свидетельство очевидца, каким он сам являлся, то так, будто он восстанавливает в воображении все происходившее по сведениям, которые ему удалось раздобыть. Когда я указал автору на это, он упрямо твердил, что все описанное им построено на фактах, что он ничего не придумывал... А если он описывает то, чему не был свидетелем, то, значит, он обо всём этом узнал от участников событий, тщательно и кропотливо, день за днём установив те происшествия, о которых говорит. И в конце концов я решил, как уже сказано выше, оставить повествование таким, каким вёл его сам Карычев в своей рукописи. Ведь автора надо осуждать или оправдывать по законам, которые он сам для себя устанавливает в данном произведении. – Л. К.).

В день возвращения из Москвы команды зимогорских лыжников Никита Евграфович Скуратов, в прошлом рудничный старатель, заядлый таёжный охотник, бригадир горняков, багермейстер, а ныне воспитатель юных ремесленников при руднике, с нетерпением спешил домой. Обив на пороге крыльца снег с чёсанок, он вошёл в бревенчатый, крепко, на старый уральский лад, срубленный дом, подаренный ему за многие заслуги городом.

Жена, аккуратная, миниатюрная, сама такая же вся прибранная, как горница, на стенах которой висели почётные грамоты Никиты Евграфовича, сына Савелия – рудничного техника – и спортивные дипломы Наташи, расставляла тарелки на столе, застланном праздничной скатертью.

– Здорово, мать! – пробасил Никита Евграфович своим рокошующим низким голосом, не очень подходящим к его небольшой, коренастой фигуре; такая октава была бы под стать и великану. Он повесил полушубок и вошёл в горницу. За столом уже сидел сын Савелий. Он недавно вернулся с действительной службы в армии и ещё не спорол петли для погон с гимнастёрки.

Вазочка с вареньем, свежие шанежки, миска с мочёными яблоками посреди стола – всё говорило о том, что в доме ждут гостей. Но дочери не было.

– А Наташка где? Самолёт-то московский давно пришёл. Я видел, физкультурники с аэропорта ворочались с музыкой.

Савелий отложил в сторону газету, которую читал:

– Музыке-то играть нечего, отец. Оплошали там, говорят, наши, – Быть того не должно! Москва, конечно, город центральный, однако против наших на лыжах сроду не выстоит. Не свычны они.

– Да будет тебе, старый! – вмешалась мать. – Выстоят, не выстоят! Вот приедет Наташенька, тогда и узнаешь, как они там управились, в Москве. Как раз к свежим шанежкам поспеет.

Савелий, принимаясь снова за газету, иронически усмехнулся:

– Только она к твоим шанежкам и спешит. Нашла чем утешить. Там им, верно, банкеты в Москве задавали, «Метрополь», «Националы», соус метрдотель, как нам, когда на слёт ездили. А ты – шанежки!

Кто-то сбил снег у крыльца и постучался в дверь. Мать кинулась к порогу:

– Наташенька! Ну вот, хорошо, слава тебе господи!..

Но в дверях показался молодой парень в чёрной ушанке и форменной шинели, которая, видно, досталась ему после ремесленного училища и сейчас была уже порядком тесна.

– Добрый вечер, Никита Евграфович! И Антонине Капитоновне уважение моё! Здоров, Савелий!

– Заходите, заходите, – пригласила мать, подвигая гостю табурет, – С чем пожаловал? – поинтересовался Скуратов, оглядывая вошедшего.

– Я к Наташе вашей, дядя Никита, из редакции я.

– Погодь, паря, – остановил его Никита Евграфович. – Это каким же таким манером, однако, из редакции? Ты же на руднике у меня в ремесленном учился, на багермейстера пойти мне обещался.

Паренёк смущённо комкал шапку. Он весь зарделся – от шеи до подстриженных по-спортивному висков, над которыми смешно торчал в разные стороны боксёрский хохолок.

– Да я на руднике и работаю, Никита Евграфович. Только я в литературный кружок записался, стал собственным корреспондентом в редакции, в «Зимогорском рабочем». Вот, пожалуйста, удостоверение.

Он встал с табуретки, пододвинутой к нему Савелием, порылся в кармане, вытащил небольшую картонную книжечку, а потом, ещё более смущаясь, вытянул из нагрудного внутреннего кармана вчетверо сложенную газету.

– А вот в газете заметка моя, можете посмотреть.

Скуратов взял газету, расправил её твёрдыми, негнушимися пальцами, отставил подальше от глаз, на всю длину руки, слегка избычился, читая:

– «Дорогу молодым!» Фельетон До-Ре-Ми. Так то, однако, написано «До-Ре-Ми». А тебе разве так фамилия?

– Да нет, – заспешил, уже окончательно свариваясь от смущения, паренёк. – Я Ремизкин, Донат Ремизкин, вот и получается: До-Ре-Ми.

– Псевдоним, – понимающе протянул, упирая на «о», Савелий. – Понятное дело. Это как в Москве. Кукрыниксы есть⁷, тоже по началу фамилий пишутся. Так втроём сроду и работают. В «Крокодиле» пробирают кого надо с песочком по международной политике.

– Так трое! – усомнился Скуратов. – А ты управляешься один-то за троих? Ишь ты, До-Ре-Ми! Ну, садись, До-Ре-Ми. Чего утвердился-то стоя? Сядь, говорю! Мать, угости шанежками-то. Ну, стало быть, однако, ты что же про Наталью-то нашу писать собрался?

Ремизкин встрепенулся, вскочил было, но снова сел:

– Да, во-первых, беседу хотел взять, какие впечатления о Москве и какие будут насчёт гонки на рудниках её прогнозы,

– Так ведь не приехала, однако, Наташенька, – сказала мать.

Ремизкин недоверчиво уставился на неё:

– Как же, я её в аэропорте издали видел, только она – сразу в автобус и разговаривать не стала.

⁷ . Кукрыниксы – коллективный псевдоним, под которым выступают три известных советских художника, составивших его из начальных слогов своих фамилий: КУприянов, КРЫлов и НИК Соколов.

Все растерянно переглянулись.

– Выходит дело, вместо прогноза получается заноза... – протянул Скуратов.

С ещё большим нетерпением ждали в этот день Наташу Скуратову на другой окраине Зимогорска, примыкающей к густому сосновому бору. Два ярких шарообразных молочно-белых электрических фонаря освещали крыльцо хорошо срубленного бревенчатого двухэтажного здания с вывеской «Зимогорская школа-интернат».

Нелегко было вернуться сюда после того, что произошло в Москве... Небось ждут не дождутся, когда придет тётя Наташа, и уже заранее предвкушают, как будут, передавая из ладошки в ладошку, не дыша, рассматривать золотую медаль, как будут любоваться снимком хрустального кубка. Как же сказать, как объяснить им, особенно Сергунку Орлову, так убеждённому в её непобедимости, что не оправдала их надежд тётя Наташа, оплошала в Москве и возвращается ни с чем, раз навсегда закаявшись попытать своё счастье на большой лыжне. А как нахваливали, как уговаривали никого не бояться! Где, мол, тонконогим москвичкам, модницам-накаблучницам угнаться за Хозяйкой снежной горы. Чуть было не поверила, дура! Вот тебе и московские фу-ты ну-ты, ножки гнуты, каблук рюмочкой! Ну, теперь все, раз и навсегда!

Наташа решительно поднялась на заснеженные деревянные ступеньки крыльца, поставила чемодан, огляделась, вздохнула, на секунду задумалась и энергично дёрнула рукоятку звонка.

Тотчас же из-за дверей послышался знакомый хрипловатый и низкий голосок:

– Кто там?

– Открой, Сергунок, это я, – шепнула Наташа, почти приложив губы к дверной щели.

И дверь тотчас же распахнулась. Накоротко стриженный, круглолобый, тугощекый крепыш вылетел из неё и бросился на шею Наташе. Он был тяжелехонек. Наташа невольно пригнулась, когда мальчуган повис на ней. А за Сергуном вывалились прямо на мороз, купаясь в облаках пара, ребятишки – мальчата и девчурки, одетые в синие матроски. «Ишь ты, даже в праздничное вырядились ради меня!» — успела заметить Наташа.

Обнимая по очереди ребят и одного за другим вталкивая обратно в дверь, откуда валил паром тёплый воздух, Наташа сердито приговаривала:

– Что вы! Что вы на мороз выскочили?! Живо, живо марш в дом! Простудиться захотели? Сергунок, кому говорю?!

А вокруг неё всё прыгало, скакало, повизгивало, все лезло обниматься, тыкалось в щёки, губы, подбородок, совалось под руки, искало немедленного прикосновения.

– Тётя Наташа приехала! Тётечка Наташечка вернулась!..

А Сергунок, уцепившись за рукав Наташи и протискиваясь с нею вместе боком в дверь, чтобы как-нибудь не отпустить её от себя, заглядывал в лицо и все спрашивал:

– Тётя Наташа, а тетя Наташа, ты кубок привезла? Он у тебя где?.. В чемодане? А где медаль? Покажи...

И вместе с другими мальчишками он тащил чемодан из рук Наташи, спотыкаясь, путаясь у неё в ногах и всем мешая.

– Тётя Наташа, а тетя Наташа! А я тоже всё время тренировался и новый поворот выучил прямо на ходу, вот так – смотри!

Отпустив Наташу, продолжая одной рукой держаться за чемодан, он попытался сделать прыжок с поворотом в воздухе и шлёпнулся на пол под общий хохот ребят. Встал, легонько сопя, деловито отряхнулся, успел ткнуть локтем под бок кого-то из насмешников, пробурчал басом:

– Чего, однако, гогочете-то? Разок на разок не сходится.

– А ты и в прошлый раз на дворе носом тюкнулся, ещё прямо в сугроб даже, – ехидно заметила одна из девочек.

– Ну, а в следующий раз выйдет, обожди!

– Тётя Наташа, – спросила девочка, которая только что поддразнивала Сергунка, – тётя

Наташа, вы в Москве всех перегнали?

Сразу стало совсем тихо. Наташа видела, с какой верой и азартным предвкушением смотрят на неё ребячьи глаза.

Она отвечала негромко, но спокойно:

– Нет, Катенька, всех перегнала Алиса Бабурина, чемпионка Советского Союза.

Ребята деликатно промолчали. Физиономии у них были расстроенные. Они напряжённо вглядывались в лицо воспитательницы.

– И вас она перегнала? – очевидно ещё не веря, пыталась уточнить Катя.

– Да, и меня.

– На чуть-чуть? На вот столечко? – ещё надеясь на что-то, спросила Катя.

– Да нет, порядочно.

Все опять немножко помолчали. Сергунок с тремя другими мальчиками всё ещё держал на весу Наташин чемодан. Теперь они осторожно и неслышно поставили его на пол. Внезапно Сергунок мотнул стриженной головой:

– Ну и что же, разок на разок не сходится. А в другой раз, однако, вы всех перегоните. Да, тётя Наташа?

– Нет, ребятки, – медленно, очень медленно, чтобы самой вслушаться в каждое слово, сказала Наташа, —я больше никогда на гонки не пойду. С вами вот ходить на лыжах буду, а на гонки – нет.

А с лестницы спускалась дородная прямая Таисия Валерьяновна, заведующая интернатом.

– А я слышу, дверь хлопнула, шум такой, а потом вдруг тихо так. Что такое, думаю. А это ты, Наташенька. Здравствуй! Соскучились по тебе. Верно, ребята? Ну, что молчите? Не рады, что ли? Только и слышно было: когда да когда тётя Наташа придет? А приехала – радости не вижу. – Она не спеша подошла к Наташе, расцеловала её в обе щеки. – Ну, как там, в столицах, отличилась, рассказывай.

Наташа молчала.

– Да что вы все словно чудные какие-то? – Таисия Валерьяновна внимательно заглянула в лицо Наташе, а потом ребятам.

Но все молчали.

ГЛАВА IV

Инженер Чудинов прибыл в ваше распоряжение

Так почти одновременно оставили спорт, как говорится – сошли с лыжни, подававшая такие большие надежды и слывшая у себя в городе непобедимой Наташа Скуратова и некогда знаменитый лыжник, бывший чемпион страны, а затем известный тренер Степан Чудинов. Тщетно было отговаривать его, по крайней мере сейчас. Он поступил так, как решил. Я лишь постарался ещё больше утвердить его в сделанном им выборе. Конечно, Зимогорск, а не Вологда. Именно Зимогорск – глухое, почти таёжное место, где на лыжах, как я уверил моего друга, ходят только охотники, а о настоящем спорте вообще ещё ничего пока не слышно.

Я понимал, что обманываю друга, который, зная, как много мне приходилось таскаться по стране благодаря моей профессии разъездного корреспондента, полностью доверился моим географическим познаниям. Но, признаться, совесть не очень терзала меня. Я поступал так в интересах отечественного спорта и самого Чудинова, ибо считал решение его сойти с лыжни временной блажью. Меня несколько обнадеживало то хорошо всем нам знакомое выражение сдержанного восторга и нетерпения, которое промелькнуло на деланно-бесстрастном лице Степана, когда он на гонках в Москве глянул в бинокль в сторону уходившей Скуратовой. Ведь должны же они были встретиться там, в Зимогорске, и, по моим расчётам, довольно скоро... Ну, а дальше видно будет. А там за семь бед – один ответ...

Я принял от моего друга на временное хранение его коллекцию зажигалок и всяких других огнедобывающих игрушек и проводил его в Зимогорск, обещая в скором времени навестить туда во время одной из ближайших корреспондентских своих поездок, чтобы поглядеть, как идёт там строительство... Пожелал Чудинову удачи на новой, вернее – на старой, стезе, куда тот теперь полностью вернулся как инженер-строитель и архитектор.

– Я всегда знал, что ты мне настоящий друг! – сказал на прощание растроганный Степан.

– Можешь быть уверен, – отвечал я.

Но боюсь, что некоторые сомнения в точности моих сообщений зашевелились в душе моего друга тотчас же по его прибытии в Зимогорск.

Узнав, что гостиница «Новый Урал» находится неподалёку от вокзала, Чудинов пошёл туда пешком. Настроение у него было отличное. Раненая нога в последние дни совсем не ныла, чемодан казался лёгким, и Чудинов, полный ощущения заново начинающейся для него жизни, насвистывая, просторно шагал по дощатым, очищенным от снега тротуарам Зимогорска. День был погожий, яркое зимнее солнце заливало холодным и слепящим светом заснеженный городок. Из-за домов, ладно срубленных из мощных стволов, глядели высокие ели, за которыми круто вздымались горы. Казалось, что тайга и горы обступают городок со всех сторон. За зубчатой стеной бора полого уходил склон большой горы, изрезанной ущельями и оврагами, над которыми нависали карнизы снеговых наносов. Между стволами ближних елей и высоких мачтовых сосен видны были фабричные трубы. И над городом пели гудки. Далёким шмелём жужжал один, звонко трубил другой, откуда-то из-за леса доносился тоненький гудок третьего – видимо, кончалась смена.

Чудинов шёл, с весёлым любопытством читая названия улиц, выведенные на аккуратных дощечках. Всё говорило о том, что городок совсем молод и очень гордится тем, что уже может называться городом. Но выдавали его недавнее прошлое, когда он был лишь всего-навсего лесным посёлком при руднике, те же самые таблички на углах и перекрёстках улиц. Многие из них ещё не успели переименоваться в улицы и продолжали называться по-прежнему, по-лесному: Большая просека, Дровяная поляна, Сибирский тракт, Глиняная горка... Наблюдательный глаз Чудинова в расположении и названии улиц читал историю городка и уже угадывал, в каком направлении пошёл он строиться. Вот здесь, очевидно, город зачинался у рудничной горы, и называлось тут ещё многое по старинке. Вот улица Большая Кутузка, а есть, должно быть, ещё и Малая. Острожный переулок, Шоссе колодников. Тут, видно, проходил когда-то этап и звенели кандалы... Казённая улица, Шалыгановка. Здесь, должно быть, немало было пропито последних грошей... Болотная, Погорелая, Оползненный переулок, Приказчикова дача. Ну и, конечно, были тут улицы Барачная, Больничная, Кладбищенская. А вот здесь, видно, город стал пробиваться сквозь тайгу и горы. Лесной взвоз, Пустая улица – верно, была когда-то раскорчёвана и не сразу застроилась. А вот пошла уже и культура; Водопроводная, Школьная, Электрическая, Библиотечный переулок и, конечно, широкая площадь Ленина. Туда выходили старая, недавно ещё переставшая быть просекой, а теперь уже улица Емельяна Пугачева и проезд Джордано Бруно. То были неповторимые следы первых памятных лет Октября. А вот это уже совсем недавнее строительство: Кирпичный проезд, Эвакоградская, видно, селились тут эвакуированные вместе с заводами. И тут же шли улицы Киевлянская и Москвичева, и вели они к большому скверу Победы, от которого начинался вид на Новорудничный проспект.

Так открывалась перед Чудиновым молодая и своеобразная история городка.

Навстречу пронеслась по обочине улицы группа ремесленников в чёрных шинелях. Они катили на лыжах парами. Их сопровождал, тоже на широких охотничьих лыжах, пожилой воспитатель в светлых чёсанках и меховом треухе. Обгоняя приезжего, скользил вдоль дощатого настила солидный служащий. У него были короткие лыжи, а на груди он повесил при помощи особой лямки портфель, чтобы не мешал работать палками на ходу.

Румяная молодуха, должно быть домовитая хозяйка, легко пересекла на лыжах путь

Чудинову. За спиной её погогатывал гусь, голова которого торчала из-под клапана вещевого мешка.

Чудинов уже с некоторой насторожённости отметил про себя это обилие лыжников на улицах городка, который по его собственному выбору должен был стать отныне местом новой деятельности и убежищем от прежних увлечений. Налетевший порыв ветра сорвал с крутой крыши дома маленький вихрь снега, твёрдые снежинки и ледяшки застучали в афишу, наклеенную на огромном щите. Все более мрачней и уже охваченный недобрыми подозрениями, Чудинов прочёл:

«Скоро традиционная ежегодная гонка лыжных городских команд на дистанции: Зимогорск – Рудник – Аэропорт.

Участвуют команды: «Маяк», «Радуга», «Руда» (Обогащительная фабрика)».

И тут, как впоследствии признался мне сам Чудинов, он уже окончательно засомневался в тех сведениях, которые я ему сообщил относительно Зимогорска. Поставив чемодан на снег, он ещё раз взглянул на афишу и стал скрести затылок под пыжиковой шапкой, сдвинув её на перед до самых бровей, что обычно не предвещало ничего хорошего.

«Да-а-а... Приехал, – подумал он и выругался. – Кажется, тут кое-что слышали о спорте. Эх, было б мне Вологду выбрать!»

И, решительно подхватив чемодан, он двинулся дальше. В конце концов, он совсем не обязан раскрываться перед местными спортсменами, с которыми не собирался заводить знакомства, что сам в прошлом имел кое-какое отношение к лыжам! Да никто его и не тянет за язык. А думать, что кто-нибудь из местных слышал его имя, не приходится: слишком много времени прошло с той поры, когда фамилия Чудинова гремела над всесоюзной и европейской лыжнёй. А как тренер... Впрочем, кто же помнит фамилии тренеров!

Он подошёл к большому двухэтажному зданию, часть которого была ещё в лесах. На лесах, окружавших вход, висело временное полотнище с надписью: «Гостиница «Новый Урал». Огромная вертящаяся дверь, вероятно сенсационная новинка для этих мест и гордость строителей, приняла в свои стеклянные секторы приезжего и, мягко пахтая воздух, внесла Чудинова в холл.

Гостиница, по-видимому, уже обживалась, хотя ещё не была полностью достроена. В просторном холле-вестибюле носились запахи стройки, аромат хвои, терпкий душок свежей краски и линкруста, но уже натягивало из ресторана жилым кухонным духом, и лестница, ведшая на второй этаж, была застелена ковром, а возле стойки портье стояло чучело вздыбленного медведя, над которым простирала лапчатые листья пальма в кадке. Навстречу Чудинову из глубины холла выплыла женщина исполинского роста и могучего сложения. Она была на полголовы выше Чудинова.

– Вам, гражданин, кого?

Чудинов ответил, что прибыл в Зимогорск на работу из Москвы и, как ему сказали, должен временно, до предоставления квартиры, остановиться в гостинице. Он предъявил своё удостоверение и, с удовольствием прислушиваясь к собственным словам, повторил, что он инженер-строитель. Ему уже хотелось как можно скорее покончить со всеми формальностями, связанными с переездом, и взяться за дело, которому он теперь посвятит уже без всяких помех все своё время.

– Сейчас, обождите чуток, – сказала женщина, – я только немного тут приберусь. Уж эти мне тяжелоатлеты! Съехались на первенство района, а нет чтобы за собой снаряды убрать. Понакидают везде!

С устрашающим проворством она принялась хватать огромные литые гири и тяжеловесные штанги, толстые стальные блины, лежащие на полу. Их только сейчас разглядел Чудинов, войдя со света в полумрак холла. С изумлением следил он за богатырскими движениями этой поляницы, которая без натуги швыряла или откатывала снаряды в угол. Потом она вернулась к конторке.

– Теперь порядок! – произнесла она, слегка отдуваясь. – Ну, милости просим. Я тут комендантом работаю. Олимпиада Гавриловна меня зовут, но большей частью тётя Липа.

Будем знакомы. – Она протянула свою могучую длань, которую с известной осторожностью пожал Чудинов. – Вы давайте ваш багажик, документики, пожалуйста, оставьте, а я вам сейчас комнатку открою. Только извините, на двоих будет. Гостиница ещё не вполне вся открытая, пока у нас на манер общежития, временно, конечно. Ну, а покуда что будете один жить, только в случае переполнения вторую коечку заселим. Вы присаживайтесь. Можете вон там газетку почитать. Если желаете с дороги побриться, у нас парикмахер очень прекрасный из Мариуполя. Как эвакуировался в сорок первом, так и остался. Культурный такой, будет вам о чём с ним поговорить. Все, кто к нам бриться ходят, очень уважают. Дрыжик его фамилия, Адриан Онисимович.

Легко вскинув на плечо увесистый чемодан Чудинова, прежде чем тот успел что-либо сказать, она унеслась вверх по лестнице, Документы, выложенные Чудиновым на стойку, едва не улетели за ней – такое возмущение воздуха произвела она своими мощными движениями.

Через несколько минут Чудинов уже сидел в парикмахерской в кресле перед большим зеркалом, в котором через просторное окно за переплётом лёгких лесов отражались сугробы, ели на улице, редкие прохожие. Парикмахер Дрыжик, величественно-медлительный, с печатью интеллектуальной грусти на лбу, маленькими усиками и в несколько старомодном пенсне, сдвинutom к кончику носа и позволяющем смотреть поверх стёкол, работал над физиономией приезжего. В движениях брадобрея сквозило, несмотря на старательную деликатность жестов, некое искусно прикрываемое на миг пренебрежение: и нетаких, мол, брить приходилось... Иногда, отложив в сторону бритву, он заглядывал в зеркало, склоняясь к нему, осторожно трогал кончиком мизинца прыщик на собственном подбородке и при этом продолжал вести неспешный, полный достоинства разговор, обращённый не к Чудинову, а преимущественно к отражению клиента в зеркале.

– Не горячо? – вопрошал он, продолжая мылить лицо Чудинова. – Надолго к нам? – Он посмотрел в зеркало и дождался, тюка отражение Чудинова не кивнуло ему. – Душевно рад. Полюбите город. Будьте уверены. Я когда сюда эвакуировался в сорок первом, тут фактически только посёлок был у рудника, а теперь – глядите! А руда у нас какая! – Он достал с полки, где стояли различные банки и флаконы, несколько маленьких образцов руды, – Вам, конечно, известно, какую роль она в войне сыграла? Да и теперь... – Он снизил голос, почти перейдя на шёпот: – Это, конечно, не подлежит оглашению, но мы тут свои. А уж лыжники у нас – самородки буквально! Лыжами интересуетесь?

Чудинов решительно замотал головой, так что даже шматок белой пены слетел у него со щеки на халат парикмахера. Дрыжик озадаченно посмотрел на его отражение, даже голову приблизил к зеркалу, а потом, обернувшись, впервые внимательно взгляделся в лицо Чудинова, как бы не веря.

– Лыжами не интересуетесь? Интересный случай... Ну, знаете, это, будьте уверены, у нас заинтересуетесь. У нас к этому делу тут все пристрастные. – Он бросил помазок, принялся точить бритву о ремень, продолжая через плечо беседовать с отражением Чудинова в зеркале. – Я, если позволите так выразиться, тоже немного отношу себя к этой отрасли, в смысле спорта. Спрашивается, почему? – Намыленный Чудинов молчал, но парикмахер сделал вид, что слышит ответ. – Да, да, вот именно: почему? На то есть свой определённый ответ. В нашей стране должны быть люди, которые могучи душой и, так сказать, если позволите выразиться, телом. Ведь будет безусловно такое у нас общее развитие, что все станут могучие. Через чего? Через спорт, через науку и тому подобное. А вот в смысле наружности? Что же получается, я вас спрашиваю? Кто красоты от природы не имеет, тот, выходит, всегда будет отстающим в таком смысле? А вот тут уж являемся мы. Кто мы, спрашивается? Да, вот именно, кто?.. Работники гигиены и красоты. Возможно, я ошибаюсь, но у меня сильно вокруг этого мысль крутится... Что это у вас здесь? Порез, шрам? Напрасно так относитесь. Я одному, тоже, между прочим, инвалиду, – Дрыжик понимающе глянул под кресло на ногу клиента, – тоже, я говорю, инвалиду, абсолютно его физиономию восстановил. – Он продолжал орудовать бритвой, – Беспокойства не ощущаете? Братся

допускаете для упора? – Он осторожно взял Чудинова за кончик носа. – Человек вы молодой сравнительно... Если не ошибаюсь, холостой? Тем более надо к себе снаружи внимательно относиться. Могу дать крем, даёт сглаживание. Вы не подумайте, что это какое-либо такое я вам предлагаю, якобы в смысле: наше – вам, ваше – нам. Я это исключительно безвозмездно, лишь ради научного интереса, даже за посуду не беру. Я тут заодно всем спортсменам нашим мази особые для лыж составляю. Секретную, по особому рецепту, таких нигде не найдёшь.

Он снова намылил густой пеной физиономию Чудинова. В это время с улицы донеслись детские голоса, тоненько и старательно выводившие какую-то песенку. Чудинов увидел через окно, отражавшееся в зеркале, шедших парами ребятишек. Они были одеты все, как один, в оранжевые тулупчики и башлычки из верблюжьей шерсти. Это делало их похожими на маленьких гномиков. Старательно, с перевалочкой двигались ребята на маленьких лыжах. «А вот и Белоснежка с гномиками спустилась с гор», – подумал Чудинов, увидев сопровождавшую ребят стройную лыжницу. Что-то неуловимо знакомое было в её фигуре.

Но Дрыжик проследил взгляд клиента, ещё раз беспокойно присмотрелся к нему и решительно схватил со стола пульверизатор.

– Освежить? – И, не дожидаясь ответа, он обдал лицо Чудинова распылённой струёй одеколona.

Тщётно тот пытался сказать что-то, жмурился, мотал головой, надувая щёки и плотно сжимая губы, – одеколон уже попал ему в рот.

– Попрошу минутку не открывать глаза! – донёсся до него голос парикмахера.

Звякнула какая-то склянка на полке, и Чудинов почувствовал, что остался один. Лицо щипало. Когда постепенно жжение утихло, Чудинов с опаской приоткрыл один глаз, потом второй. В зеркало было видно, как за окном парикмахер, выскочив на улицу, подбежал к лыжнице, сопровождавшей ребят, и настойчиво совал ей в руки какую-то банку. Девушка отмахивалась. Она стояла спиной к окну, и лица её сейчас не было видно. Но опять что-то неясно напоминающее о недавнем проступило в резком жесте, которым девушка отвела руку Дрыжика и двинулась с места. Однако тут все окно загрозила тётя Липа, ворвавшаяся в парикмахерскую.

– Простите, Олимпиада... тётя Липа, – начал Чудинов, – а где этот самый ваш мастер красоты и гигиены?

Но тут тётя Липа, уже сама усмотрела через окно парикмахера, который продолжал виться возле уходившей лыжницы.

– Изверг он! Что он со мной делает! В одном халате... А здоровье у самого гриппозное!..

Она на минуту исчезла из парикмахерской и тут же снова вторглась обратно, почти неся на руках тещедушного Дрыжика. Парикмахер барахтался, дотягиваясь носками до пола.

– Состояние моего здоровья вас не касается, Олимпиада Гавриловна! – шипел он. – Меня тоже прошу не касаться, тем более публично.

Тётя Липа бережно поставила его на пол.

– Культурную . вы, кажется, должность занимаете, Адриан Онисимович, а в натуре у вас тонкости вот ни на столько! Ну и болейте, себе на здоровье! – И, махнув рукой, она рванулась из парикмахерской, двинув на ходу стул, который отлетел от неё далеко в сторону и ещё скользил некоторое время по паркету, вертась.

Они были одеты в тулупчики и башлычки.

– Супруга? – деликатно осведомился Чудинов.

Парикмахер махнул на него салфеткой:.

– Так просто, пристрастная почитательница. Веснушки я ей вывел, с того и пошло. А крема на неё вы знаете сколько требуется? – В сердцах он сдёрнул с Чудинова простыню. – Процедура вся. Крему не прихватите?

– Благодарю покорно, не требуется. – Чудинов, поглаживая выбритую физиономию, посмотрелся в зеркало. – Ну, теперь могу явиться пред грозные очи начальства. Управление строительства напротив?

Он вышел, слегка прихрамывая на больную ногу, которая после прогулки с вокзала вдруг стала слегка ныть. Парикмахер внимательно поглядел ему вслед.

– Да, ему не то что на лыжах – при здешнем профиле местности и пешком затруднительно. – Он взял со стола банку, бережно обтёр её салфеткой и поставил на полку, полюбовавшись сбоку и снизу то одним, то другим глазом этикеткой, где было чётко выведено: «Состав А. О. Дрыжика».

ГЛАВА V

Белы снеги, красна девица

Белы снеги выпадали,

*Охотники выезжали,
Красну деву испужали.
Ты, девица, стой, стой!
Красавица, с нами!
песню пой, пой!*

Из старой народной песни

Прошла неделя-другая после возвращения из Москвы зимогорских лыжниц.

Наташа вела с прогулки своих питомцев в интернат. Так они гуляли каждый день после занятий, катались на лыжах с гор; ребята ходили наперегонки друг с другом, но никто не напоминал Наташе о происшедшем в столице. Словно сговорились все. Она ценила это деликатное молчание. И вообще, то ли очень уж ожгло самолюбие местных болельщиков поражение их чемпионки в Москве и они сами не любили возвращаться к этому разговору, то ли решено было дать Наташе немного одуматься и не бередить её напоминаниями, только и в «Маяке» после двух-трёх попыток вытащить Наташу на тренировку к ней больше не приставали. Отец, Никита Евграфович, упрямо твердил, что виною всему московские судьи: сбили, мол, девуку с трассы, придрались к пустякам, а тем временем чемпионка-то и опередила по времени... Он и сам пытался было уломать упрямую дочку, заставить её отказаться от нелепого решения сойти с лыжни, где на неё возлагали столько надежд, хотя, может быть, верно, даже чуток и перехвалили раньше срока. Но характер у Наташи был не мягче, чем у него самого, – скуратовский! И в конце концов отец отступился. «Придёт время, одумается девка, сама вернётся, потянет, – говорил он Савелию, – а переупрямить её и мне не под силу. Вся в мать пошла».

Наташу редко в чем-нибудь неволили дома. Она была любимицей в семье. Братья Савелий и погибший на войне в строю уральских гвардейцев Еремей были намного старше её. В семье уже и не ждали больше детей, и рождение дочки приняли как нежданную радость в доме. Однако очень не баловали: не заведено было у Скуратовых, чтобы попустительствовать всяким глупостям. Наташа с малых лет была приучена к порядку, твёрдо знала свои права и обязанности, не очень злоупотребляла первыми и не отвиливала от последних. Мать похваливала её за исполнительность, а что касается отца, то он уж совсем души не чаял в младшенькой... Чуть она подросла, отец, как мать ни сопротивлялась этому, стал брать Наташу на охоту, научил ходить на лыжах, простых и камысах, подклеенных шкурой, очень удобных для походов в горы: на спусках они отлично скользили по шерсти, а на подъёме не осаживались назад против волоса... А отец пошучивал, что и характер у дочки на манер камысов—против шерсти назад не сдвинешь, и, выходит, дело всё в том, чтобы колею свою знала: где с горки, а где и круто, да назад ни-ни.

Восьми лет Наташа легко обгоняла на лыжах не только всех своих сверстниц, но и старших подруг. Да и из мальчишек мало кто мог угнаться за ней на лыжне. Вообще росла она девочкой сильной, не изнеженной, вся в крепкую скуратовскую породу – немножко своевольная, упрямая, но к капризам совсем уж не склонная. В школе с ней считались одинаково и девчонки и мальчишки. Обидчиков она не миловала, тем более что брат Савелий втихомолку показал ей несколько приёмов бокса. Но больше всего ребята ценили в ней твёрдость слова и справедливость. Её неизменно выбирали старостой класса, председателем совета отряда. Она была признанным коноводом в лыжных вылазках, пионерских походах и всяких других затеях, когда Можно было хоть на время избавиться от докучливой опеки взрослых. «Атаман-девка у вас растёт, – говорили соседи Скуратовым, – далеко о ней слышно будет». – «И-и, мы за славой не гонимся, бесславья бы не знать», – скромничала в таких случаях мать.

Наташа и сама никогда не задумывалась о том, что люди называют славой, и принимала уважение ребят и взрослых как сам собой сложившийся порядок. Но зимой 1941 года в ней впервые заговорило самолюбие. Его задели понаехавшие из Москвы ребята. То были дети рабочих и инженеров одного небольшого столичного завода, эвакуированного в Зимогорск. Наташе сразу они показались зазнавалами и всезнайками, самоуверенными и

чересчур болтливыми. Люди, к которым с малых лет привыкла Наташа, никогда так много не говорили. А эти новички из столицы, едва освоившись на новом месте, стали трещать как сороки, заводить свои порядки в классе, не очень-то считаясь с признанным авторитетом старосты и председателя совета отряда. Особенно дерзко, казалось Наташе, вела себя Нонна Ступальская, дочка инженера, высокая и очень прямо державшаяся девочка, которую посадили как раз впереди Наташи. Все в ней раздражало Наташу: и как та вертела на уроке тонкой шеей, над которой уж слишком мудро, по мнению Наташи, какими-то вензелями были уложены косы, и как, обернувшись, смотрела она на Наташу из-под круглых, высоко поднятых бровей слегка прищуренными глазами, и как охорашивалась перед тем, как выйти к доске, когда её вызывали, и как охотно рассказывала она на переменах о своих московских знакомых, среди которых чуть ли не каждый был знаменитым киноактёром либо известным футболистом. И самое обидное было в том, что её все с интересом слушали, и постепенно эта долговязая болтуня стала чуть ли не первым человеком в классе. Она и гостинцы для раненых в госпитале собирала, и на сборах выступала, и на рояле аккомпанировала, и сводки Совинформбюро в классе вывешивала. На Наташу она смотрела свысока, быть может, потому, что и в самом деле была на полголовы выше.

Наташа ревниво приглядывалась к ней и другим эвакуированным ребятам. Ей было обидно, что новички слишком уж много рассказывают про свою Москву, чересчур уж хвастают разными столичными достопримечательностями, но зимогорских красот не видят, не понимают и иной раз неуважительно говорят о городе, который вырос вместе с ней среди гор и лесов, отстроился и так похорошел за короткое время. А эти приехали на все готовенькое и ещё недовольны, что тут нет метро, планетария, только два кино и слишком холодный ветер. Подумаешь, неженки какие, дует на них!..

Но, когда стало известно, что новички из Москвы вызвались участвовать в традиционных, ежегодно проводимых в Зимогорске лыжных гонках между городом и рудниками и решили соревноваться с зимогорскими местными школьниками, Наташа поняла, что пришла пора проучить зазнаек. И где им было угнаться за природными уральскими скороходами! И эта длинная, бледная тянучка Нонна тоже записалась. Ну, пусть пеняет на себя.

Говорили, что Нонна Ступальская считалась у себя в московской школе одной из лучших лыжниц своего класса. Может быть... Но сильной и привычной к морозному уральскому ветру Наташе Скуратовой не стоило большого труда обогнать тоненькую москвичку и бросить её далеко за спиной ещё чуть ли не на самых первых порах гонки. Напрасно та напрягала все силы, чтобы хоть немножко удержаться за Наташей. Все попытки её были безнадёжны и выглядели жалкими потугами по сравнению с тем уверенным шагом, которым победно вымахивала Наташа под восторженные овации зимогорцев. Торжество Наташи было столь же полным, как поражение москвички. Может быть, в тот день Наташа и отведала впервые хмельной сладости победы и славы.

Но, когда Наташа, румяная, торжествующая, возвращалась с гонок домой, у дома, где были расселены эвакуированные, она чуть не натолкнулась на побеждённую. Нонна сидела прямо на снегу, отбросив в сторону лыжи, и тихонько плакала, уткнувшись в колени. А рядом стоял её братишка, шестилетний Семик, тоже тощенький и бледный. Он старался одной рукой приподнять за подбородок голову сестры, а другой все совал и совал ей надкусанную горбушку чёрного хлеба, смазанную повидлом.

Услышав шаги Наташи, он вскинул на неё сердитые глаза, а узнав, потупился, спрятал руку с хлебом за спину.

— Зачем пришла? — спросил он тихо. — Уйди... Это ты её нарочно так перегнала, назло... нарочно... Уйди... А то она не станет есть. Она мне утром свою порцию отдала. А я не знал совсем, что сегодня на лыжах...

Он помолчал.

— Тебе хорошо. У вас, мама говорит, от огорода картошка осталась. А у нас питание очень плохое, — сказал он совсем по-взрослому, — потому что мама больная, не работает и

она карточку иждивенческую получает. А ты уж рада... Обогнала... Уйди!

Наташа, постояв немного над ними, не зная, что надо сказать, как помочь, тихо отошла, чувствуя себя в чём-то очень виноватой.

На другой день она дождалась у дома эвакуированных, когда выйдет гулять Семик, и краснея, хмурясь, ткнула ему в рукавичку ещё тёплую шанежку, которую дала ей перед уходом в школу мать.

Никто не мог понять, почему назавтра она решительно отказалась участвовать в лыжных состязаниях с соседней школой, а когда кончились уроки, дождалась у подъезда Нонну Ступальскую, сама подошла к ней и предложила идти домой вместе.

В ту зиму она часто ходила на лыжах с Нонной, но ни в одной гонке, как её ни упрасивали, не участвовала...

Она вспомнила обо всём этом сейчас, когда возвращалась с ребятами в интернат, потому что встретила с группой знакомых лыжников.

Они шли с тренировки, неся лыжи на плечах.

Маленькая Маша Богданова кинулась навстречу подружке.

– Наташка! Вот хорошо! А я к тебе собралась. Здравствуй, между прочим. – Они поцеловались. – А мы тебя с утра искали.

Наташа выпрямилась:

– Заранее говорю – нет.

– Что – нет? Ты выслушай сначала.

– Уже сто раз слышала. Сказала «нет», и все.

– Ну хорошо, – уговаривала Маша, – на тренировки не ходи, это твоё дело пока, там видно будет, но хоть в гонках участвуй. Ты что же, хочешь, чтобы мы знамя переходящее отдали?

Подошли другие девушки и лыжники, обступили Наташу:

– В самом деле, Скуратова!

– Брось, Наташа, упрямиться!

Розоволицый и очень курносый парень, физкультурный организатор, которого, вероятно, за то, что он отпускал кудрявую бородку, все в Зимогорске звали «дядя Федя», тенорком своим добавил:

– Не кругло у нас с тобой получается, Скуратова, не кругло!

Наташа посмотрела на него так, что он даже закашлялся.

– А я не по циркулю живу, чтобы все кругло было. Это ты, дядя Федя, по циркулю да по линейке все заранее распланировал, во все колокола брякал, я тебе и поверила, а, однако-то, вышло, что мне до московских ещё семь вёрст пешком, да все лесом. Эх ты, теоретик!

– Позволь, позволь, Скуратова, – заторопился дядя Федя, – это уж ни к чему твоя такая косоплетка, совсем уж некстати. Я и сейчас ответственно скажу, что данные у тебя определённо есть, только техника немного отстаёт, и если тебе подзаняться...

Но Наташа перебила его:

– Дядя Федя и вы, ребята, девушки, я ведь вам уже двадцать раз сказала, что с лыжни я сошла и лыжню мою ветром занесло. Так и знайте.

– Дело твоё, Скуратова, только не одобряю. – Дядя Федя вздохнул: – Не с лыжни ты сошла, а к нам дорожку забыть хочешь. Пошли, ребята!

И лыжники ушли. Только Маша Богданова задержалась несколько, посмотрела ещё раз на подружку:

– И упрямая же ты, Наталья!.. – Внезапно она о чём-то вспомнила. – Ой, чуть не забыла! У нас в бюро новый начальник из Москвы, инженер-архитектор. Интересный такой, симпатичный... Молодой ещё... сравнительно, конечно... Только чудной такой и чутковатый, почти незаметно. Мы его тоже на вылазку звали, а он говорит: «Куда уж мне, да и вообще, говорит, не интересуюсь».

Между тем в чертёжно-конструкторском бюро строительства, так называемом «Уралпроекте», Чудинов, облачённый в безукоризненно белый халат, по-хозяйски расхаживал между наклонными столами, на которых были разложены чертежи, свитки ватмана и кальки. Он уже начал свыкаться с новым местом, дело шло на лад, у него установились добрые отношения с коллективом «Уралпроекта», народ тут работал все больше молодой. Новый инженер сумел так интересно рассказать о том, как будет строиться дальше Зимогорск, во что он превратится через несколько лет, он так смело развивал перспективы строительства на ближайшие годы, что сумел всех увлечь... Теперь даже самые скучные, рабочие чертежи каких-нибудь «пищеблоков», «санузлов» казались людям в конструкторском бюро «Уралпроекта» деталями большого, по-новому осмысленного и действительно прекрасного дела, в котором почётно и радостно принимать участие.

Кроме того, новый начальник бюро предложил застеклить и развесить прямо на улицах, на стенах ещё кое-где сохранившихся, но предназначенных на слом жилых бараков чертежи с проектами жилых домов, административных зданий, школ, которые должны были возникнуть на теперешних задворках.

– Понимаете, друзья, – говорил Чудинов, – пускай люди ходят и заглядывают в эти проекты, как в окна, через которые им открывается вид на их завтрашнюю улицу... Будто бараки уже просвечивают насквозь и не загораживают нам будущего!

И действительно, возле проектов, вывешенных на Барачной улице, почти всегда толпился народ. Приятно было людям заглянуть в свой завтрашний день.

Сейчас в бюро все были погружены в работу. А чистота и белизна вокруг, по требованию нового начальника, были такие, что могли соперничать с безукоризненно ослепительной белизной снежных просторов, расстилавшихся за большими окнами чертёжного бюро. Вот туда, через эти просторы, к горам скоро будут проложены широкие и красивые проспекты городка, которые сейчас вычерчивались на ватмане, приколотом к доскам. Только один стол с чертежом все ещё пустовал. Чудинов посмотрел на часы:

– Опять Богданова после перерыва запаздывает! Уже третий раз на этой неделе. В конце концов мне это начинает...

Он хотел пройти к своему столу, но в это время услышал позади себя голос Маши Богдановой. Красная, только что с мороза, она уже сидела на своём месте перед чертежом.

– Степан Михайлович, у нас же тренировки перед гонками. Меня всегда отпускали. Я потом своё отработаю.

– Когда это – потом? Вот мы чертежи в управление задерживаем, до сих пор расчёты перекрытия клуба не сданы, а вы там гоняете где-то на лыжах, а потом начнётся гонка здесь. И видите, что у вас тут в прошлый раз получилось? Куда это годится! – Он сердито ткнул пальцем в один из углов чертежа, и бедная Маша стала ещё более красной.

А молоденькая чертёжница язвительно чётким шёпотом, который всегда бывает слышен как раз именно тому, кому его слышать и не нужно было бы, поделилась украдкой с соседом:

– Ведь ещё не старый, а такой сухарь!

На что сосед, долговязый, очкастый и необычайно волосатый, отвечал, загребая всей пятернёй свисшую на лоб прядь к затылку:

– Из зависти. Обидно, что сам не может.

Да, что делать! Как это ни грустно, Чудинов знал, что он уже прослыл в Зимогорске гонителем лыж, ненавистником спорта. Ах, чудак, если бы они только знали!..

И вот наступил день из года в год неукоснительно проводимых массовых лыжных гонок по маршруту Зимогорск – Рудник – Аэропорт. На это состязание съезжались лыжники со всей округи. Трасса гонки пролегалa сперва по узкой просеке через бор, примыкавший к городу, затем поднималась по крутогорью, петляла среди холмов и уходила в широкую, сильно пересечённую равнину, которая вела к полю аэропорта.

Все в городе с нетерпением ждали этого дня. Вероятно, единственный человек,

который не проявлял никакого интереса к гонкам, был Чудинов. Безразличие его возмущало молодых сотрудников конструкторского бюро «Уралпроекта». Он не участвовал в спорах, тотчас возникавших, как только речь заходила о предстоящих гонках, а об этом только и говорили в эти дни в Зимогорске. Его, видно, очень мало трогало, что чемпионка Наташа Скуратова решительно отказалась выйти на старт... Впрочем, чего было ждать от такого преждевременно и непостижимо зачерствевшего сухаря?

Но если Чудинову не было никакого дела до предстоящих гонок, то был в городе человек, чья маленькая душа совершенно истерзалась ожиданием гонок, в которых по причинам, ему решительно непонятым, отказалась участвовать тётя Наташа. То был Сергунок. Он места себе не находил все эти дни. Ему казалось, что без тёти Наташи гонки вообще не могут состояться. Их непременно отменят. Сергунок был как раз в том возрасте, когда авторитет учительницы – первой в жизни – непререкаем. Он испытывал священный восторг перед её познаниями. Та, что задаёт уроки, знает все правила грамматики и арифметики, все буквы и цифры, может сложить мигом любое число и так же быстро вычсть одно из другого, та, что помнит наизусть столько стихов и песенок и к тому же лучше всех в городе ходит на лыжах, несомненно является самой важной фигурой в жизни! Сергунок считал Наташу самой красивой на свете, самой умной среди всех: выше её, храбрее и главное не было вокруг никого. Дальше уже шёл разве только сам товарищ Ворошилов!

И вдруг такое... Сергунок уже достаточно горько пережил известие, что нашлись в Москве такие, что обошли тётю Наташу, и теперь, когда можно было, забыв про московские неприятности, снова восстановить доброе имя тёти Наташи, показать всем, что она такое на лыжах, сама тётя Наташа вдруг не захотела...

В день гонок, нарушая зарок молчания, который дали друг другу ребята в интернате, Сергунок неуверенно подошёл к своей учительнице:

– Тётя Наташа, а ты бы, однако, один разок только, последний, сегодня... А то у нашего «Маяка» знамя без тебя отнимут. Жалко же!

– А ты задачки к завтрашнему дню все решил? – спросила вдруг неумолимая Наташа.

Это был, конечно, запрещённый приём. Так кого угодно можно смутить. Сергунок надулся и мрачно покачал круглой стриженной головой. А тётя Наташа безжалостно продолжала:

– Нет? Ну, вот ты их и решай. А я буду решать сама то, что мне полагается, и уж ты мне ответа не подсказывай. Понятно-о?

Сергунок отошёл нахмуренный и смущённый, но через мгновение снова вернулся:

– А поглядеть без тебя нам можно, как пойдут? Хоть немножко?

И Сергунок неуверенно заглянул в лицо учительнице: не примет ли она это за измену ей?

Но Наташа равнодушно повела плечом:

– Глади себе на здоровье.

День был воскресный, но ещё неделю назад в конструкторском бюро решили работать до конца месяца без выходных: подпирали сроки строительства. Однако, когда Чудинов пришёл сегодня в бюро, там не оказалось ни души. Под центральной люстрой висела на специально пристроенной рейке все объясняющая афиша:

«Все на лыжи! Сегодня гонки Зимогорск—Рудник—Аэропорт».

Чудинов поскрёб затылок, даже плюнул в сердцах. На минуту ему стало смешно. Кто, как не он, всю свою жизнь пылко, неумоимо и деятельно пропагандировал этот самый призыв: «Все на лыжи!» Ну вот, добился своего. Все на лыжах, а он тут один с незаконченными чертежами, которые нужно гнать к сроку.

За большим окном со сверкающим муаром морозной наледи на стекле гремели марши. Проплывали на уровне второго этажа за подоконником звезды на древках спортивных знамён. Команды шли на старт. Чудинов огляделся, убедился, что никого нет в бюро, подошёл к окну и, стоя за портьерой, осторожно, но критически посмотрел сверху на

лыжников.

«Э! Техника! – отметил он по неисправимой тренерской привычке. – Кто же так ногу выносит? Идут, как по песку. Руками, руками энергичнее, ну! – Он спохватился. – Впрочем, мне-то какое дело?.. А хорошо бы сейчас... Товарищ Чудинов, призываю к порядку, отставить! – скомандовал он сам себе, как это он любил делать, и пошёл к своему столу, тихонько ругаясь по дороге: – Занесла же меня нелёгкая! Это просто какой-то район сплошной лыжни. Ну, Карычев, ну, старик, погоди у меня! Приедешь ты сюда, я тебя носом повожу по снегу этому, девственному, лыжниками не тронутому!» – Он расправил свёртывающийся в рулон плотный ватман, прикрепил его к доске, взял логарифмическую линейку, двинул шкалу. Как похожа была гладкая белая линейка с выпуклой продольной движущейся реечкой на лыжный след по снегу!..

Чудинов, уже не в шутку сам на себя рассердившийся, ударил кулаком по столу, потряс головой.

– Может быть, хватит на сегодня? – спросил он громко у самого себя и погрузился в работу.

Между тем на окраине городка уже давали старт лыжным командам, участвовавшим в гонках. Трасса проходила неподалёку от возвышенности, где стоял дом интерната. Вешки, воткнутые в снег, отмечали направление дистанции. Один за другим проносились мимо лыжники, а на холме группа ребятшек из интерната следила за проходившими внизу под ними гонщиками.

– Ничего идут наши, ходко, – заметил Сергунок со знанием дела, нетерпеливо переминаясь с лыжи на лыжу.

– А вон тётя Маша как пошла вымахивать! – восхитилась Катя.

Громким, подбадривающим визгом приветствовали ребята Машу Богданову, которая пронеслась под косогором, энергично действуя палками.

– Тётя Маша!.. Тётя Маша!.. – долго неслоь вслед лыжнице.

А потом вдруг всё стихло. Сейчас ребятам стало особенно обидно, что подруга тёти Наташи, которую та сама всегда обгоняла, уже промчалась, а тётя Наташа не захотела даже смотреть на гонки. Нет, Сергунку всё это стало совсем уж невтерпёж.

Сергунок презрительно посмотрел на ребят:

– А хотите, однако, я с горки разлечусь и её догоню? – И он постукал о снежный наст лыжами.

Катя косилась на него из-под башлычка укоризненно: – Ох, и шибко горазд ты хвастать, Сергунька! Не догонишь, однако. Спорим давай?

– Она кругом пойдёт, балочкой, а я знаю, как прямо можно. Хочешь на спор?

– А тётя Наташа тебе велела? Помнишь, как в прошлый раз увязался? Тебе мало попало?

– А вы тёте Наташе не говорите, ладно? Я ведь только провожу немножко, до рудника, и обратно ходу...

И, энергично действуя палками, умело развивая хороший ход, маленький лыжник всё быстрее и быстрее заскользил с холма, оставив на вершине его оторопевших от неожиданности ребят. Слегка растопырив ноги и присев, он обогнул кусты и через минуту потерялся за сугробами в снежной долине.

Чудинов продолжал работать за своим столом в бюро. Несколько раз он поглядывал на маленький репродуктор радиосети, но стойко отворачивался. В конце концов, не выдержав и ругательски себя ругая, он, как бы невзначай, воровато включил громкоговоритель.

«Сообщаем последние сведения с дистанции лыжной гонки», – донеслось из-за тюлевого экранчика репродуктора.

Чудинов невольно прислушался.

«...команда «Маяка», ослабленная отсутствием своей сильнейшей гонщицы, несколько

поотстала. В команде «Радуга», тем не менее...»

Чудинов решительно выключил репродуктор.

Метель, как это часто бывает на севере Урала, ринулась на город неожиданно. Вдруг зазвенели, струясь между прошлогодними замёрзшими былинками, торчавшими из-под сугробов, змейками выющиеся вихри позёмки. Вокруг кустов стало как бы начёсывать белую кудель наносов. Сразу наволокло откуда-то клочковатую облачную муть, закрывшую все небо, и без того короткий зимний день стал угрожающе меркнуть. Тревожно и зловеще заныли провода, ветер засвистел в пролётах мачт высоковольтных передач, шедших из города на рудники. Защёлкал, как кнут в воздухе, оторвавшийся с одного конца от стартового столба транспарант, и ветер прогнал по улицам нервый, круто завившийся белый кубарь метели.

Не прошло и десяти минут, как все вокруг смешалось в холодном кипении взметённого снега, и все звуки утонули в нарастающем посвисте бурана.

Тепло и уютно было в этот час в чистенькой столовой интерната. Ребята кончали вечерний чай.

Наташа была в своей комнате. Она проверяла тетрадки. В глазах у неё рябило от толстых и тоненьких, старательно выведенных по косым линейкам кружочков, палочек, хвостиков, но привычный слух продолжал улавливать всё, что происходило внизу, в столовой.

Наташу не беспокоил ребячий гам, она даже любила его. Он казался ей естественным в необходимым, как постоянный шум леса за окнами интерната. Наташа по-настоящему любила ребят, это было у неё с детства. Она ещё школьницей любила возиться с малышами и потому считалась отличной вожатой младших классов. А тот, кто любит по-настоящему детей, не ради забавы или нетрудного, преходящего умиления ими, понимает, что детям нужен шум, что постоянная тишина для них стеснительна. Наташа любила ребят, не принимала их мелкие провинности за неисправимую испорченность, маленькие уловки – за коварство, невольное послушание – за своенравие. Она была строга с детьми, но умела всегда сказать всю правду, как порой ни трудна она была, и сама добивалась правдивого признания от любого неугомонного вралю. Она твёрдо верила в чуткое и трепетное благородство взыскательной ребячьей души.

Сейчас внизу, в столовой, было почему-то слишком уж тихо. А Наташа знала, что тревожиться надо не тогда, когда в комнате, где много ребят, царит отчаянный шум, а именно в тех случаях, когда там возникает внезапная и противоестественная тишина. Тогда надо немедленно бежать туда, ибо, значит, там что-то случилось...

Наташа быстро спустилась в столовую, но там всё было в порядке. Некоторые ребята уже вставали из-за стола.

– Спасибо, тётя Наташа. Можно встать?

Наташа привычно оглядела стол, проверяя, все ли доедено, не припрятаны ли корочки под тарелками, как это делали некоторые баловники. И вдруг она заметила, что среди пустых приборов и порожних стаканов стоит один, полный молока, перед тарелкой, на которой лежит не съеденный кусок пирога и конфета «Мишка на севере».

– Ребята, кто это молока не пил? – спросила она.

Дети молчали. Катя, по школьной привычке, подняла руку, хотела что-то сказать, но вдруг полные губы её жалко вытянулись, скривились, и она громко заплакала.

И тут, словно по команде, заревели, все, кто был в столовой. Ребята ревели громко, хором, с ужасом глядя сквозь слёзы на Наташу. И она поняла, что произошло что-то страшное, вызванное нарушением каких-то запретов.

Через минуту Наташа стремительно набирала в кабинете заведующей номер телефона городского комитета физкультуры.

– Комитет? Это кто? Скуратова говорит, из интерната. У нас мальчик пропал, за лыжниками увязался. Что? Возвращают из-за погоды всех? А мальчика нет с ними? Не

знаете? Орлов Серёжа...

А по долине, где проходила трасса гонок, уже мчалось несколько аэросаней, высланных из рудника. Они неслись навстречу передовым лыжникам. Пропеллер ревел в вихрящихся облаках снега. Сани летели сквозь снежную бурю, словно сами порождённые метелью. Пурга уже заметала вешки, отмечавшие дистанцию, алые флажки волочились в ветре по выросшим сугробам. С каждой минутой муть сгущалась над равниной всё более и более. Казалось, что она готова сейчас схватиться и затвердеть, как гипс.

Когда аэросани встречали кого-нибудь из гонщиков, мотор стихал, и тогда было слышно, как через рупор с борта кричат:

– Кончай!.. Кончай гонку!.. Пурга идёт!.. Отменяется все! Давай к автобусам, здесь, у рудника!

Через полчаса к гостинице, где был назначен сбор, стали подъезжать автобусы. Из них вылезали с лыжами участники гонки. Они вбегали в вестибюль, тёрли застывшие руки и щеки, прыгали на месте, обогреваясь.

– Спасибо ещё, что аэросани с рудника навстречу выслали, – возбуждённо проговорила Маша Богданова, дуя на свои маленькие красные руки, – а то бы досталось нам! Ну и метёт!..

Дядя Федя проверял вернувшихся по списку.

– Товарищи, давайте-ка проверим – никто не отстал? Аболин! Тут? Так. Акулиничев имеется? Богданова? Вижу, тут. Бегичев? Гаранин...

Метель била снегом в стекла. Порой удары ветра со снегом сотрясали, казалось, все здание гостиницы. Дядя Федя продолжал выкликать:

– Сафронова... Селищев... Так. Скура... Ах да, не участвовала.

Он уже вычеркнул карандашом имя Наташи из списка, как вдруг из-за спин окруживших его лыжников раздался голос:

– Я здесь... Только сейчас не в этом же дело!..

– Верно, поздновато спохватилась, Наташенька, – острила Маша Богданова.

– Ребята, я хочу вам сказать... как вы можете?.. Раз такое случилось... – Низкий, грудной голос Наташи, обычно такой спокойный, заметно осел в дрожи.

– Да что уж тут сейчас говорить, – усмехнулся дядя Федя.

– Да вы слушаете? Я к вам, как к людям, а вы... – начала было Наташа, но махнула рукой и резко повернулась.

В это время, легко раскидывая всех, к дяде Феде приблизилась Олимпиада Гавриловна, вышедшая из соседней комнаты. Она была взволнована.

– Слышали? Из комитета звонили, – мальчик заблудился из интерната. Увязался за вами и пропал.

Все оглянулись на то место, где только что стояла Наташа, но было уже поздно. В резко двинувшихся стёклах вертящейся входной двери мелькнула её фигура. Вот она показалась за окном, освещённая качающимся, мутным от снегового кипения светом фонаря, и исчезла в темноте. Только медленно вращалась ещё тяжёлая входная дверь со стеклянными переборками.

Все кинулись вдогонку, но застряли в вертушке, задержались, а когда выскочили на улицу, там уже никого не было. Напрасно кричали в темноту:

– Погоди, Скуратова! Вернись, ведь мы же не знали!

– Вот, ей-богу! Не кругло как всё вышло... – приговаривал торопливо дядя Федя.

Маша Богданова схватилась за щеку:

– Ой, ребята, нехорошо как получилось! Она к нам за подмогой, а мы ей смешки. Ведь пропадёт одна. Она на лыжах кинулась, вон след. А задувает-то как, темень какая! Что делать будем? Я считаю, всем надо идти.

Кто-то ещё пробовал кричать в беснующуюся мутную тьму:

– Наташа-а-а! Скуратова-а-а! Стой!

Ветер возвращал им эти крики вместе с горстями колючего снега.

– Аболин, – распоряжался дядя Федя, – звони на рудник и в аэропорт – пускай

навстречу высылают искать и по радио пусть объявят.

Не прошло и десяти минут, как от гостиницы стали один за другим уноситься в ревущую тьму лыжники с зажжёнными факелами. Вскоре ветер донёс прерывистый гудок с рудников, заголосила сирена обогатительной фабрики. Гудки то утихали, то снова взывали, сливаясь с рёвом пурги. Тревожные голоса их давали направление тем, кто вышел на поиски пропавшего.

В парикмахерской гостиницы «Новый Урал» тётя Липа на всякий случай сунула боты Адриана Онисимовича в шкаф, заперла дверцу на два оборота, спрятала ключ в карман и стала в дверях, скрестив богатырские руки на груди, как неумолимый и бдительный страж. Тут её и застал бедный парикмахер.

– Если вы полагаете, что это меня остановит, то глубоко ошибаетесь, – произнёс он, оглядев Олимпиаду Гавриловну снизу вверх, для чего ему пришлось высоко и гордо закинуть голову.

Затем он молча обвязал шею толстым шарфом, поднял бобриковый воротник пальто и, повернувшись решительно, зашагал к дверям, где стояли у косяка лыжи.

– Ну что вы с собой и со мной делаете только! В такой мороз и без ботинок! – В отчаянии тётя Липа распахнула шкаф и брякнула к ногам Дрыжика так и подскочившие боты на резиновой подошве, сверху суконные, системы «прощай молодость», как их называют спортсмены.

Адриан Онисимович быстро напялил боты, щёлкнул застёжками, захватил лыжи и выбежал вслед за спешившими спортсменами.

ГЛАВА VI

Снег стучит в сердце

*Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой вьюга, ой вьюга,
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага.*

А. Блок⁸

Увлёкшийся работой Чудинов некоторое время не обращал внимания на то, что происходит за окнами бюро. Он только спустил шторы, когда стало посвистывать в щелях окон и задуть в комнату холодными струйками ветра. Работа шла хорошо. Чудинов уже предвкушал, как назавтра он сперва распечат слегда своих чертёжников (очень уж усердствовать не стоило, он всё-таки помнил, что такое для истого болельщика день больших состязаний), а потом покажет, как он разработал новое задание.

Но тут что-то заставило его прислушаться. Сквозь все нараставший гром и посвист метели, шаставшей снегом снаружи по стенам здания, просквозил какой-то тревожный, ноющий звук. «Ого, метель-то разыгралась серьёзная», – подумал Чудинов, вслушиваясь в нестройный, стонущий на разные тона звук, который рвался снаружи. Воющий рёв метели как бы подчинялся этому странному звуку, становился то громче, то слабее, почти замирал и вдруг опять усиливался, словно повинясь какому-то неровному и тяжёлому биению. И вдруг Чудинов понял, что это гудят на заводах и ветер то доносит гудки, то заглушает их гулом бурана. Потом ему показалось, что откуда-то пробился далёкий частый набат. Чудинов подошёл к окну, но разглядеть ничего не мог. Метущаяся мутная мгла, в которой расплылись светлые блики вокруг фонарей, кишела за окнами. Чудинов включил репродуктор.

«...сбор лыжных поисковых партий у гостиницы «Новый Урал», – раздалось в

⁸ Эпиграф к VI главе взят из поэмы А. Блока «Двенадцать».

комнате. – Они прочешут весь район рудника и аэропорта, где, по-видимому, находится заблудившийся ребёнок».

Диктор кончил читать сообщение, и наступила пауза. Чудинов ждал: может быть, повторят. И действительно, после щелчка в репродукторе послышалось:

«Внимание, говорит Зимогорский радиоузел. Повторяем наше сообщение: в районе рудника и аэропорта пургой застигнут ребёнок из интерната. На спасение заблудившегося мальчика вышли лыжники из города. В аэропорте организована лыжная поисковая партия. Приглашаются добровольцы-лыжники. Сбор лыжных поисковых партий у гостиницы «Новый Урал».

Чудинов выпрямился. На секунду ему показалось, что колющая лёгкая боль резнула у него сквозь колено, но тотчас же прошла. Да и не до этого было сейчас. Он устремился к дверям.

У гостиницы ветер рвал пламя факелов, которые держали лыжники.

– Есть лыжи свободные? – спросил выбежавший из подъезда Чудинов, который уже успел побывать у себя в номере, чтобы переодеться в свою неизменную лыжную клетчатую куртку.

Маша Богданова, услышав его голос, одним толчком подъехала поближе, вгляделась, не веря своим глазам, но всё же в летучем мельтешащем свете факелов узнала начальника.

– Степан Михайлович, вы? Вам же трудно... Вы же...

Чудинов резко оборвал её:

– Завтра поговорим, трудно или легко. Где лыжи взять?

– А вам, товарищ, когда-нибудь приходилось иметь дело с этой снастью? – осторожно спросил дядя Федя, уже наслышанный о том, как относится к спорту новый начальник конструкторского бюро.

Чудинов отвечал быстро, нетерпеливо:

– Приходилось, изредка.

– Ну и как, – поинтересовался дядя Федя, – получалось? У нас тут местность очень пересечённая.

– Карту! – коротко потребовал Чудинов.

Дядя Федя, иронически пожав плечами, поднёс к факелу планшетку с картой:

– Смотрите, чтобы вас потом самого искать не пришлось.

– Как-нибудь сам найдусь. Ну-ка... лыжню! – крикнул он властным и звучным голосом. Все невольно попятнулись, отступая. И он унёсся в метельную темь, сразу с места уверенно взяв сильный ход.

– Смотри, какой прыткий! – удивился дядя Федя. – А стойка какая, видали? Ой, братцы, это он, кажется, все темнил...

Жутко было сейчас человеку в поле. Наташа упрямо пробивалась сквозь бушующую стену пурги. Столбы крутящегося снега налетали с маху, рушились на неё, грозя свалить с ног, слепя и на мгновение лишая дыхания. Но девушка упрямо шла вперёд, низко пригнувшись, иногда примечая торчащую вешку, минутами теряя направление, вслушиваясь в гудки. Она то проваливалась в сугроб, то снова вскарабкивалась на крутогор.

Наташа была опытной лыжницей. Она даже не помнила, когда в первый раз стала на лыжи. Вероятно, почти тогда же, когда самостоятельно стала на ноги. Она привыкла к далёким лыжным переходам. Бывало так, что неделями ей ежедневно приходилось и в школу-то ходить на лыжах. Лыжи для неё были не только спортом, но и привычным способом передвижения. Прежде она никогда и не думала о том, что лыжня станет для неё тропой, где её ждала сперва слава, а потом позор. Несколько лет назад во время комсомольской лыжной вылазки на неё обратил внимание заезжий инструктор физкультуры, уговорил её выступить на областных соревнованиях. С того дня и началось. Но теперь с этим было покончено. Лыжи для неё стали снова только привычным средством для любимых прогулок.

Не раз случалось Наташе быть застигнутой в поле метелью. Но такого, как сегодня, ей ещё не выпадало. Она уже жалела, что не дождалась других лыжников, которые, конечно, теперь уже вышли тоже на поиски Сергунка.

Ничего не видно было вокруг в этом крошечном мутно-белом аду. Свирепое кишение взбесившегося снега, казалось, заполняло весь мир, и тщетно было звать, сложив ладони рупором, проталкивая крик в этом яростно хлопочущем ледяном воздухе:

– Сергуно-о-к!.. Сё-ре-жа... Орло-ов!..

Но снова и снова звала она мальчика.

Внезапно она замолкла, тяжело дыша, прислушиваясь.

Откуда-то, казалось издалека, а может быть, и совсем рядом, сквозь белую крутоверть донёлся со стороны почти неразличимый слабенький голос: «Ау-у!»... Наташа, с места развернувшись, бросилась туда, откуда слышался ей ответ. Облака снега, ринувшиеся навстречу, на мгновение ослепили её. Она зажмурилась, оборачиваясь, чтобы передохнуть, и не видела, что лыжи её уже скользят по снежному карнизу – настругу, свисающему с края оврага. Она только почувствовала вдруг, что все под ней куда-то оседает вниз, безудержно увлекая за собой, и вместе с небольшой лавиной стремглав обрушилась на дно овражка. Он был не очень глубокий, но крутой. Наташа сильно ушибла руку при падении. С трудом выбралась она из-под снега и только тут с ужасом убедилась, что одна лыжа у неё сломана, а без лыж в такую погоду и километра не пройдёшь. Наташе показалось, что, словно почувствовав всю её беспомощность, пурга с новым неистовством задула навстречу. Несмотря на боль в руке, Наташа кое-как выбралась из овражка и позвала Серёжу. Ей снова слышалось тихое «ау». Почти по самый пояс утопая в снегу, она кинулась на зов, выкарабкалась из сугроба. Впереди затемнел полузанесённый куст. Что-то шевелилось под ним.

Через минуту Наташа уже поднимала за плечи полузамёрзшего, совсем ослабевшего мальчика. Она пыталась поставить Сергунка на ноги, но мальчуган так ослаб и застыл, что снова валился на снег. У него хватило только сил, еле шевеля губами, произнести:

– Тётя Наташа, ты иди, а я лучше тут полежу, отдохну чуток.

Наташа грела ему своим дыханием руки, тёпла варежками щеки, теребила, отряхивала.

– Сергунок, милый... ты, маленький, никак не сможешь идти?

Он вяло отводил её руки, твердил виновато:

– Я ног не чувствую. Ты иди, тётя Наташа, я уже теперь не боюсь, раз ты меня сыскала. Ох, я рад до чего, что нашёлся! Ты только не сердись, что я заблудился. Нечаянно... Я больше никогда сроду не стану...

Их обоих заносило снегом. Нельзя было оставаться тут на самом ветру. Надо было найти хоть какое-нибудь укрытие. Наташа, отвернувшись от ветра, как бы упираясь в него спиной, связала лыжи Сергунка своим шарфом, соорудила что-то вроде салазок, уложила на них мальчугана и попыталась волочить самодельные санки за собой. А метель задувала все неистовее, сплошной поток плотного, как будто уже в воздухе слежавшегося снега хлестал навстречу. Буран закручивал эти хлещущие струи вокруг. И Наташе, ослабевшей, терявшей последние силы, казалось порой, что она попала в какие-то огромные, бешено вертящиеся двери и безнадежно крутится, крутится в них и никак не может угодить в выход.

Она то и дело падала на колени, проваливаясь уже выше пояса, с трудом поднималась снова.

Метель задувала все неистовее.

Потом один раз у неё уже не хватило сил подняться...

Лыжники с электрическими фонариками в руках и с факелами, которые, словно огненные квачи, размазывали тускло светящиеся пятна в тёмном ревущем пространстве, шли со стороны городка и аэропорта, прочёсывая навстречу друг другу весь район, примыкавший к трассе недавних гонок. Они рассыпались по снежной равнине, взвихрённой бураном, обходя её двумя широкими цепями, которые, должны были сойтись, как две скобки. Зарево факелов улетучивалось в облаках несущегося снега.

Лучи электрических фонариков беспомощно задыхались в мути. Совсем в стороне от уже занесённой гоночной лыжни луч одного из фонариков вдруг остановился на обломанной, ветке куста, упавшей на снег, по-видимому, недавно, так как метель ещё не успела занести её полностью. Рядом свет фонаря обнаружил ямки на месте свежих, но уже полузанесённых следов. Некоторое время круглое световое пятно от луча фонарика металось вокруг. В конусе луча, лихорадочно ощупывавшего сугроб, кишели яркие высвеченные снежинки. Потом луч устоялся на ветку куста, на которой колотился на ветру зацепившийся за колючку помпон – кисточка от детского башлычка. Свет фонарика рванулся дальше по еле заметным следам, почти уже сровнявшимся с сыпучей поверхностью сугроба. Секунду-другую он петлял по сторонам и вот вздрогнул, остановился, набредая на

полузанесённые детские лыжи. Ещё быстрее стал шарить вокруг в этом тёмном, словно дымящемся пространстве луч фонарика, пока в конусе света не появились очертания двух прильнувших друг к другу и совершенно белых, будто загипсованных фигур.

Полузамёрзшая Наташа, прикрыв собой от ветра Сергунка, прикорнула на руках с ним за сугробом. Девушку и мальчика уже почти занесло снегом. Оба были недвижны, в забытии. Только свистел ветер в сучьях кустарника да шумела яростная позёмка.

Наташу вывело из беспамятства ощущение чего-то обжигающего во рту. Она судорожно закашлялась, отталкивая руку которая влиwała ей почти насильно в рот коньяк из фляжки. Ослеплённая лучом фонарика, направленного ей прямо в лицо, она ничего не видела вокруг, но сквозь тугой поток ветра и снега, нёсшийся из тьмы, до слуха её пробились обращённые к ней слова:

– Подняться в состоянии? Мальчика возьму сам.

Обопритесь на меня. Тут рядом шалаш. Я вешку поставил.

– Пойдите... Это кто? – еле справляясь с окоченевшими губами, пыталась спросить Наташа.

Голос из пурги и темноты отвечал быстро и кратко:

– Потом, потом... Молчите, дышите в шарф.

Наташа почувствовала, как тёплый вязаный шарф, закинутый за её шею, ложится на лицо, прикрывая его от ветра. На мгновение она увидела в свете фонарика рукав клетчатой куртки. Блеснула на обшлаге выпуклая пуговица в форме маленького футбольного мяча. Кто-то подхватил Сергунка на руки и, оставаясь невидимым в темноте, помог подняться Наташе. Прикрывая обоих плечом, повёл сквозь толщу рвущегося навстречу ветра к полуразрушенному охотничьему шалашу. Наташа и Сергунок были уже упрятаны в это шаткое, заваленное снаружи снегом убежище, когда зловещее мутное пространство над равниной начали пронизывать уже совсем рядом лучи прожекторов и отсветы факелов. Вскоре до лыжников, участвовавших в поисках, донёлся глухой, тонуший в рёве пурги голос:

– Эге-гей! Сюда все! Обнаружил!

И замигал, вспыхивая и потухая, фонарик. На этот зов и прерывистые вспышки фонарика к шалашу со всех сторон понеслись из тьмы факелы. Прожекторы аэросаней, бродившие вокруг, скрестились на ветхом, занесённом сугробами сооружении. Ослепительный свет, пробившись сквозь роившиеся клубы снега, залил внутренность шалашика. Окончательно пришедшая в себя Наташа счищала снег с Сергунка, который, полуочнувшись, припал к её лицу. Ближе всех к спасённым оказались Маша Богданова, расторопный дядя Федя и вездесущий Ремизкин, В слепящем ореоле лучей, бивших им в спину с аэросаней, и как показалось сперва Наташе, дымящихся, они ворвались в шалашик. Им пришлось брать неожиданное препятствие, нечто вроде снежного порога, наметённого у входа бураном. Но когда увесистый дядя Федя, замешкавшись, наступил на этот снеговой накат, раздался приглушённый стон:

– Ой, ногу... с ноги сойдите!.. И так отморозил. И в невыносимом для глаз сиянии прожекторов из-под смёрзшейся соломы, укрытой снегом, задом к лучам, посылаемым прожекторами, выполз совершенно окоченевший Дрыжик.

Наташа глазам своим не верила. Как трагикомически кончился кошмар этого вечера!

– Это вы нас сюда? А я уж думала, конец... Спасибо...

Между тем порывы ветра заметно слабели. Перестал валить снег.

Маша Богданова прижималась к холодным щекам подруги, обнимала её, тормошила Сергунка.

– Ух, чёртушки вы наши!.. Было из-за вас делов!.. Наташенька, неужели это он тебя? – зашептала она в ухо подруге. – Смотри пожалуйста, как повезло человеку! Недаром он твой вздыхатель. Смотри-ка! Нашёл и укрыл. Ну дела... Ай, Адриан Онисимович, вы же герой, однако!

Продрогший, ослеплённый лучами прожекторов, жмурясь, отряхиваясь, ещё сам не соображая, как всё это случилось, Дрыжик бормотал, вертя в руках карманный

электрический фонарик.

– Ах, оставьте, прошу! Не знаю, право... Возможно, бессознательно... Не отдаю ещё отчёта. Не окончательно ещё память восстановилась...

Донат Ремизкин, в полном раже оттирая других лыжников, лез к Наташе.

– Всё-таки нельзя ли точнее? Кто вас обнаружил первым? Вы сами сюда добрались или кто вас?.. – Он уже вытаскивал из куртки свой замусоленный блокнотик. – Кто? Мы портрет дадим на первой полосе. Ведь это какой же материал для газеты, соображаете?

Кто-то постучал ему легонько кулаком в плечо. Ремизкин обернулся.

За ним стоял на лыжах инженер Чудинов. Он глаз не сводил с лица Наташи, ярко освещённой теперь прожекторами.

– Простите, – негромко в самое ухо Ремизкину проговорил Чудинов, – я не так давно в Зимогорске, не всех знаю. Это ведь Авдошина?

– Какая такая Авдошина? – поразился Ремизкин. – Это же наша чемпионка, хозяйка снегов, как говорится, Скуратова. Вы что, не признали? Ей-богу, честное даю слово, даже удивительно!

Чудинов открыл рот, а потом захлопнул его. Стал быстро выбираться из группы лыжников.

«Определённо она. Конечно, она. Час от часу не легче. Но почему Скуратова?»

Но Ремизкин, найдя подходящий объект для излияния и видя в Чудинове приезжего, ещё мало разбирающегося по всех местных делах человека, уже настиг его:

– Как считаете, товарищ, надо в Москву сообщить? Такое происшествие в нашем районе! Это же называется именно – незаметный герой. Заголовок дадим: «Благородный поступок»... Нет, лучше: «Отвага и скромность». Правда здорово? Это звучит. Ей-богу, честное даю слово.

Чудинов пожал плечами:

– Нормально. Не всё ли равно, кто первый обнаружил? Не на соревнованиях. Важно, что столько народу бросилось на поиски, это здорово. А вообще-то, спасены – и ладно.

– Ну знаете, товарищ! – горячился Ремизкин. – Говорить теперь, конечно, легко, а вы бы вот попробовали сами.

– Я пробовал, – сказал Чудинов и ещё раз шагнул вперёд, внимательно вгляделся из темноты в лицо Наташи, которая уже совсем оправилась, покраснелась, стояла в накинута кем-то стёганой куртке и укутывала в тёплый шарф Сергунка.

– Она и есть, – проговорил Чудинов, отъезжая в сторону, чтобы выйти из луча прожектора, – Скуратова. Вот поди ж ты! А в Москве сказали: Авдошина из Вологды. Ничего не понимаю!..

Ремизкин уже наседа на ещё не совсем очухавшегося Дрыжика, что-то чиркал в своём блокноте.

– Так всё-таки как же это получилось-то? Неужели не помните?

– Да ведь, собственно... – бормотал, растерянно оглядываясь, парикмахер. – Тут, в общем, довольно просто получается. Следую я таким направлением... Замечаю возвышение, вижу шалашик, а меня заносит. Ну и... Разрешите в другой раз, чересчур околел.

И вдруг стало совсем темно. Аэросани выключили прожекторы. Интервью оборвалось. Все окутала крошечная, непроницаемая тьма.

ГЛАВА VII

Разговор начистоту

Была уже глубокая ночь, когда Чудинов добрался до гостиницы. Раненая нога всё время напоминала о себе, видно порядком он натрудил и разбередил её. Неожидаемое открытие совершенно сбило с толку. Спасённая девушка оказалась Скуратовой, а в Москве её называли Авдошиной. Но несомненно это тогда была именно она, сердитая красотка!.. Ему запомнилось это характерное лицо, на которое он успел тогда близко глянуть через

двенадцатикратный полевой бинокль. Круто выведенные щеки, чуточку вздёрнутый нос, серые глаза с выражением ребячливого своенравия и женственная, застенчиво-упрямая складка по-детски выпяченных губ.

И надо же было случиться сегодня этому бурану! Теперь глупо уже будет у себя в бюро изображать ненавистника спорта или, во всяком случае, равнодушного к лыжам человека. Должно быть, они уже заметили его хватку и стиль, если хоть немножко разбираются в этом деле. А ко всему ещё это странное открытие: не Авдошина, а Скуратова. Не Вологда, а Зимогорск. Уж не нарочно ли это всё Евгений подстроил тогда в Москве?..

Чудинов специально задержался, чтобы не попадаться на глаза возвращающимся лыжникам. Ещё таилась смешная и нелепая надежда, что, может быть, он остался незамеченным в общей сутолоке. Стараясь не шуметь, он осторожно поставил в вестибюле лыжи, которые ему были даны дядей Федей. Но уже спешила к нему бессонная Олимпиада Гавриловна.

– И вы ходили? У вас же нога... Прямо все с ума посходили с этим! Наш-то Адриан Онисимович – и тот! Что это, верно говорят, будто он-то и разыскал? Сказывали, их там в шалашике вместе и обнаружили, куда он их приволок. А ведь скромник-то какой, не признается по сей момент полностью. Намекает, а таится. «Не помню», – говорит. Вот благородной души человек! Из-за какой-то девчонки так здоровьем рисковал. Да что здоровьем – можно сказать, жизнью! – Она было отошла, направляясь к своей конторке, потом вдруг спохватилась:– Ой, товарищ Чудинов, забыла совсем предупредить вас. Там я к вам на вторую коечку командировочного одного поместила, временно. Уж извините – переполнение.

Свет в номере был погашен, но сквозь окно проникали отблески уличного фонаря. Пурга давно уже утихла, снежная муть осела. Фонарь за окном струил ровный и мягкий свет, и можно было различить все предметы в комнате.

Осторожно, чтобы не разбудить нового жильца, Чудинов раздевался в темноте, вешал одежду не в шкаф, а на спинку стула. Потом он ушёл в ванную. Слышно было, как он там легонько ухает под душем и затем, побрякивая, обтирается полотенцем. Потом он вернулся в комнату, прошёл к своей кровати, но споткнулся о стул и с грохотом уронил его на пол.

– Ох, простите, нашумел! – сказал он смущённо.

И услышал в ответ:

– Ничего, пожалуйста. Да зажги свет, хватит тебе в жмурки играть!

Вспыхнул свет. Чудинов, невольно приоткрыв рот в изумлении, с каким-то даже явным недоверием разглядывал нового постояльца. Он даже похлопал глазами, зажмурил их на миг и снова уставился, видимо не очень доверяя тому, что видит.

– Ты?..

– Как видишь, я.

И это был действительно я. Как я и предупреждал Чудинова, у меня нашлись дела в районе Зимогорска. Редакция получила ряд сигналов о задержке темпов строительства на самом руднике, и по дороге из Свердловска я, по распоряжению редакции, заехал в Зимогорск.

Самолёт наш садился на зимогорский аэродром уже во время начавшейся метели. Из-за снежной бури, разыгравшейся, едва мы приземлились, я весь вечер не мог добраться из аэропорта до города и решил заночевать в комнате ожидания. Мне дали чистую койку, и, усталый, я тотчас же заснул. Уже за полночь, когда буран стих, попутные аэросани, по моей просьбе, захватили меня в город и доставили в гостиницу. По дороге я услышал историю о том, как были найдены и спасены заблудившиеся. Все говорили о каком-то парикмахере.

Олимпиада Гавриловна, когда я явился к ней в гостиницу, предложила мне на выбор койки в двух комнатах. Услышав, что в номере Чудинова есть свободная, я, конечно, попросился к нему.

– Вот это да! – изумлялся Чудинов, присаживаясь против меня на своей кровати. – Ну и

вечер неожиданностей! Ну что же, здравствуй, Евгений, очень рад. Только предупреждаю, у нас сейчас будет с тобой серьёзный, крупный разговор.

– Погоди, погоди, отложим большие разговоры до утра. Я устал чертовски, еле добрался сюда от аэропорта. Пурга все дороги замела... Но ты, как здесь, в общем, говорят, развил бурную деятельность?

Чудинов неожиданно перенёс своё ладное, сильное тело на край моей кровати и слегка наклонился надо мной:

– Ох, Евгений, ты мне зубы не заговаривай! Это ты, старик, меня нарочно сюда запятил.

– Благодарю покорно! Теперь уже я виноват! Ты же твёрдо решил уехать из Москвы, при чём тут я?

– Вот-вот. Как это ты тогда мне расписывал? Таёжная глушь, медвежий угол, волчьи тропы... никакого представления о спорте!.. Шут ты эдакий, чтоб тебя!.. Да тут просто дыхнуть нельзя от этих лыжников! Вообще, по-моему, тут пешком никто не ходит. Как из пелёнок стал на ноги, так и пошёл вымахивать до старости. Любой дед тебя тут на лыжах обставит. «Никакого представления о спорте!» Ведь знал же! Чего рожу воротишь?

– Что ты на меня накинулся? Ты же сам решил бесповоротно выбрать Зимогорск.

– А-а! Ты ещё издеваешься? Да? Может быть, ещё про Авдошину скажешь?

– Авдошина тут при чём? Она живёт себе в Вологде, тренируется. Недавно на областных состязаниях показала недурные результаты.

– Слушай, старик, ты, может быть, кончишь дурака валять? Ты что, меня совсем идиотом считаешь? Я ведь с тобой серьёзно говорю. Я тебя тоже хочу спросить: при чём тут Авдошина? В Москве тогда, на гонках, ты мне кого показал? Скуратову, местную чемпионку?

– Ну, это просто, значит, путаница какая-то с номерами. Мы вместе с тобой установили по списку, что это Авдошина. Просто перепутали. Ну, поздно сейчас об этом говорить. Значит, судьба такая, Степан!

– Я вот возьму сейчас эту судьбу за шиворот и вышвырну к чёртовой бабушке из своей комнаты! Что ты тогда скажешь?

Я на всякий случай отодвинулся подальше к стенке.

– Скажу, что и у судьбы бывают свои превратности. Ты лучше мне скажи, тебе, что же, удалось до сих пор таиться?

Чудинов тяжело вздохнул:

– Да, пока держался. Боюсь только, что сегодня всё кончилось. Очень глупо вышло. Ты слышал, верно?.. Пурга, понимаешь, ребёнок один заблудился и девушка, воспитательница из интерната местного. Вот эта самая твоя Скуратова. Ну, я слышу – гибнут. Знаешь, тут уж не до принципов, люди же. И пошёл. Пришлось стать на лыжи. Они и глаза выпучили. Я тут у них гонителем спорта прослыл.

– Так, так, – протянул я, поглядывая на своего смущённого друга. – Ну, и каков результат поисков? Говорят, нашли? Благополучно спасли?

– Обнаружили, – нехотя отвечал Чудинов. – Обоих... Да уж и не так это сложно было. Район ограниченный, ориентиры хорошие. Прочёсывали густо, кто-то же должен был наскочить.

Я ещё раз внимательно поглядел ему в лицо и слегка приподнялся на подушке, опираясь на локти.

– Ага! Несложно, значит? Так. Ну, и кто же всё-таки первый обнаружил в такую пургу, или, как ты выражаешься, «наскочил»?

Чудинов встал, зевая и потягиваясь:

– Да кто-то там из спасательной партии. Там набежало видимо-невидимо, чуть весь город на лыжи не поставили. Нога вот, понимаешь, опять заныла, беда. Что ты так на меня смотришь?

Я пристально разглядывал его.

Он немножко изменился за то время, что я его не видел. Пожалуй, даже чуточку отяжелел без привычных тренировок, но всё же выглядел он у меня молодцом. Стройный, собранный, спокойный.

– Ну, чего уставился, спрашиваю! – недовольно повторил он.

? Да так, вспомнил кое-что из недавнего прошлого. Карельский перешеек, например...

Чудинов резко повернулся ко мне:

– Слушай, Евгений, позабыл уговор? Ещё слово – ночуй где хочешь. Ты вот лучше скажи мне по совести другое, уважаемый специальный корреспондент, чёрт бы тебя разодрал! Ты мне объясни всё-таки, каким же это образом у нас с тобой Клавдия Авдошина оказалась Натальей Скуратовой и пребывает, вопреки твоим авторитетным сведениям, не в Вологде, а именно здесь? Что это за странная путаница с номерами, а? Твоя работа?

Так... Пришёл час ответа. Я старательно взбил подушку, устраиваясь на ночь.

– Ну что ты, Степан, на самом деле! Как я могу сам менять номера, перебрасывать лыжниц из города в город да ещё переименовывать их! Ты считаешь меня слишком всемогущим. Это не в моей власти. И вообще я устал с дороги. Спокойной ночи.

– А-а, сразу в сон потянуло? – Он несколько раз сунул меня головой в подушку. – Это ты, старик, не её, а меня, дурака, из города в город перебросил. Я тебе это припомню когда-нибудь!

– Ну что ж, приятно, когда друзья помнят добро.

– Добро? Думаешь, что обошёл меня?

– Ничего не думаю и ничего уже не слышу. Я сплю. Сплю и вижу чудный сон: снежная равнина, и ты тренируешь Наталью Скуратову, Она тебе улыба...

Тут Чудинов ударил меня по голове подушкой со своей кровати и стал легонько ею душить. В общем, я чувствовал, что гроза миновала.

Я действительно очень устал с дороги и быстро заснул.

Проснулся оттого, что Чудинов опять слегка зацепил стул, стоявший между нашими кроватями. Я видел, как Степан подошёл к стулу, осторожно, стараясь не зашуметь, снял со спинки клетчатую спортивную куртку с круглыми пуговицами, имеющими форму футбольного мяча с выпуклыми дольками.

Он взял куртку, осмотрел её и стал накручивать на палец оборванную нитку, которая свисала там, где, как я заметил, не доставало сейчас одной пуговицы. Я слышал, как он ворчал про себя:

– Эх, незадача! Сколько лет держалась – и на тебе!

Не найдёшь теперь тут такую. – Он сел на корточки, заглянул под обе кровати. – Да нет, конечно, не здесь обронил. Видно, посеял там. Ах ты, досада!

Он скосил глаза в мою сторону. Но я тотчас же зажмурился, делая вид, что крепко сплю.

ГЛАВА VIII

Метка на шарфе

В то утро редакцию газеты «Зимогорский рабочий» одолевали телефонные звонки. Когда я, следуя традициям приезжих корреспондентов, зашёл сюда, чтобы нанести обычный визит вежливости редактору, во всех ещё пустовавших комнатах и на всех столах трезвонили телефоны. Аппараты, казалось, подпрыгивали от нетерпения и готовы были сорваться с проводов. Редактор, пожилой человек в тёплой, толстой, словно из войлока, куртке, с десятком авторучек и целым спектром цветных карандашей и линеечек-строкомеров, торчавших из нагрудных карманов, топая огромными валенками, с ожесточением хватался одной рукой за трубку звонившего у него на столе аппарата, а другой вынимал вату из уха.

– Да, слушаю! – Он закивал мне, указывая глазами на стул, приглашая присесть. – Да. Редакция. Хворобей у телефона. – Тут он чихнул раскатисто и надсадно, с каким-то жестоким наслаждением. – Благодарю вас. Что? Кто спас? Ах, в этом вопрос!.. А кого

спас? – Он переложил трубку в другую руку, воткнул вату в ухо, которым слушал, высвободил затычку из второго. – Весь город звонит, товарищи дорогие!.. Кто спас, кого спас? – Он опять сокрушительно и со стоном чихнул два раза. – Самому спасу от вас нет! Мешаете работать!.. Марта Мартыновна, – крикнул он, повернувшись к дверям, – переключите, бога ради прошу, на себя аппарат...

Он бросил трубку на рычажок, аппарат сейчас же принялся звонить снова. Редактор снял трубку и положил её на стол. Потом вынул вату из одного уха и запихал её в трубку. Трубка приглушённо курлыкала на столе. Пользуясь этой паузой, я представился.

– Милости просим, очень приятно, – радушно сказал Хворобей, – поглядите. У нас тут строительство развернулось на полный ход. Этот новый инженер из Москвы очень толково жмёт. По бытовому строительству большие перспективы. А тут лезут со всякой ерундовиной: кто спас, кого спас!

В кабинет ворвался Донат Ремизкин:

– Здравствуйте, товарищ Хворобей. Вчера уже поздно было, а у меня такой материал есть, прямо ахнете!

– Ох! – устало передохнул редактор.

– Вот именно, что не ох, а ах, – не унимался Ремизкин. – У меня уже есть строк двести. Называется «Люди спасены» и подзаголовок – «Отвага и скромность». Слышали? Во время вчерашнего бурана человек спас...

– Да кого спас? – спросил редактор.

Но Ремизкин, видимо готовя заранее им задуманный эффект, подлетел к двери и широко распахнул её. В дверях показалась Наташа Скуратова. Она была немного бледнее обычного, и глаза её были приглашены затаённой усталостью. Видно, немало пережила она вчера. Но всё же я опять невольно залюбовался ею.

– Вот её спас! – воскликнул Ремизкин. – И её воспитанника Серёжу Орлова из первой группы.

Наташа в некотором смятении оглядела всех нас:

– Товарищи, погодите, я ведь как раз пришла сказать...

Но редактор энергичным жестом остановил её:

– Тихо. Прошу. – Он показал ей на свободный стул. – Так. Сели. По порядку. Вас спасали?

Наташа кивнула головой.

– Так. Значит, с этим ясно. Теперь: кто спас?

Тут опять вмешался Ремизкин:

– Разрешите? Я уже все обеспечил. Он здесь, чтобы без задержки было, прямо в номер... Адриан Онисимович, войдите, вас просят! – крикнул он в другую дверь, и оттуда появился Дрыжик.

Парикмахер был явно не в своей тарелке. Он вошёл в нерешительности, прижимая к себе трух и как бы растирая им грудь.

– Вот он! – торжественно возгласил Ремизкин. – Товарищ Дрыжик. Я с утра все уточнил, расследовал, а вчера лично был на месте совершения... тьфу, извиняюсь, то есть на месте происшествия. Товарищ сам не помнит от переживаний, что как раз он сам-то и спас. А улики... то есть данные, все налицо.

Хворобей, надев очки, строго смотрел на Дрыжика:

– Товарищ, только короче. Номер стоит, газету задерживаем. Но отрицайте, спасали?

Дрыжик, только было присевший, снова вскочил, растирая грудь шапкой, которую он комкал в руке:

– Видите ли, я... конечно, спасал... то есть у меня было такое определённое намерение, и, значит, когда я увидел... смотрю это...

Наташа не выдержала:

– Товарищ редактор, и вы, Адриан Онисимович... Это всё так, только я хочу одно сказать...

– Только быстрее! – Редактор с размаху и с треском положил толстый карандаш на стол. – Короче. У нас набор задерживается. Срочный материал с обогатительной фабрики, и вот товарищ из Москвы прибыл, специальный корреспондент.

Ремизкин посмотрел на меня с восторженным уважением. Наташа тоже удостоила меня любопытствующим взглядом. Хворобей продолжал:

– Короче. Сокращайтесь. Неужели не можете разобраться до сих пор? Вы спасали?

– Затрудняюсь уточнить, – бубнил растерянный, но честный Дрыжик. – Был отчасти без полного ясного сознания. Иду, значит, замечаю – шалашик.

– Ну, ясно же все. Скромность! – пояснил Ремизкин на ухо редактору.

Редактор опять хлопнул карандашом по бумаге:

– Психологически понятно. Материал в полосу! Быстро фото, клише в номер. Четыре квадрата.

– Товарищ редактор, – уже решительно начала Наташа, – я бы всё-таки хотела сперва уточнить. Конечно, спасибо вам за внимание...

Но Хворобей уже не слушал её:

– Некогда, дорогая, некогда. Всё ясно. Номер стоит. Благодарить будете потом его! – Он ткнул пальцем в Дрыжика.

И дальше всё произошло почти мгновенно. Ошарашенного Дрыжика посадили посреди комнаты в редакторское кресло, отодвинутое от стола. Ремизкин установил аппарат на треногу. Наташе, оторопевшей в такой спешке, он сунул в руку большую электролампу для подсвечивания. Сам Ремизкин почему-то, секунду подумав, влез на стул, собираясь снимать героя именно в таком ракурсе. Штатив аппарата он установил на столе. Войдя в привычный раж, он командовал:

– Нет, стоп... Дайте лампу! Товарищ Хворобей, попрошу подержать. Вы, Наташа, сюда! Я вас вместе – спасителя и спасённую. Предупреждаю, будет выдержка. Внимание! Наташа, прошу вас, молчите. После все скажете. Начали! Раз... два...

Дрыжик скромно, но в горделивой позе человека, которому слава не так уж нужна, застыл, поедая очами аппарат.

– Товарищи! – не сдавалась Наташа, но Хворобей и Ремизкин замахали на неё руками. – Однако, в конце концов, спасали-то меня! Я не спорю, Адриан Онисимович действительно был там под соломой...

– На... – сквозь зубы, стараясь не шевелить губами, поднял голос Дрыжик, продолжая сидеть неподвижно и подчиняясь фотovyдержке. – На... На соломе.

– Ну вот, все испортили! Придётся сначала, – разогорчился Ремизкин.

– Ну хорошо, – продолжала Наташа, – был обнаружен, скажем, в соломе. Пускай так. А вот потом я обнаружила у себя на шее этот шарф. Это не мой, и здесь, глядите, какая-то метка вышитая. Часть уже стёрлась, нитки повыдергались, а разобрать кое-что можно.

Я невольно вздрогнул, когда Наташа развернула этот весьма мне знакомый шарф. Все склонились над ним. На толстом шерстяном крутой, плотной вязки кашне можно было прочесть буквы, оставшиеся от когда-то вышитой метки:

С. ту

– Разве это ваш шарф, Адриан Онисимович? – в упор спросила парикмахера Наташа.

Ремизкин секунду-другую вглядывался в метку, потом вдруг хватил себя ладонью в лоб так, что даже сам отшатнулся, взъерошил волосы и обвёл нас всех взглядом, который, вероятно, был у Менделеева, когда тот составил Периодическую таблицу элементов, или у принца в сказке о Сандрильоне, когда потерянная туфелька пришлась как раз впору Золушке.

– Стоп, граждане! Понял, ей-богу, честное даю слово, всё ясно! Как фамилия этого нового инженера, который тоже спасать ходил, а раньше прикидывался, что на лыжах ни

бум-бум? Чудинов? А звать как? Степан? Теперь что получается? Видите, тут точка стёрлась, еле видна... И что же мы имеем? С. Чудинов. Только конец метки вытерся. Вот это да! Бегу в «Уралпроект». От меня не утаишься!

Уже не глядя на Дрыжика, он резко повернулся и задел аппарат, который с грохотом упал на осветительную лампу, остававшуюся ещё в руке у Хворобя. Лампа с оглушительным треском лопнула, свет погас.

– Все вдребезги, – резюмировал Дрыжик.

В конструкторском бюро все уже были на своих местах, когда появился Чудинов. Его встретили неожиданно бурными аплодисментами. Маша Богданова, волнуясь, вышла вперёд, на середину комнаты. Из-за плеча её восторженно смотрели молоденькая чертёжница и волосатый чертёжник, которые так недавно сердились на Чудинова.

– Уважаемый Степан Михайлович! Нам всё известно...

Чудинов уже знал, что так будет... Он слегка опустил голову и исподлобья посмотрел на Машу:

– Что вам известно?

– Все, все, – заторопилась Маша. – И то, что вы были знаменитый чемпион, – это уже отрицать теперь не станете. Вон дядя Федя даже журнал достал за тысяча девятьсот тридцать девятый год.

Она посмотрела вверх через плечо назад, а волосатый чертёжник осторожно раскрыл над её головой страницу спортивного журнала, на которой был изображён в разных видах заслуженный мастер спорта Степан Чудинов, чемпион Советского Союза по лыжам за 1939 год.

Я невольно вздрогнул, когда Наташа развернула шарф.

– Степан Михайлович! А тренировать вы нас теперь станете? – Маша весело и заискивающе заглянула снизу в глаза начальнику. – Уж не будете ругаться?

Чудинов неловко хмыкнул и отвернулся.

– И какой вы хороший, смелый, что Наташу Скуратову спасли с Серёжкой и даже сперва никому не открылись. Все на парикмахера подумали.

Чудинов резко обернулся и открыл рот, чтобы что-то сказать, но все заговорили разом, не давая ему возразить.

– Да, да, бросьте, хитрый какой! Опять таится! А нам из редакции звонили. Шарф обнаружили ваш с меткой. Все буквы ваши на месте.

– Да какой шарф? Никаких шарфов давно не ношу! – твердил обескураженный Чудинов. – И вообще, с чего вы взяли? Ну, насчёт тридцать девятого года я не спорю. Было такое дело. А уж это оставьте, пожалуйста!

– Довольно скрытничать! – кричали ему все. – Всё знаем, теперь уж поздно прятаться. Сейчас Ремизкин придёт из редакции. В газете ваш портрет будет.

– Портрет? Этого ещё только не хватало! Да что вы, товарищи! С ума вы сошли, что ли? – взмолился Чудинов. – Ну, хватит, за работу, живо! Я сейчас дам новые расчёты...

Он уже повернулся, чтобы выйти в соседний кабинет, но в дверях наткнулся на Ремизкина. Тот надвигался на Чудинова, не сводя с инженера глаз и объектив фотоаппарата.

– Вы это, дорогой товарищ, что так нацеливаетесь?

– Товарищ Чудинов, – взволнованно, но настойчиво объявил Ремизкин, – сейчас уже бесполезно отрицать. Вот вещественное доказательство – шарф с вашей меткой, видите? «С. Чудинов». – Он потряс над головой шарфом.

– Положим, я этого тут не вижу, – сказал Чудинов, но с явным смятием посмотрел на шарф.

– А вы взгляните мысленно! Вот, если тут продолжить, как раз и получится, что С. Чудинов.

– Странно, – растерянно проговорил Чудинов, – был у меня похожий шарф, но только я его ещё в году эдак сорок шестом уронил с яхты на Ладоге и утопил нечаянно. А это просто случайное совпадение. Да вообще, с чего вы взяли? Чепуха какая!

– Да, как же, – набросился на него Ремизная. – Ведь всё же буквы совпадают. Погодите, я вас только сниму.

– Послушайте, приятель, – уже совсем сердито сказал Чудинов. – Беседа закончена. Ясно?

– Так ведь буквы же! – не сдавался Ремизкин.

– Не приставайте, а то я вас на такую букву пошлю... – уже грубо сказал Чудинов, отвёл рукой попавшегося ему на дороге волосатого чертёжника и быстро вышел из комнаты.

Ремизкин устремился было за ним, но в это время позвонил телефон. Маша подошла:

– Из редакции? Кого? Тут Ремизкин. Донат, вернись, из редакции тебя.

Запыхавшийся Ремизкин кинулся к телефону, схватил трубку.

– Не дают оперативно работать! Ну, что такое? Как? Кто? Тот, кто спас? Сам пришёл?..

Все смотрели на него в полном смятии.

А в это время в редакции «Зимогорского рабочего» перед Хворобеем сидел, развываясь, небритый, запухший детина в стёганом ватнике.

– Погодите, Ремизкин, – говорил в телефон редактор, – погодите у телефона. – Он повернулся к собеседнику: – Так вы утверждаете, что вы именно обнаружили заблудившихся?

Тот откашлялся и, немного поёрзав, расположился удобнее в кресле.

– Вполне свободная вещь, спросите милицию. Обнаружили меня в той же местности, как я был не в себе, чересчур окоченевши. Конечно, я вам все это в точности объяснить не берусь, как я, будучи, говорю, сильно окоченевши, и, конечно, как шёл заступать в аэропорт, то принял немного... К тому же учтите, я по состоянию здоровья зарегистрирован как лунатик, могу вам справку из амбулатории. Вот сон вижу, что сплю вроде... А сам хожу и после не имею памяти, где ходил. Лунатизм. Вам это понятно? Это вы обратите внимание... Теперь, значит, дело как было...

– Понятно, понятно. Ремизкин! – закричал в трубку Хворобей. – Имейте терпение, сейчас я все выясню.

– Да что выяснять-то? – продолжал посетитель. – В газету объявление я не требую. Дайте справочку на руки, что не мог заступать вовремя по причине спасения погибающих. Печать приложите, и всё. Мне лишние разговоры эти ни к чему. А то меня через всё это с работы сымают, под прогул подводят. Я же разве виноват, что на меня напал лунатизм?

Ремизкин что-то верещал в трубку. Хворобей закивал головой:

– Сейчас спрошу. – Он перегнулся через стол, насколько позволил ему провод. – Быстро: шарф теряли? Теряли, спрашиваю?

– А как же, – не смутился посетитель, – свободная вещь. Как меня обнаружили, я хватать-похватать – нет на мне ничего, ни, конечно, денег, ни вот этого самого... шарфа...

Трубка опять заверещала, и редактор, поднося её к самому рту, закричал:

– Да сейчас, сейчас! Не порите горячку! Выясню... Как, товарищ, ваша фамилия?

– Фамилие моё будет Сычугин. Так запомните или написать вам?

– Фамилия Сычугин! – закричал редактор в телефон.

И услышал, как Ремизкин там, у другого конца провода, охнул:

– Как Сычу... Граждане, отставить! Ещё один спаситель нашёлся! Буква в букву...

ГЛАВА IX

По следам неизвестного героя

*Ищут пожарные,
Ищут милиция,
Ищут фотографии
В нашей столице...*

С. Маршак⁹

Тщетно бедный Ремизкин пытался разобраться во всей этой путанице с буквами. Появление Сычугина совсем сбilo его с толку. Вот, кажется, и буквы все сошлись, а сомнительно было, чтоб этот лунатический выпивоха спас Наташу и Сергунка. Чудинов же и слышать не желал обо всей этой истории. Сунувшегося было ещё раз к нему Ремизкина он довольно уже бесцеремонно выставил за дверь бюро и просил больше с этими глупостями к нему не являться. Бедный Ремизкин, которого разбирало не только любопытство, но ещё мучило то, что он не оправдал доверия редактора, поймал меня и просил, как более опытного, старшего товарища, посоветовать, что делать, как быть.

– Ведь это же, конечно, Чудинов? – говорил Ремизкин, просительно смотря на меня. – Ну, вы ему друг, скажите, чтобы признался. Если не хочет, мы портрета давать не будем. Можно даже без фамилии. Напишем только одну букву: «инженер Ч.» Ну что ему, жалко? Всего только одна буква, не все и догадаются.

Но как я мог помочь Ремизкину? Я слишком хорошо знал характер Степана и на этот раз вполне понимал его. Хотя я в душе и был доволен, что случай свёл Степана с Наташей, и готов был про себя благословлять пургу, пронёсшуюся над Зимогорском, я понимал всё же, как злят Чудинова все эти разговоры о шарфе, буквах и прочих неотвратимо сходящихся мелочах. Да, все улики, как говорится, были налицо. Но не такой человек был мой Степан, чтобы его могли легко припереть к стенке, если он этого сам решительно не хотел.

Ремизкин рассказал мне, что он пытался расспросить о подробностях Наташу, но девушка заявила, что ей трудно восстановить в памяти детали этого недоброго вечера. У неё все словно снегом замело в сознании. Ей, видно, были тоже неприятны расспросы Ремизкина. Они напоминали самолюбивой девушке о том, что она фактически потерпела ещё одно поражение на лыжне, хотя это была не гонка, а поиски заблудившегося. Всё же она показала себя не с лучшей стороны, эта бывшая Хозяйка снежной горы. Куда уж там! И лыжу сломала, и справиться сама потом не смогла. Спасибо, нашёлся какой-то добрый человек, что выволок её из беды, спас от гибели. И, видно, деликатный, чуткий человек. Спас и скрылся в темноте. Не лезет с напоминаниями, не ждёт, чтобы спасибо сказали. А другой бы явился да начал красоваться... Честно-то говоря, Наташу тоже разбирало любопытство. Ей очень хотелось узнать, кто же был тот таинственный спаситель, который разыскал её в такой лютой пурге, донёс на себе Сергунка, согрел её своим шарфом. Но не такой был у Наташи Скуратовой характер, чтобы она со своей стороны стала помогать розыскам неведомого спасителя. Не хочет открываться – и не надо.

С отчаяния Ремизкин решил даже обратиться в уголовный розыск. Он сделал это по своей собственной инициативе. И вся редакция была заметно удивлена, когда вдруг в кабинете Хворобя появился худощавый смуглый человек с маленькими чёрными усиками, в круглой шапке-кубанке. На поводке он вёл огромную овчарку. Собакица легла поперёк редакторского кабинета и стала подозрительно смотреть на самого Хворобя, который почувствовал себя при этом как-то очень неуверенно и только шёпотом спросил у пришедшего:

⁹ Эпиграф к IX главе взят из «Баллады о неизвестном герое» С. Маршака.

– Намордники им не полагаются?

На что пришедший отвечал:

– В частной жизни водим в намордниках, а при вызове сываем.

Выслушав рассказ о происшествии, товарищ из угрозыска стал весьма сосредоточенным и даже печальным.

– Сыск – благородное дело, – сказал товарищ из угрозыска. – Но только в данном вопросе мы вам не поможем. На подобные случаи у нас даже и собаки не натасканы. Не в этом направлении тренировка идёт. Это уж, извините, не наша сфера деятельности, так сказать. Вот если бы, скажем, убийство было или хищение чего-либо, или, скажем, растратили бы средства какие, тут, может быть, по распискам или по ходу движения суммы мы бы следствие и повели. А так трудно. Да и закону такого нет, чтобы следствие вести на человека, который героизм проявил и не желает открываться. Ведь ни под какую статью не подведёшь.

– Это верно, – сокрушался Ремизкин, но всё-таки настоял на том, чтобы ищейке дали понюхать шарф. Но это вещественное доказательство так захватили за последние дни все кому не лень, что собака и носом не повела. Только отвернулась брезгливо. Не произвели также никакого впечатления на овчарку и буквы из метки.

– Нет, ей-богу, честное даю слово, даже обидно! – жаловался мне потом Ремизкин. – Столько всего написано про то, как злодеев, всяких преступников разыскивать – целая, говорят, литература есть; мне в библиотеке справку дали, так столько там книг, что за всю жизнь не прочтёшь, однако, – а как сыскать, если кто геройство совершил и не открылся, ни звука. Просто даже обидно! Значит, если по кровавому следу – счастливого вам пути! Или, как пишут, разматывать клубок преступлений – сделайте одолжение, мотайте! А если чинно, благородно надо хорошего человека выявить, если он такой скрытный, чересчур совесть имеет и больно уж скромный и тому подобное, так никто ничего толком не посоветует. Вот я бы такое учреждение велел организовать, чтобы они пусть всякие неизвестные хорошие дела разбирали и всему народу сообщали.

Потом однажды Ремизкин примчался ко мне о новостью, которая, признаться, даже и меня привела уже в некоторое замешательство. Дело в том, что неугомонный репортёр-любитель продолжал свои розыски. Хотя Ремизкину было ясно, что не кто иной, как Чудинов, вызволил тогда из беды Наташу и Сергунку, ему самому хотелось исключить всё, что могло бы в наималейшей степени поколебать это убеждение. Он отправился в свободное время к начальнику аэропорта и там выяснил, что в тот памятный вечер из-за пурги на зимогорском аэродроме до самого утра задержалось несколько транзитных самолётов. Пятеро пассажиров с них вызвались, оказывается, добровольно участвовать в действиях поисковой партии, которая вышла навстречу лыжникам, отправившимся из города. И вот в списке пассажиров какого-то транзитного самолёта Ремизкин усмотрел одного, по фамилии, как бы вы думали какой?.. Русочуб!

– Вы только смотрите, – напирал на меня возбуждённый Ремизкин, – опять же сходится. Видите! «С», а тут «Чу». И начальник аэропорта говорит: «Помните, что ходил такой на поиски – плечистый, здоровый». Улетел утром во Владивосток, понимаете? Тут опять-таки возможно сделать предположение, а? Честное даю слово, ей-богу! Как по-вашему? Я решил с Москвой связаться. Запрошу службу перевозок. Начальник сказал, что, когда билет берут, адрес записывают. Значит, есть зацепка, верно ведь? Товарищ Карычев, вот вы, человек опытный...

Он и мне порядком уже надоел за эти дни. Пускай списывается с этим самым Руевчубом, но пора уже было поубавить пылу и ражу этому следопыту, а то Чудинов мой, чего доброго, от всей этой истории, так хорошо начавшейся, совсем уже взбеленится.

– Занимались бы вы, Ремизкин, своим делом, – посоветовал я ему. – Ну что вы носитесь, как дурень с писаной торбой, когда, в общем, и так всё ясно для каждого? Кончили бы всю эту волюнку. Ну подумаешь, спас. Что тут особенного для лыжника?

Ремизкин смотрел на меня во все глаза.

– Да, да, – продолжал я. – Не надо из мухи слона делать. Ну что вы хотите тут сенсацию раздуть? Осложняете только отношения, которые могли бы прекрасно сложиться ко всеобщему удовольствию... И вообще, знаете, Ремизкин, что на этот счёт сказал композитор Гуно, вот тот самый, что «Фауста» сочинил?

– «Фауста» по радио передавали. А вот насчёт того, что сказал, – не слышал.

– Так вот, запомните. Гуно сказал: «Добро не делает шума, а шум не делает добра». Вот, друг мой дорогой...

– Ну... – сказал Ремизкин. – Ну, товарищ Карычев, от кого-кого, а от вас не ожидал! Такой, можно сказать, боевой журналист, сколько я ваших корреспонденции читал, и вдруг...

– Что – вдруг?

– Извините, только вы не чувствуете настоящей героики, вот что я вам скажу!

И больше ко мне уже не приставал.

А наавтра я узнал, что Чудинова пригласил к себе председатель местного исполкома товарищ Ворохтин, вернувшийся из отпуска и командировки в Москву.

Каждый, кто впервые попадал к Ворохтину, глядя на него, прежде всего думал: «Ох! И как же ты, дорогой, из всего вырос!» И правда, ощущение было такое, что все тесно этому великану. Коротки стали ему собиравшиеся гармошкой у неохватных плеч рукава синего пиджака, пуговицы которого, казалось, вот-вот отскочат от напора могучего и огромного, с трудом втиснутого в костюм тела председателя. Слишком узким выглядел воротник полосатой сорочки, кончики которого торчали в разные стороны под нажимом мощной шеи. Слишком туго, казалось, был повязан галстук, хотя узел его и так был уже где-то па груди, на уровне депутатского значка. И тесноватым выглядел кабинет, слишком маленьким по сравнению с фигурой хозяина был стол, а сам Ворохтин словно не вмещался в своём широком кресле, готовом вот-вот раздаться во все стороны. И даже весь город Зимогорск показался Чудинову слишком маленьким, не по росту так вымахавшему председателю исполкома.

Он радушно приветствовал инженера, обеими руками крепко, но бережно стиснул руку его, подтащил к себе, взял за плечи, всадил в кожаное кресло, которое подтолкнул к гостю носком сапога, и сам тоже втиснулся в другое, стоявшее напротив. Годолобый, румяный, бритоголовый, он посмотрел внимательно на Чудинова и вдруг подмигнул ему одним глазом.

– Вы – вон, оказывается, кто такой! Ну, думаю, инженер, говорят, толковый специалист, немного круто поворачивает, зато быстро порядок навёл в конструкторском бюро. Это мы приветствуем. И хорошее дело придумали с этими витринами-проектами. Пусть народ сквозь бараки завтрашнюю нашу красу видит. За это спасибо. Жаловалась только на вас, что характером туговаты и молодёжь на тренировки лыжные не пускаете. Это, конечно, вы неправильно. Ну, да сейчас об этом разговор, вероятно, уже запоздал. Оказывается, сами-то вы вон кто такой! Ишь ты, прихоронился-то как хитро! – И он развернул перед Чудиновым уже знакомый ему журнал, на обложке которого красовался чемпион 1939 года. – Узнаете? Отказываться не будете? Так в чём же дело, товарищ Чудинов? Одно другому не мешает. Но ведь город-то наш на всю округу лыжниками славится. Именно гнездо покорителей снегов. Да наш «Маяк», откровенно сказать, «Радуге» этой может двадцать очков вперёд дать, если захочет.

– Но пока что на двадцать пять очков позади оказался, – возразил, пряча улыбку, Чудинов.

– Чистая случайность, – разгорелся Ворохтин. – Абсолютно уверен, что случайность. И потом, непривычная обстановка. К тому же, учтите, снег у вас другой, а у наших мази для лыж охотничьи, фамильные, из рода в род идут, свои секреты. Однако там, видно, не подошли. Это бывает. Как говорится, не попали на мазь. И потом, извините меня, прямо скажу: судьи, я знаю, придрались к нашим. На дистанции запутали. Ведь вы сами знаете, от

судьи тоже многое зависит, как ни говори. Вы тоже, москвичи, хитры. Знаю я вас!

Он погрозил огромным, с огурец, пальцем Чудинову и опять подмигнул ему.

— Ни при чём тут судьи, — возразил Чудинов. — Просто техники у ваших не хватает. Например, вот эта ваша местная звезда Авдо... тьфу!.. Скуратова Наталья. Такие данные! Дал бог силушки, а поглядите, как ходит. И рубит, и колет, и в полон берет, а сама у себя крадёт скорость. Да, — продолжал он, как бы внезапно осадив себя, — никто не спорит, данные есть, только мало этого.

— Вот именно, — подхватил Ворохтин. — Я сам, признаться, бешеный этого дела болельщик. Кое-что кумекаю. Ну, и вижу — отсутствует техника. Вот к чему и разговор, товарищ Чудинов. Взялись бы вы, а? Ведь это же просто повезло нам, чтобы такое светило, как вы, — и вдруг на нашем горизонте взошло. — Он перегнулся вперёд, громадными своими ладонями схватил Чудинова за колени, целиком покрыв их, и, легонько постукивая одно о другое, продолжал: — Нет, честное слово... Как вас по отчеству? Степан Михайлович? Так слушай, друг Степан Михайлович, — сказал он, внезапно и доверчиво переходя на «ты», — ведь здорово же будет, шут нас с тобой обоих возьми, если, скажем, сяду вот так вечером к приёмнику, поверну ручку, — он легко, не вставая, достал сажённой рукой до приёмника в углу, щёлкнул рукояткой, — и оттуда услышу: «Первое место и звание чемпиона Советского Союза завоевала Наталья Скуратова, клуб «Маяк», город Зимогорск». Слушай, дорогой ты мой Михалыч, милый, я же серьёзно говорю. Ну кто тебя там обидел, от спорта отшиб? Плюнь ты на это дело! Да мы тебя, брат, почётным гражданином Зимогорска сделаем. Квартиру пожизненно от исполкома! Ей-богу, правду говорю. Натренируешь?

Между тем в приёмнике, который машинально включил Ворохтин, прогрелись лампы, и из-за экранчика диффузора раздалось:

«Начинаем передачу для детей дошкольного возраста. «Угадайка»... Здравствуйте, дорогие ребята».

Ворохтин с сердцем выключил приёмник, смущённо поглядев на инженера. Оба невольно расхохотались.

— Вот то-то и оно-то, — сказал Ворохтин. — Небось думаете, что для меня подходящее: в детство, мол, впадает председатель. Но что делать, товарищ Чудинов, — он широко развёл руками, чуть не весь кабинет перегородив собою, — болею. Каюсь, болею!

— Я подумаю, — сказал Чудинов. — Честно-то говоря, я, когда сюда ехал, твёрдо считал, что с этого рода деятельностью у меня, как говорится, завязано. Навсегда. Но, признаться, разбередали вы меня. Это, вероятно, журнал вам Маша Богданова притащила? Ну, так и знал! Не вылезь я тогда в эту пургу проклятую...

Ворохтин, поглаживал мосластый бритый подбородок.

— Слышали, слышали кое-что.

— Что слышали? — насторожился Чудинов.

— Ничего! — спохватился Ворохтин, вспомнив, очевидно, наставления приходивших к нему вместе с Машей Богдановой физкультурников. — Ровным счётом ничего. То есть слышал только, как вы ночью тогда махнули, не задумываясь... Ну, а насчёт всего иного мы тоже лишних слов зря не говорим, шуму не любим. Да и то, как говорится, не пойман — не вор, не награждён — так не герой. Так, что ли? Эхе-хе-хе!

ГЛАВА X

Очнись, Белоснежка!

В тот же день стало известно, что инженер пришёл в клуб «Маяка» и долго молча, придирчиво выбирал себе лыжи. При этом он успел сделать несколько огорчительных замечаний работникам клуба, упрекнул их, что они неправильно хранят лыжи, и даже сам показал, как следует укреплять их в стойке, и вообще произвёл неприятное впечатление: придира, зазнавака, все ему не то и не так. Выбрав более или менее подходящие лыжи и в душе ругнув себя за то, что оставил в Москве свои испытанные, Чудинов после работы

сделал первую разминку.

Когда он вышел на снежную равнину, постепенно переходившую в холмы, на вершинах которых стеной стоял сосновый бор, мышцы его разгорелись, приобрели прежнюю эластичность и словно налились знакомой уверенной силой.

И Чудинов пошёл!.. Он постепенно увеличивал ход, почти не учащая шага, лишь удлиняя его в скольжении, разгоняя скорость. Приятно было ощущать, как с каждым мгновением возрастал послушный накат лыж, скользивших с лёгким звоном по чуточку примёрзшему насту, который хрустко подавался тоненькими, ломкими пластинами. Утром ещё Чудинову казалось, что он отяжелел, утратил лёгкость дыхания, устойчивую, стремительную манеру свою, которая так восхищала когда-то зрителей. Чудинов знал, что полное удовлетворение на разминке наступает тогда, когда скорость, уже накопленная, как бы становится твоим состоянием и словно сама передаётся всем движением, удлиняя их приобретённым разгоном.

И вот все это возвращалось к нему сейчас. Белое пространство покорно стелилось под выносимые поочерёдно вперёд острые концы лыж. Чудинов чувствовал себя снова вернувшимся в покорный ему удел морозного ветра и властного движения к далёкой, но несомненной цели.

Взлетев с разгона на крутой холм, он остановился и, опираясь на палки, посмотрел вдаль. Там появилась группа маленьких лыжников в башлычках. Их возглавляла мягко шедшая вдогон рослая лыжница. Чудинов знал, что они сегодня будут тут. Он для этого и пришёл сюда, чтобы посмотреть ещё раз на Скуратову и, может быть, наконец поговорить, если придётся. Он видел, как девушка взмахнула рукой, слегка приседая, и ребята, выстроившись шеренгой, старательно отталкиваясь палками, заскользили по склону горы. Чувствовалось даже издали, что все они держатся на ногах легко и уверенно. Настоящие природные маленькие хозяева белых гор... Гномики-снеговички!

А когда ребята съехали, Скуратова слегка пригнулась, сделала лёгкий пологий рывок и, мигом скатив с холма, описала безукоризненный полукруг, обхватив им всю группу своих питомцев. Опытный глаз Чудинова тут же отметил несколько ошибок в технике шага, излишний развал движений на ровном месте. Но нельзя было не восхититься той смелой свободой скользящего шага, с которой Наташа промчалась по довольно крутому спуску. Чудинов расправил плечи. На короткое время пригнувшись, по привычке провёл рукой по левому колену, как бы прислушиваясь к нему, потом, оттолкнувшись обеими палками, сделал первый шаг, и через минуту он уже нёсся по крутому туда, вниз, где чернели на белом фоне фигурки гномиков и Белоснежки на лыжах.

Неожиданно перед лыжником оказалось что-то вроде естественного трамплина – снежный нанос, круто обрывающийся. Сворачивать было поздно. Чудинов слегка присел, прыгнул, сохраняя равновесие, врезался лыжами в покатый сугроб, пересёк его на большой скорости, оставляя глубоко взрытую колею, но за сугробом оказался почти замётённый снегом небольшой пенёк. Правая лыжа концом своим пришлась прямо в него, и Чудинов полетел кубарем под откос, зарываясь головой в сугроб. На счастье, снег был ещё не слежавшимся, рыхлым.

Когда Чудинов, тихонько чертыхаясь про себя, выкарабкивался, к нему уже со всех сторон подкатывали маленькие лыжники. Слегка опередив их, к месту происшествия подъехала Скуратова. Чудинов поднялся, отряхиваясь. Снег залепил ему уши, нос, глаза. Снег забился в рукава, за воротник. Наверное, всё это было очень смешно, потому что ребята смотрели и прыскали в плечо друг другу, отворачиваясь. Скуратова тоже с трудом сдерживала улыбку. Чудинов посмотрел на всех, обтёрся платком и вдруг тоже начал хохотать во всё горло.

– Здорово я?..

Круглоголовый коренастый мальчуган, посмелее других, подобрался ближе.

– Дядя, вы, верно, плаваете хорошо, однако? – басом проговорил он. – Вы когда ныряли в снег, так руки вперёд, сразу вот так...

– Сергунок! – остановила его Скуратова. Она строго посмотрела на своего воспитанника и обернулась к Чудинову: – Вы не ушиблись, товарищ?

– Да нет... Снег мягкий. Это пенёк тут подвёл.

Чудинов ногами разгрёб снег, показывая на торчавший из сугроба пенёк, который был виновником его позора.

– Да, у нас тут надо под ноги смотреть, когда на лыжах ходишь, – сказала Наташа. – Вы, видно, приезжий?

– Да, недавно из Москвы, – отвечал, все ещё не оправившийся от конфуза Чудинов, вслушиваясь в её грудной уральский говорок с мелодичными вопросительными интонациями.

– А-а, – протянула Скуратова, – оно-то и видно. К укатанной дорожке привыкли?

Сергунок стоял, задрал нос и поглядывая снизу на Чудинова.

– Дядя, а вы попросите тётю Наташу, она вас научит, как по-нашему ходить. Правда, тётя Наташа?

– Ну, хватит тебе! – строго сказала Наташа. – Встань в ряд обратно.

Чудинов легонько пожал плечами, нахмурился:

– По-моему, тётю Наташе самой надо ещё многому поучиться.

– Уж не у вас ли? – спросила она свысока.

– Что ж, кое-чему и я могу научить. Давайте познакомимся, коли так вышло. – Он поклонился: – Чудинов.

Наташа вскинула на него свои строгие серые глаза и вдруг зарделась вся так, что через мгновение у неё пылали не только щеки, но и виски, и лоб, и уши.

– Чудинов? Это что же, вы тот инженер, который, говорят, нас с Сергунком тогда... Мне в редакции говорили, только не совсем фамилию точно сказали, мне слышалось Чубинов. Это вы мне шарф тогда свой повязали? Это вы и есть?

– Опять начинается! – чуть не закричал Чудинов. – Никаких шарфов я не повязывал. Вообще я их не ношу уже лет десять... Это всё ерунда, путаница. И не думал я вас спасать. То есть я, правда, принимал участие, как все, но не посчастливилось, извините. Уж кому-нибудь другому спасибо скажите.

– Странно-о! – протянула Наташа, не сводя с него глаз. – И фамилия у вас громкая. Я только сейчас вспомнила. Ведь был такой до войны чемпион Чудинов?

Чудинов медленно опустил голову, потом посмотрел куда-то в сторону, вдаль.

– Да. Был такой чемпион. Верно. Был.

– Но ведь, по-моему, его не то убили, не то он ногу потерял... вы что ему, родственник или однофамилец?

Наташа вскинула на него глаза и зарделась.

— Знаете, как ответил один человек, когда гости спросили, что это за юноша изображён на портрете? Не знаете? Он сказал: «Это сын моего отца, но мне не брат».

— А кто же это был на портрете? Не понимаю, — призналась Наташа.

— Это был сам хозяин в молодости, — негромко пояснил Чудинов. — Ну, до свиданья, Наташа Скуратова. Не буду вам мешать заниматься.

— А откуда вы знаете, что я Скуратова? — не без лукавства поинтересовалась Наташа.

— Ну, кто же тут этого не знает? — беспечно отвечал Чудинов и, сделав поворот, покатил с холма вниз на лыжах, едва заметно оседая на левую ногу.

Некоторое время Наташа смотрела ему вслед, затем, как будто перешагнув через что-то, устремилась за Чудиновым и быстро нагнала его:

— Извините меня... Я не знала, что это вы сами...

Чудинов остановился, покосился на неё через плечо:

— А я тоже не знал, что именно в этих местах проживает такая лыжница. Я вас ещё в Москве видел.

— Ой, не вспоминайте лучше!

— Почему? — с внезапным порывом, совершенно его преобразившим, заговорил он вдруг, вплотную подойдя к ней. — Слушайте, Скуратова, наделила вас природа щедро, не поскупилась. А вы думаете так и прожить на всём готовеньком, от роду отпущенном? Техники у вас ни на грош. Если бы я только не бросил это дело, то я бы из вас такую лыжницу сделал!

– А я ведь тоже навсегда с лыжни сошла, так что не трудитесь.
– И не собираюсь. Я это дело сам решительно оставил.
– Ну, вот и хорошо, – сказала Наташа, сердито подтянув кончики бровей к вискам, – но крайней мере, нечего спорить. Чудинов молчал, невольно залюбовавшись ею. Очень ему нравилась эта упрямая, сердитая, большеглазая...

В Наташе была та цветущая чистота, которая столь свойственна девушкам, работающим в детских садах или яслях, чистота безукоризненная, какая-то невозможно отмытая, победительная. Но в ней не было глянцево-молочной тугощекости, чуточку снулой сытости, которая иногда появляется у таких девушек. Нет, она выглядела тренированной, её девическая свежесть была силой и энергией, и во всём сказывался характер твёрдый и своенравный.

Сердясь на самого себя, Чудинов вдруг решительно сказал:

– Слушайте, Скуратова... а вы хотели бы победить Алису Бабурину, чемпионку?

– Да, победишь её! – Наташа покачала головой. – И вообще, я же вам сказала.

Глядя ей прямо в глаза, со странной убеждённости он медленно проговорил:

– Скуратова, если вы по-настоящему захотите, вы победите её в следующем же сезоне. Это я вам говорю, заслуженный мастер спорта Чудинов, в конце концов, если уж на то пошло. – Он окончательно рассердился на себя. – Словом, если серьёзно желаете заниматься, ладно! Буду вас тренировать, бог с вами...

– Я вас об этом, кажется, не прошу, – обиделась Наташа.

– А я это не для вас делаю, извольте знать.

– А для кого же? Для Алисы Бабуриной?

Чудинов даже отвернулся от неё:

– Сказал бы я вам, Скуратова! Э, да что там! Хочу я, Наташа, последний раз попробовать. Может, мне всё-таки удастся воспитать для нашей страны действительно классную лыжницу, чтобы на мировую лыжню её вывести, чтобы всем этим норвежкам, финкам, австрийкам она спину показала на лыжне. Вот ради чего я с вами тут разговор веду.

Наташа стояла, опустив голову. Очень тихо сказала она:

– Ничего из меня не выйдет.

– А я говорю вам – выйдет. Довольно тут вам вокруг да около дома крутиться, царевну-затворницу изображать с вашими гномиками.

– Это что ещё за гномики? Вы знаете, что для меня эти ребята?

– Да вы меня не поняли. Сказка такая есть. Помните? Про Белоснежку и гномиков¹⁰? Ушла она к ним от злой мачехи в горы, а потом соблазнили её румяным яблочком, откусила чуточку, застряло у неё в горле и...

Наташа задумчиво продолжала:

– После этого заснула и её в хрустальный гроб положил.

– Правильно. Но до каких пор? Пока не явился прекрасный королевич, не разбудил, не вернул её снова к жизни!

Наташа усмехнулась:

– Не пойму что-то. Это вы кто же будете, – королевич или та злая фея с яблочком румяным, на которое Белоснежка соблазнилась?

– Королевич! – убеждённо и весело сказал Чудинов. – Я именно тот самый королевич, а яблочком-то ядовитым вас Бабурина угостила. И теперь, должно быть, справляется она у зеркала, все ли она так же, по-прежнему всех краше и сильнее на свете. А вы что же? Застряла обида в горле – решили задремать, придумали себе хрустальный гроб? Кончено! Я явился и все вдребезги! Впереди жизнь, снег столбом, лыжня, флаги на ветру, а вы – спать. И уж если хрусталь, то не гробик, а кубок! На это я согласен. Ну, Белоснежка, перед вами прекрасный королевич, смиренно ждущий ответа. Освобождаетесь вы от сонных чар или

¹⁰ Здесь речь идёт о сказке братьев Гримм «Белоснежка и семь гномов».

будете дальше дремать?

– Кто вас звал сюда? – едва слышно проговорила Наташа и отвернулась. – Опять вы мне душу разбередили! Уйдите лучше. Я вас прошу, уйдите.

– Есть уйти! – прокричал торжествующе Чудинов и уже начал скользить вниз, но затормозил круто, стал боком, глядя вверх на холм, где стояла Наташа. – А насчёт души – предупреждаю. Я её из вас сперва вытрясу, потом новую вдохну. До свиданья. Завтра в это время прошу сюда. Жду. Ясно? Начнём.

ГЛАВА XI

Начали

И они начали. Наташа не спала всю ночь перед первой тренировкой. Разговор с Чудиновым вконец лишил её покоя, к которому, как ей казалось, она уже начала привыкать. Но было что-то так уверенно к себе зовущее и в то же время бережно-уважительное, так много обещавшее в том, как говорил с ней и смотрел ей прямо в лицо этот высокий инженер, и во взгляде его требовательных, прячущих добрую усмешку и, видно, много повидавших глаз, что Наташе неодолимо захотелось попробовать. Может быть, всё-таки выйдет что-нибудь?.. К утру она твёрдо решила, что ничего из неё всё равно не получится. Она заснула наконец, вся измаявшись, но в твёрдой уверенности, что ни за что не пойдёт к Чудинову. Но в назначенный час она была на холме, где её уже ждал Чудинов. Он был в лыжном картузике и в своей любимой клетчатой толстой куртке с выпуклыми пуговицами в виде футбольного мяча.

– Ну что же, – сказал Чудинов, поглядев на часы, – минута в минуту. Люблю аккуратность. Тем более, времени у меня в обрез. Итак, значит, давайте попробуем...

Дня через два, возвращаясь с рудника, я увидел их в стороне от дороги, соскочил с машины и, увязая в снегу по колени, поднялся к ним. Оба выглядели усталыми и, как мне показалось, рассерженными. В одной руке у Чудинова был неизменный секундомер, в другой – рупор-мегафон. Он, видимо, только что поднялся на холм, от него чуть пар не валил.

– Ну-ка, – командовал Чудинов, – проделайте это ещё раз.

Наташа, поправив движением локтя прядь волос, прилипших к влажному лбу, помчалась по косогору.

– Резче, резче повороты, колено больше вперёд! – закричал Чудинов, хватая рупор со снега и притопывая лыжами. Тут он увидел меня. – Здравствуй, здравствуй, ты сейчас не мешай... – И снова закричал в рупор: – Опять не ту лыжу загружаете! Ведь может, а упрямится. Я же отлично вижу, – пожаловался он мне.

– Ты бы всё-таки, Степан, не сразу так уж. Ведь характер-то у неё, должно быть, уральский. Да и у тебя тоже не конфета.

– Ну, ты только не учи меня, пожалуйста! Хватит у меня и без тебя ассистентов! Вон на пенёчке сидит.

Только тут я заметил, что за холмом невдалеке сидит в своём тулупчике укутанный в башлык Сергунок. Глаза его так и блестели под капюшончиком. Он даже подпрыгивал на пеньке, когда Чудинов делал замечания Наташе. Но вот она снова поднялась на холм, подошла к тренеру.

– Плохо, – сказал с ласковой настойчивостью Чудинов. – Понимаете, Наташа, плохо. И время я засекал на километр – тоже слабо. На прямой опять теряете скорость. Забываете о работе голеностопного сустава, укорачиваете почему-то шаг, мельчите. Я же вам показал. Ну-ка, приготовьтесь. – Он посмотрел на секундомер. – Давайте-ка ещё прикинем, вон где у нас ёлка стоит отдельная, отмеченная.

Наташа стояла неподвижно, тяжело дыша.

– Зря вы меня мучаете, Степан Михайлович. По-моему, уже могли убедиться. Все

равно из меня ничего не выйдет.

– То есть как это – не выйдет? – мгновенно разъярился Чудинов. – Если вы так настроены заранее, то, конечно, из вас ни черта... – он покосился на меня и сдвинул шапку с затылка на лоб, – виноват, ничего не выйдет! Сильнее посылайте ногу вперёд, загружайте всем весом лыжи с маху. Ну-ка, дайте мне сюда ваши палки. Попробуйте без них, как на коньках.

Наташа послушно начала упражнение.

– Резче, резче, расслабленное, а шаг свободнее.

Наташа, вдруг круто повернув, подошла к Чудинову, почти вырвала у него из рук свои палки. На глазах, на длинных, загнутых вверх ресницах у неё блестели слёзы обиды.

– Степан Михайлович, я сказала, у нас с вами не получится. Я на лыжи стала, как только ходить начала. Меня отец учил, а его – дед. И всем этим фокусам я по-вашему переучиваться не стану.

– Ну, будя, будя упрямитесь, – попробовал урезонить её Чудинов.

– Нет, Степан Михайлович, я же понимаю. Вы считаете, что, мол, есть у вас какие-то права на то, чтобы так вот со мной... Но я ведь вас тогда на помощь не звала...

– Опять начинается эта морочка. Тьфу!.. – возмутился Чудинов.

– И тренировать вас не просила. Явились вы незванный, негаданный, непрошенный... Есть вот люди попутные, есть встречные, а вы, Степан Михайлович, человек поперечный. Только меня вы не собьёте! – И, круто развернувшись, она заскользила прочь.

– И поворот опять сделали нечисто! – крикнул ей вдогонку Чудинов. – Время теряете, надо резче.

Но Наташа уже мчалась по белой равнине к городу.

– Эй, Наташа! – Чудинов схватил мегафон и припал к нему. – Скуратова! Вы что это, на самом деле? Ну, хватит уральский характер мне показывать!.. Обиделась, что ли? – отставив в сторону мегафон, виновато спросил он у меня.

– Да уж, знаешь, нашла коса на камень. Чудинов зашагал к Сергунку:

– А ты чего смотрел? Ты же её больше меня знаешь. Догнал бы...

Сергунок, не спеша встав с пенька, потоптался валенками в снегу, поглядел в сторону уносившейся лыжницы и сказал хрипловато, но уверенно:

– Она теперь, однако, к вам, дядя, больше сроду не придёт учиться. Уж она как рассерчает, так это уж хуже нет. Ко-онец.

– Ну, ну, не стражай. – Чудинов легонько ткнул его подушечкой указательного пальца в кончик носа. Потом опять схватил рупор: – Скуратова, на место! Наташа, будет вам! Эх! – Он с размаху поставил мегафон в снег, положил руку на башлык Сергунка. – Ну что мы с тобой теперь делать будем?

Но Сергунок как будто уже не слышал его. Я видел, как мальчик внимательно вглядывался в пуговицы на куртке тренера. Чудинов нервно накручивал на палец оборванную нитку, которая всё ещё висела на месте отсутствующей пуговицы. Не сводя глаз с куртки, Сергунок быстро полез к себе в карман, задрал полу тулупчика. Он торопливо выгребал на подставленную ладонь другой руки всякую всячину, хранившуюся, по мальчишечьему обыкновению, на дне его карманов. Вот появились две продырявленные ракушки на верёвочке, гнутый гвоздь, шурупчик с фарфоровым изолятором, металлический шарик-подшипник, билет пригородной электрички, косточка домино, цветные стёклышки, косо срезанная пробка, дощечка с намотанной на неё суровой ниткой, черенок от столового ножа, скомканная в шарик серебряная бумага от конфеты... И наконец из кармана была извлечена большая пуговица в форме маленького футбольного мяча с выпуклыми дольками. Мальчишка глянул на пуговицу, потом ещё раз сличил её с теми, что были на куртке Чудинова.

– Дядя, это, значит, правда вы? – обмирая от восторга, проговорил Сергунок.

Тот рассеянно скользнул по нему взглядом и отвернулся, следя за унёсшейся Наташей. Он не вслушался в вопрос...

– Ну конечно. Кто же ещё?

– Это, значит, правда вы тогда нас с тётей Наташей в шалашик укрыли? Теперь уже не скроетесь. – Он показал на ладони пуговицу и сейчас же, отдернув руку, спрятал её за спину.

Чудинов ахнул:

– А ну живо отдай пуговицу! Где ты её взял? Нехорошо!

– А вы признайтесь, тогда я отдам вашу пуговицу.

– Не в чём мне признаваться, а пуговица действительно моя. Отдай, а то видишь, хожу как! Вид неаккуратный. Слышишь, давай живенько!.. Евгений, – обратился он ко мне, – ты, кажется, умеешь с малолетними. Скажи ему в конце концов...

Я с трудом сдерживал смех. Очень уж смешным, растерянным и беззащитным выглядел сейчас мой приятель.

– Твоя пуговица, ты и доставай её, – сказал я. – Буду я ещё в ваши дела лезть.

– А я теперь все отгадал! – продолжал довольный Сергунок. Я тогда за вас уцепился... А потом, как оклемался, в сознании обратно стал, гляжу, а она у меня зажатая. А я сейчас увидел на вас такие, сразу и угадал, Смелый вы какой, однако. Спасибо вам, а то бы мы так и не нашлись вовсе и помёрзли бы в поле. Другие-то боком, стороной прошли.

– Да перестань ты фантазировать! – накинулся на него Чудинов. – Давай лучше пуговицу, не будь свинёнком, в самом деле! Если тебя кто-то спас, так ты уж не безобразничай.

– Когда признаетесь, тогда и отдам, – невозмутимо отвечал Сергунок.

Чудинов шагнул было к Сергунку, но мальчишка мигом сорвался с места и стремглав понёсся вниз с холма.

– Ну, вот видишь, как это всё дурачки складывается? – вконец расстроился Чудинов. – Теперь будет этой пуговицей щеголять. И так от разговоров тошно, а тут она ещё закапризничала, обиделась. Ну вас тут (всех к лешему, в самом деле! Вот брошу, и всё. Ты слышал, она уже чуть было не корила меня, будто я какие-то на неё права имею. Припуталась ещё эта история на мою голову! Может быть, ты поговоришь как-нибудь с ней, а, Евгений? Ты же у меня красноречивый, лирик, не мне чета.

Я действительно решил поговорить, правда не с Наташей, а с её упрямым питомцем. Дело принимало ненужный оборот и могло сейчас только вызвать раздражение у Наташи и Степана.

Наутро я подошёл к интернату. Ребята играли во дворе за палисадом, прокапывали ход через наметённые за ночь сугробы. В некотором отдалении от других детей стоял Сергунок. Он что-то кричал в трубку, свёрнутую из старой газеты, а Катюша ездил перед ним взад и вперёд на маленьких лыжах. Я не сразу понял, что это была за игра.

– Руки с ногами соображать надо! – кричал Сергунок.

– Я и так их соображаю, – на ходу звонко отвечала Катюшка и вдруг совершенно другим голосом, тихо спрашивала: – Погоди, я не играю. Как это – соображать?

– Ну, чтобы заодно вместе, разом махались, – так же тихо и совсем другим тоном пояснил Сергунок, но тут же кричал в газетную трубку свою: – Коленкой, однако, не вылягивайся!

Катя деланно громко:

– Я и не вылягаюсь совсем... – И опять тихо – А ты мне должен на «вы» говорить. – И снова громко: – А если вы будете меня все переучивать по-своему, так я не стану вас больше слушать вовсе. Сам носом в снег тыкнулся, а учит!

– Это когда я тыкнулся? – возмутился Сергунок.

– Ну, я это ему говорю как будто. Помнишь, как он кувыркнулся? – И они снова возвращались в игру. – Никто вас не заставляет учить!

– А вы, однако, ваш характер покиньте!

– А вы не кричите на мой характер. У вас ещё у самого хуже и грубже. Мне даже довольно очень совестно, что вы на меня так выражаетесь. И ещё неизвестно, что вы лично спасли! Докажите!

– И докажу, – сказал вдруг Сергунок и полез в карман.

Тут я решил, что самая пора вмешаться.

– Эй ты, спасённый, – начал я, подойдя вплотную к палисаду. – Во-первых, здравствуй, приятель. Иди-ка сюда.

– Здравствуйте, я вас знаю. Вы тоже из Москвы, редактор.

– Правильно, почти так. Иди-ка ко мне. – Я обнял его у калитки и вывел на улицу. – Слушай, друг милый, что это ты пуговицей какой-то хвастаешь? Почему дяде Степану не отдал? Ходит из-за тебя человек расстёгнутый.

– А чего он не признается, что спасал! Он насупился и высвободил своё плечо из-под моей руки.

– погоди, не об этом сейчас речь. Как тебя зовут? Сергун?

– Сергун. Сергей я.

– Ну вот, Сергей, можно с тобой поговорить по-взрослому, как мужчина с женщиной?

– Это как два товарища промеж собой?

– Вот-вот, именно.

Я взял его под руку, и мы с ним степенно прогуливались вдоль палисада, ведя спокойный, солидный мужской разговор.

– Понимаешь, дружок, нечего шуметь. Ну, спасли тебя, скажи спасибо. Все уж про то забыли, а ты тут булгу поднимаешь, тётю Наташу только зря волнуешь. Они начали заниматься с дядей Степаном, а тут ты со своей пуговицей. Он не признается, вот у них ничего и не получится. Она ведь гордая, тётя Наташа, думает: «Ах, он считает, верно, надо поблагодарить его, я ему обязана, что спасал», и всякое такое. Знаешь, она... как тебе сказать... они все, тётеньки, такие... – Я тоже был не мастер разговаривать с ребятами, а этот круглолобый чертёнок вообще-то был не из болтливых. Хмыкал, отмалчивался или отвечал односложно своим хрипловатым баском. – Верно, ведь все тётеньки такие? – повторил я.

– Понятно, женщины, – подтвердил Сергунок.

– Молодец, умница! Все понимаешь.

Тут я решил, что самая пора вмешаться.

Поощрённый похвалой, Сергунок решил развить мою мысль:

– Она ещё возьмёт да и сообразит: «Надо, мол, однако, пожениться на нём» – и уедет.

– Слушай, Сергей... Кх... – Я закашлялся. – Ты поначалу так умненько все и хорошо говорил, а теперь уж болтаешь пустое. Но одно запомни: я вот скоро уеду в Москву обратно, а ты тут про все цыц, молчок. Пусть тётя Наташа хорошо-хорошо потренируется с дядей Степаном, пока в будущем году на спартакиаде всех не победит. А потом мы вместе с тобой все докажем и пуговицу предъявим. Ты про неё, я надеюсь, тёте Наташе ничего ещё пока не говорил? Правильно! А то отняла бы непременно. Ну, потерпи немножко ещё, я тебя как человека прошу.

– По-товарищески? – переспросил Сергунок.

– Вот именно, как товарищ товарища. Сергунок задумался:

– А если я потерплю, не скажу, вы меня на тот год возьмёте с тётей Наташей на спартакиаду?

– Далеко глядишь. Ну, обещаю.

– И билет дадите?

– Договорились, – заверил я его.

На окраине Зимогорска, где сквозь заснеженные ели видны были корпуса обогатительной фабрики и металлические фермы эстакады, по которой подвозили руду,

Чудинов тренировал группу местных лыжниц общества «Маяк».

Неудобно было уже теперь отказываться. Получилось бы, что из-за какого-то личного пристрастия Скуратову он взялся тренировать, а других не желает...

Наташа на тренировки больше не приходила. Чудинов мрачнел, но не желал сам сделать первый шаг. Зато Маша Богданова стала с первой же тренировки радовать Чудинова незаурядными успехами. Да и среди подруг её оказалось немало способных спортсменов.

– Здравствуйте, Степан Михайлович, – приветствовал тренера дядя Федя, явившийся взглянуть на занятия. – Ну, как дела, подвигаются? Ворохтин сегодня звонил, интересовался. Сказал я ему, что все хорошо, только Скуратова опять на дыбы встала. Он сказал, если надо – повлияет.

– Нет уж, – испугался Чудинов, – обойдёмся как-нибудь без вмешательства высоких властей. Так дело не пойдёт. Подождём – сама явится. Девка неглупая, сообразит.

– Ну, а остальные как? Характер-то не у всех Скуратовский.

– Материал благодатный, Хвастаться не буду, но через годик, думаю, мы с вами на спартакиаде выпустим таких лыжниц, что другим жмуриться придётся. Наши их снежком накормят на лыжне. Вот поглядите сами. Ну-ка, девушки, ещё раз сделаем прикидочку на прямой. Вы, Маша, немножко на спусках посмелее, делайте разгон крупнее! Веселей, девушки, глядеть у меня! Устали? Ничего, держитесь. Мы с вами ещё всем Скуратовым да Бабуриным сто очков вперёд дадим, уверяю вас.

Маленькая Маша Богданова тряхнула заиндевевшими кудряшками:

– Ой, Степан Михайлович, однако Наташу не обойдёшь. Ведь у неё природный-то ход какой!

– «Ход, ход»! – мрачно передразнил Чудинов. – Разве я сам не знаю. При её данных да подходящий бы характер! Эх, да что говорить! Хоть бы вы на неё, что ли, повлияли, подруга ведь.

– Да, повлияй на неё! У них вся семья такая. Как упрутся – с места не стронешь.

– Ничего, стронем.

Маша вздохнула:

– А вот из меня уж чемпионки никогда не выйдет, верно?

– Как вам сказать. Вы, Маша, делаете просто отличные...

– Пожалуйста, не утешайте, – перебила его Маша. – Не выйдет. А всё-таки я буду ходить на лыжах, буду ходить, буду!

И, рванувшись вперёд, старательно и весело выполняя короткими ножками шаги, которым научил теперь местных лыжниц новый тренер, Маша Богданова помчалась по лыжне, и только ветер, нёсший лёгкую струистую позёмку, растрепал заиндевевшие завитушки волос над её маленькими розовыми ушами.

За день до моего отъезда из Зимогорска я, закончив все дела в редакции и на руднике, вернулся ещё засветло в гостиницу.

Чудинов лежал в нашем номере на постели лицом к стене. Быстрые зимние сумерки наплывали в окно, но Чудинов не зажигал огня.

– Ты что тут, Степан, сумерничаешь? – спросил я, присаживаясь на свою кровать, против Чудинова. – Не в настроении? Что, на строительстве что-нибудь? Там тобой не нахвалятся, настоящий, брат ты мой, авторитет у местных приобрёл!.. А ты, если есть какое-нибудь затруднение, скажи, пока не поздно. Может, помочь через центральную печать? Пользуйся, пока я не уехал.

Чудинов приподнял голову с подушки, посмотрел на меня, поморщился, словно попробовал что-то кислое, и снова ткнулся в подушку виском.

– Да нет, тут печатью твоей не поможешь. Ты сам во всём виноват, старик. Да, да, накрутил вот, заставил меня выбрать этот чёртов Зимогорск, хотя великолепно знал, какие тут лыжники, подсунил вместо мифической Авдошиной вполне реальную Скуратову. Ну признайся, сам небось нашептал ей, что я её с мальчишкой спасал и тому подобное...

– Ей-богу, Степан, уж тут вот я ни сном ни духом. Но ты же понимаешь, не у всякого спасённого такой покладистый характер, как у ме... Ладно, ладно, молчу! – поспешил я, так как Чудинов, не отрывая головы от подушки, поднял руку, завёл её себе за плечо и потряс несколько раз передо мной сжатым кулаком.

– Знаем мы вас, молчальников, – промычал он в подушку. – А она задрала нос, упрямится, срывает теперь всю тренировку. Шут меня дёрнул опять за это дело взяться! Кажется, решил бросить, так нет!

– Ой, Степан, – протянул я с подозрением, – что-то ты больно уж переживаешь крепко. Ты, часом, не того?.. а?

– Ну вот, спасибо! Новое экстренное сообщение нашего специального корреспондента! – Степан даже на постели присел. – Ты, по-моему, старик, знаешь моё правило: вышел тренировать на снег, сам – лёд.

– Ох, господа присяжные, кажется, лёд тронулся. Как бы ты, Степан, подтаивать не начал.

Чудинов одним рывком сгрёб меня на груди за лацкан пиджака и сердито потряс одной рукой.

– Чего взъярился? – спросил я. – Девушка действительно стоящая. – Я почувствовал, что рука Чудинова медленно высвобождает меня. – Такое что-то в ней есть настоящее...

Сам не зная почему, я вздохнул, и Чудинов тоже почти одновременно со мной глубоко перевёл дух, но сделал вид, что кряхтит, и закашлялся.

– Вот видишь, – сказал я, – в одно дышим, как говорится, душа в душу. Все понимаю, брат. Да, туги твои дела, Степан, я вижу. Но ничего, сдюжишь как-нибудь, я в тебя верю.

– Ты бы с ней, может быть, перед отъездом поговорил, что ли? – неуверенно и просительно начал Чудинов. – Намекнул бы, что, мол, нельзя зарывать талант в землю или в снег, как хочешь. Что тебя учить, ты же причастен к изящной словесности.

– Вот-вот... Такая уж у меня миссия... – не выдержал я. – Мне уже не раз доставалась роль Сирано де Бержерака¹¹. Мои красивые, великолепно сложенные друзья-герои изнемогают от нежных чувств, а я, как говорится, мордой не выйдя и фигурой должной не обладая, строчу за них любовные послания, намекаю, объясняюсь в их пользу, составляю речи для публичных выступлений. Иногда даже за них и статейки пишу. А им остаётся только подписать и прославиться.

– Да ты! чего это взбеленился? – Чудинов был несколько изумлён. – Такая уж у вас, литераторов, планида, как говорится: освещать, растолковывать, а где надо – кое-что и приукрасить или умные мысли свои изложить от имени авторитетного лица. Но что-то ты больно растревожился? Уж не сам ли того?..

Он перескочил со своей постели на мою, сел рядом и, одной рукой обхватив меня за плечи, крепко обнял:

– Не злись, старик, я же пошутил. Ты же знаешь, я литературу и печать вполне уважаю, именно за то, что такие вот, как ты, сами с макушкой в жизнь лезут... Беспокойное вы племя, журналисты. Я это в вас и ценю. Но иногда вы обязаны бороться с немотой жизни и помочь ей, заявить во всеуслышание о том, для чего другой слов не найдёт.

– Степан, – сказал я уже серьёзно, – кажется, мы с тобой не первый год друг друга знаем. Что же тут крутить?.. Конечно, попал ты сюда не без моего участия. Хоть бей, хоть прощай – врать не стану. Постараюсь тебе и тут помочь. Но только говорить с ней – это уж избавь. Хватит мне одного твоего характера... А что, правда, если мы её через газету местную? Я этого Ремизкина организую тебе. Поставим вопрос о настоящей спортивной учёбе, о зазнайстве, о неумении пробиваться сквозь трудности и поражения, а?

¹¹ Сирано де Бержерак – гасконский поэт XVIII века, герой известной одноимённой пьесы французского поэта-драматурга Эдмонда Ростана, в которой воспеты блестящий ум, храбрость и рыцарское благородство, скрывавшееся под уродливой внешностью Сирано. Умный, талантливый Сирано пишет письма от имени красивого, но бесталанного юноши его возлюбленной Роксаны, в которую сам Сирано тоже страстно влюблён.

– Этого ещё только недоставало! – Чудинов отмахнулся. – И так сплетни тут какие-то идут. Ещё мальчишка этот пуговицу мою нашёл где-то. Тычет её всем, твердит, что у меня оторвал в ту ночь.

– О-о! Забыл совсем! – остановил его я. – Можешь обещать мне, что ни с мальчишкой, ни с Наташей ты на эту тему говорить больше не будешь, ни опровергать, ни доказывать, – ни слова?

– Что за вопрос!

– Ну, так бери. – Я протянул ему руку, раскрыл ладонь. На ней сверкала выпуклая пуговица в форме футбольного мяча с рельефными дольками. – На, пришивай, а то у тебя, вижу, не только пуговица, но и душа не на месте.

– Неужели отнял? – поразился Чудинов.

– Зачем? Договорились миром. Очень толковый парнишка.

ГЛАВА XII Чёрным по белому

Я покинул Зимогорск, предварительно обо всём договорившись с Ремизкиным, и он проделал то, что било задумало, уже без меня.

Дня через три после моего отъезда Чудинов, придя на работу, заметил, что все как-то странно поглядывают на него.

– Крепко, однако, вы Наталью, – сообщила ему Маша Богданова. – Вы, конечно, правы, только уж очень обидно ей будет. Больно уж вы её проработали.

– Где проработал? – изумился Чудинов, почувствовав что-то недоброе.

– Как – где? В газете.

Чудинов посмотрел на свой стол и увидел, что там уже лежит свежий номер газеты «Зимогорский рабочий» с жирно отчёркнутой красным карандашом статьёй «Наши лыжники». Под ней стояла подпись: «До-Ре-Ми».

Стараясь внешне казаться невозмутимым, Чудинов прочёл:

«В беседе с нашим сотрудником тренер общества «Маяк», заслуженный мастер спорта инженер «Уралпро-екта» товарищ Чудинов С. М. заявил: «Что касается неоднократной в прошлом чемпионки города Натальи Скуратовой, то она при всех своих способностях не имеет сейчас, естественно, больших шансов на победу, так как пренебрегает новой техникой двухшажного попеременного хода, принятого всеми лучшими лыжниками мира, не отрабатывает стиля, придерживается многих устаревших...»

У Чудинова даже лоб вспотел. Это, конечно, все Евгений перед отъездом организовал. Как по нотам: до, ре, ми... Ну подвёл! Теперь и вовсе не подступишься.

В городе все судили и рядили о статье До-Ре-Ми. У Дрыжика в парикмахерской только и говорили об этом. Многие считали, что приезжий инженер прав: побили зи-могорских лыжниц в Москве. Другие самолюбиво негодовали, возмущались, объясняли все столичным высокомерием и капризами москвича. Особенно задет был за живое старик Скуратов. Ему неудобно было при всех, на людях, внимательно читать статью в газете, расклеенной на ограде рудника близ проходной. Он сделал вид, что все это вообще его мало интересует. Но, вернувшись с работы, тотчас же заставил Савелия прочесть ему статью ещё раз вслух.

В горнице было жарко натоплено. На столе, как паровоз, пуская парок, хлоптал самовар. Савелий читал со смыслом и выражением:

– «Что касается неоднократной в прошлом чемпионки города...»

– Ишь ты, – придирался старик Скуратов, – «в прошлом»! А нынешний день, мол, уже никуда.

– «Натальи Скуратовой, – продолжал Савелий, – то она при всех своих способностях не имеет, естественно...»

– «Естественно»! – негодовал Никита Евграфович. – Уже все решил, «естественно»! Естествоиспытатель, однако, какой нашёлся!

– «...Так как не отработывает стиля, придерживается многих устаревших, принятых без критического освоения...»

– Стоп, погодь! – не выдержал Скуратов. – Это кто же её переучивать собирается?

– Да вот инженер из Москвы переучивает. Из стройконторы начальник.

– Гляди ты, какой скорый! Рыкало-зыкало! Пускай сперва по нашим крутогорам походит да воздуху нашего хлебнёт. Это ему не московская дорожка – снег по шиколотку! Нет, однако, я завтра прямо в редакцию пойду. Я этому больно прыткому-то там пропишу! И не маши на меня, мать! Раз сказано – пойду. (Кто-то осторожно постучал в дверь.) Это кто там толчётся? Заходи!

Слегка примёрзшая дверь, отдираясь, скрипнула и впустила запорошённого снегом высокого человека.

– Разрешите? – Пришедший снял пыжиковую шапку и коротко поклонился. – Добрый вечер!

– Заходи, коли добрый, – сумрачно отозвался Скуратов.

– Я со строительства инженер, Чудинов моя фамилия, – представился вошедший.

Никита Евграфович выпрямился и вышел из-за стола.

Чудинов, уже наслышавшийся о строгом укладе семьи Скуратовых и о трудном семейном характере их, почему-то представлял себе, что его встретят тут великаны под стать Ворохтину. С известной опаской шёл он сюда, готовый к тому, что примут его сурово и нелюбезно. Он почувствовал даже какое-то облегчение, когда Никита Евграфович, показавшийся ему, сидя за столом, очень рослым, встав, сделался как-то сразу меньше ростом. Старик-то, вопреки всем предположениям Чудинова, был хоть и крепок, но очень приземист. Широкие плечи его не очень вязались с маленькими, короткими ногами, обутыми в уральские валенки-чёсанки.

Скуратов оглядел вошедшего, провёл двумя пальцами по коротко стриженным усам, кашлянул:

– Кхе... Это, стало быть, однако, вы Наталью нашу расписали, толком не разобравшись в деле?

– Я вот именно, Никита Евграфович... – начал было Чудинов, проклиная уже себя за то, что решил пойти сюда.

– «Никита Евграфович, Никита Евграфович»! – негодуя повторил старик. – Не годится так, однако, с лёту, с ходу, да и бултых в воду! Мы тут спокон веку по-своему на лыжи поставлены. Это понять надо. Да ладно, не маши на меня, мать, я тебе не комар какой, не отмахнёшься! Без тебя знаю. Верно, вы раздевайтесь. Садитесь, коли уж пришли. Савелий, подай пиджак.

Сын подал ему из-за перегородки пиджак, к лацкану которого были привинчены ордена: старый, без колодки, орден Боевого Красного Знамени – памятка о партизанских делах времён гражданской войны, и новый, на ленточке, – Трудового.

– Вот мне бы очень хотелось поговорить с вами, – попытался опять завести разговор Чудинов.

– Говорить-то нам уже с вами сегодня после времени. Надо бы раньше... Ну, да садитесь. Мать, налей, я говорю. Вы сперва чайку, а потом уж и разговор будет. Так оно по-нашему.

Некоторое время все сосредоточенно пили горячий чай. Старик прихлёбывал не спеша с блюдечка, легонько посапывал, дул под усы, словно обсушивая их.

Едва Чудинов успевал опрокинуть одну чашку, как сейчас же ему наливали свеженькую. Он пытался возражать, но никто даже его и не спрашивал. Лишь только он отставлял допитую чашку, собираясь начать разговор, ради которого пришёл, перед ним, словно по волшебству, появлялась новая, полная, жарко дымящаяся. Наконец, отдуваясь, он со всей решительностью обеими руками отодвинул пустую чашку.

– Ещё чашечку, — предложил Скуратов.

– Нет, куда уж... Я и так четыре выпил.

— Ну, мы не считали, — сухо пояснил Скуратов. — Налей, мать. — Он пододвинул Чудинову чашку дымящегося чая, налитую в самый край. — И мне-ка ещё одну, дай бог, однако, не последнюю.

Ещё несколько минут все молча потягивали губами горячий чай с блюдечка. Чудинов поспешно отставил пустую чашку, с трудом переводя дух. Скуратов тотчас же ваял чашку гостя и передал хозяйке.

— Я, уж извините, счета не веду. Охота пришла — пью. На-ка, ещё чашечку.

Тут Чудинов уже прямо-таки в отчаянии замотал головой, собираясь откровенно взмолиться, но Скуратов и глядеть на него не стал.

— Э-э, однако, сдаёт Москва. Раньше, бывало, приедет московский гость — целый самовар опрокинет в себя да новый просит раздуть. Нет уж, вы допивайте, а то, как говорится, паук потопнет. Я о чём говорю, Степан... простите, как по батюшке-то?

— Степан Михайлович, — подсказал Савелий.

— Вы вот, Степан Михайлович, в святцы-то не глянувши, да в колокол бряк. А у Натальи нрав крутой, характером-то она вся в мать пошла. — Он, как бы украдкой, двинул мохнатой бровью в сторону маленькой, тихонько попивавшей чай матери.

Та только рукой опять махнула:

— И-и, старый!.. Нашёл в кого! Чудинов воспользовался паузой:

— Вы мне позвольте один пример, Никита Евграфович, близкий вам?.. Вот ваш город обязан своей славой руде. Но оказалось, чтобы в промышленность её пустить по-настоящему, нужно руду эту обогатить, концентрацию дать, а иные примеси — вон, в отвал. И построили у вас обогатительную фабрику. И теперь вашей зимогорской руде цены нет.

— Это, конечно, вы верно, — согласился Скуратов, — только не пойму, к чему, однако?

— А к тому, — продолжал Чудинов, — что у вас тут действительно богатейшее месторождение спортивных талантов. И если вот пройти им, так сказать, обогатительную тренировку, так они прославят...

Скуратов пощипал себя за усы:

— Хитро, однако, вы дело сместили. Слыхал, Савелий? Вот она, Москва-то, как растолмачила — руда, мол, есть природная, да требует обогащения. Ах ты, ёлки-малина! Только самому бы поглядеть, какая такая у тебя обогатительная хитрость имеется. Секрет знаешь?

— Охотно покажу, что умею. Ведь эти все секреты я и предлагаю Наташе, а она упрямится. Я бы её знаете как прославил...

— Ты это погоди — охладил его Скуратов. — Мы за славой в сугонь не бежим. У нас вон человек Наташку от гибели спас и то не сказывается, в тайности прихоронился. Это вот по-нашему. Видать сразу, что человек трезвону не любит.

Чудинов поморщился и забарабанил пальцами по столу:

— Гм!.. Это совсем другое дело. Ведь тут по-иному вопрос стоит. Наташа может прославить весь наш советский спорт. У нас слава человека становится славой семьи, коллектива, иногда и всей страны. Вот я и считаю поэтому, что газета, в общем, поступила правильно, напечатав беседу со мной.

Скуратов опять покорябал ногтем под усами.

— Обошёл ты меня кругом, товарищ Чудинов, твёрдый ты, хитёр. Только есть у нас, однако, и свои секреты и своя хитрословинка. Вот возьмём наши мази. Это тоже особа статья, из рода в род идут. Тут надо тайность знать. Поближе сойдёмся если — одолжу. — Он поднялся. — Ну, однако, пошли... Спробуем, какая такая у тебя обогатительная хитрость имеется.

Мать всплеснула руками:

— Куда же это вы? И чаю как следовало не пили! А ты-то, старый, ну куда тебе на лыжах, да ещё против них? Молодые они, — она мотнула головой в сторону Чудинова, — ну где уж тебе! Вот ведь характер анафемский! Заело чертушку! Доктор тебе давеча чего

говорил?

Скуратов уже надевал ушанку.

– Я, мать, для этого дела у доктора свидетельства не брал, и не гуди. – Он подтолкнул локтем Чудинова: – Видал характер? Вот в кого Наташка-то. Савелий, сымай из сеней лыжи, мазь давай. Наващивать будем.

Наташа была очень раздосадована статьёй в «Зимогорском рабочем». Она даже всплакнула тихонько у себя в комнате. Потом, когда обида и гнев несколько поутихли, она стала раздумывать. Кто знает! Возможно, и прав этот приезжий инженер-тренер. Может быть, зря она на него так разобиделась, когда дело не пошло на самых первых порах?.. Только уж очень непривычны были его манеры, вся повадка его и неожиданный строй слов, на которые сперва хотелось обидеться, а потом, вдруг поняв их до конца, радостно отозваться... Странный был он человек, этот Чудинов. Таких Наташе ещё не приходилось встречать. Она пыталась убедить себя, что инженер нанёс ей смертельное оскорбление, которое нельзя уж простить, но с каждой минутой ей было всё труднее и труднее убедить себя в этом.

И тогда она начала досадовать уже на себя.

Приведя ребят с очередной прогулки и уже собираясь закрыть входную дверь, Наташа услышала, как кто-то её окликнул, и высунулась на улицу. К крыльцу лихо подкатила на лыжах Маша Богданова.

– погоди, Наташа. Ну-ка, погляди-ка! – И она, описав несколько роскошных петель возле стоявшей на крыльце Наташи, помчалась по дороге, сделав разворот, взвихривший снежок, и снова прошла перед Наташей в какой-то новой и свободной манере. – Видала, Наташка? – крикнула Маша. – Красиво получается? А знаешь почему? Потому что работа рук согласована с ногами и посыл от толчка получается длинный, свободный.

Она выпалила все это, как хорошо затверженный урок. Чувствовалось, что она на хорошем счету у своего учителя.

Наташа ревниво присматривалась к её движениям.

– Переучилась уже?

– А почему же хорошему не поучиться? – бросила с ходу Маша, мастерски повернувшись, подкатила к Наташе и положила ей руку на плечо. – Если бы мы в Москве с тобой так ходили! Наташка, дурная ты, да если бы у меня был твой талант, данные вот эти физические, как Чудинов говорит, так я бы только и делала, что с ним тренировалась. Знаешь, какой он симпатичный?

– А-а! – понимающе протянула Наташа. – То-то ты так стараешься!

– Ну, и очень глупо! – возмутилась Маша. – Уж если об этом говорить, так известно, по ком он вздыхает. Кстати, он не меня тогда из пурги спасал, кажется.

– Ну, это ещё далеко не известно, он ли. Вон Ремизкин даже сомневается. А если он, так нечего ему таиться. Может быть, дожидается, что я лично ему спасибо скажу? Не дождётся, коли сам не скажет. Дело тёмное.

– Кому тёмное, а мне ясное. Я ведь тоже, Наташка, кое-что вижу.

– Нечего видеть, чего нет! – Наташа покраснела. – Я вот пока вижу, что он тебя в газете хвалит и чуть ли мне в пример не ставит. Прощай, Маша! – Она рассерженно и быстро поднялась на крыльцо.

Маша крикнула ей вдогонку:

– Так, значит, я скажу Чудинову, что ты придёшь на занятия? Не прикидывайся глухой, по затылку вижу, что слышала. Вон уши-то как загорелись!

Наташа громко хлопнула дверью.

Между тем Чудинов закончил показ своих «обогачительных секретов» старику Скуратову и Савелию. Вот тренер вылетел из-за крутого склона, сделал головокружительный поворот на месте. За ним спустя некоторое время появились отец и сын Скуратовы. У обоих

волосы под шапками взмокли. Никита Евграфович с трудом отдышался.

– Ну и ходкий ты! – восхитился он. – Это я такого не видывал сроду. Нет, Савелий, ты с ним не равняйся. Это тебе не по носу табак, молод ещё, брат. Ах ты, ёлки-малина! Как стоячего обошёл! Как же ты попеременно-то этим манером разгон такой получаешь? Их ты, силён! Запарил ты меня, как на верхней полке. Это, выходит, правда Наташка дура, что перенять не хочет, это я ей вмозгую...

Возвращаясь после разговора с Наташей, Маша Богданова увидела шедшего навстречу Чудинова.

– Здравствуйте, Степан Михайлович! Я вижу, вас всё-таки в эти края тянет. – Она новела глазами в сторону, где находился интернат.

Чудинов раскланялся и ничего не ответил. Вид у него был очень решительный. Шагнул он сосредоточенно и быстро. Маша, развернувшись на лыжах, нагнала его и пошла рядом.

– Я вам хочу что сказать, Степан Михайлович... Наташка хочет завтра на тренировку прийти, да стесняется, ждёт, что позовёте.

Чудинов остановился:

– А вы откуда знаете? Она вам сама сказала?

– Ну да, скажет она, ждите! Но я уж её знаю и отлично вижу. Пришла бы, да стесняется, особенно после газеты. А я говорю: «Чего стесняешься? Знаешь, какой Степан Михайлович хороший человек, сразу все поймёт». – Она огляделась и потом, став на цыпочки, сколько позволяли крепления лыж, дотянулась ему до уха. – Сказать вам по секрету? Она из-за вас страдает.

– Ага! Обиделась, что я прав был да ещё в газете пробрал.

Маша взглянула на него раздосадованно – вот, в самом деле, непонятливый какой!

– Да я не в этом смысле. Она из-за вас переживает. Понятно вам это?

– Выдумали все. Она после газеты, наверно, и слышать обо мне не хочет.

– Как вам не стыдно только! Такая девушка страдает, а вы! Да вы знаете, какая у нас Наташа?.. Ведь это только у ней с виду такой характер, а вообще-то она...

– Девушка она чудесная, – охотно согласился Чудинов. – Из такой девушки можно мировую чемпионку сделать. Чудесная девушка... – повторил он задумчиво.

– Ага! Ну, слава богу, рассмотрел всё-таки, – немножко успокоилась Маша. – А то мне просто было обидно за вас обоих. Как журавль с цаплей, ей-богу!

ГЛАВА XIII

«Болеро» и «Шестеро»

Чудинов остановился возле интерната и прислушался. Сверху из-за двойных стёкол глухо доносились ребячьи голоса, не очень спевшиеся. Слышались приглушённые двойными рамами аккорды рояля. Чудинов знал: в этот час Наташа ведёт занятия по хоровому пению со своими питомцами. Он легонько позвонил. Дверь открыла ему Таисия Валерьяновна. Она была в пальто и платке – видно, куда-то собралась уходить и столкнулась в подъезде с тренером. Чудинов объяснил, что ему нужна на минутку Наташа.

– Поднимитесь, – разрешила заведующая. – Дорогу знаете?.. Они там, в большой комнате, музицируют.

Чудинов неслышно поднялся по лестнице и никем не замеченный стал в дверях комнаты, где шли занятия. Тоненькими, старательными голосами ребята пели:

Дверь ни одна не скрипит,
Мышка за печкою спит.
Кто-то вздохнул за стеной,

Внезапно выделился хрипловатый басок Сергунка. Он явно соврал. Наташа остановилась.

– Сергунок, Сергунок! Уши у тебя есть? – Она постучала одним пальцем по клавишу, давая нужную ноту. – Слышишь? «Что нам за дело, родной...» Вот как надо.

Востроносенькая Катя тотчас же подняла руку:

– Я знаю, тётя Наташа, у него уши такие: в одно влетает, а в другое вылетает. Это ему Таисия Валерьяновна так сказала.

– А ты не ябедничай, – остановила её Наташа и передразнила: – «Ухи»! «Уши» надо говорить. Ну, давайте ещё раз. – Она повернулась к пианино, проиграла мелодию вступления и запела вместе с ребятами.

Грудной, просторный голос её повёл сразу за собой хор, как ведёт наполненный парус лодку с гребцами. Но тут сфальшивила Катя.

– Ну, а у тебя где сейчас уши были? – спросила Наташа.

– А у меня всегда голос со слухом... с ухом... с ушами не сходится, – затараторила, оправдываясь, Катюша.

– А вот ты слушай, как тут поётся. – Наташа стала наигрывать мелодию без аккомпанемента.

И тут раздался от дверей голос Чудинова:

– Эх, не совсем это так поётся. Можно мне?

Растерявшаяся от этого внезапного и, как ей казалось, совершенно невозможного появления, Наташа возмущённо вскинула голову.

А Чудинов уже как ни в чём не бывало подходил к ребятам.

– Здравствуйте, – хмуровато, но бодрясь, приветствовал он. – Можно мне, Наташа, показать? Я эту песню хорошо знаю и очень люблю.

– Уже и сюда пришли меня переучивать? – шёпотом спросила Наташа.

Но тренер не принимал разговора в полутонах. Он громогласно отвечал:

– Нет, что вы! Я тут не специалист. Но вот, может быть, у нас с вами в четыре руки получится, – Он подтащил табуретку к пианино, без всяких усилий сдвинул немного в сторону стул с Наташей и подсел к ней вплотную слева. – Начали!

И, невольно подчиняясь его напористой энергии, Наташа заиграла мелодию, а он стал бравурно аккомпанировать ей, ведя свою партию и подмигивая ребятам. Те запели, весело глядя на обоих, следя за размашистыми движениями его головы, которой он как бы дирижировал, приговаривая:

– Хорошо!.. «Мышка за печкою...» Давай, давай дружно. Вот это другой разговор! Вот и спелись. – Он с размаху взял оглушительный аккорд, сопровождаемый странным дребезгом внутри пианино.

– Уй-уй! Здорово как! – восхитился Сергунок. – Даже задрывало!

Чудинов встал и сконфуженно заглянул под приподнятую крышку пианино, вытер лоб платком.

– Струна. Ничего, я завтра поищу настройщика. А песня, между прочим, хоть и мелодичная, но по смыслу того... «Кто-то вздохнул за стеной, что нам за дело, родной...» Ничего себе воспитание! Лишь бы нам хорошо, мол, было. А там, за стеной, стони, помирай, нам дела нет.

– Что же, по-вашему, я должна с ними «Марш ударников» разучивать обязательно? – тихо спросила Наташа.

Он помолчал в затруднении, вытер платком вспотевшую шею.

¹² «Дверь ни одна не скрипит...» – слова из колыбельной песни знаменитого немецкого композитора Моцарта.

– Да нет, это я так. Мне нужно вас на одно слово, Наташа. Выйдем в коридор на минутку.

– Тётя Наташа, – закричала им вслед Катюша, – ты же обещала сказку нам дочесть!

– Дочитать, – машинально, чтобы скрыть все больше охватывавшее её волнение, поправила Наташа.

– Ну, дочитать... про Белоснежку, как она у гномиков в пещере жила.

Катюша, конечно, не могла понять, почему Наташа покраснела так, словно её поймали на чём-то запретном, а у Чудинова торжествующе блеснуло из-под нахмуренных бровей.

– Ну, что вы мне собираетесь сказать? – спросила Наташа, нехотя выйдя с Чудиновым в коридор.

– То, что уже не раз говорил вам: что вы дрянная девчонка с отвратительным характером, но при ваших данных...

– Я всё это уже в газете читала, – спокойно сказала Наташа. – Очень шумите, Степан Михайлович. Мы этого тут не любим, однако.

Она испытующе поглядела на Чудинова. Тот смущённо и трубно высморкался, уткнув нос в платок. И на уголке платка Наташа на мгновение увидела метку: «С. Ч.».

– Откровенно говоря, ничегошеньки я с вами не понимаю, – заговорила она, потеряв вдруг всякую уверенность. – То вы мне одним кажетесь, то совсем другим. Что-то запуталась я с вами.

– Наташа, может быть, хватит нам в эти самые ваши уральские разрывушки играть, а? Руку!

Он протянул ей свою широкую и уверенную руку.

– От вас, видимо, никуда не денешься, – невольно уступая, отвечала Наташа.

– И не будем спорить. Видите, я пришёл первый. Пришёл первый, чтобы вы на лыжне не остались – последней! Сам пришёл, деваться вам некуда. Сдаётесь? Ну?

– Сдаюсь.

Теперь они тренировались ежедневно. Чудинов был неутомим. Постепенно его заразительная, весёлая энергия стала передаваться и Наташе. После всевозможных упражнений и отработки отдельных элементов лыжного хода они в конце занятий делали прикидку с секундомером. И Наташа порой была готова возненавидеть эту маленькую, но дьявольски торопливую стрелочку, которая опережала её и достигала клювиком положенной черты прежде, чем Наташины лыжи пересекали условную линию финиша между двумя ёлочками.

– Вы меня совершенно загоняли! – жаловалась она к концу тренировки, покорно опускаясь на пенёк, и, освободив усталые ноги от креплений, втыкала лыжи в снег. – Скажите хоть что-нибудь.

Чудинов, сам уже взмокший и как будто довольный, сразу начинал объяснять:

– Слушайте, Наташа! Когда вы подходите к финишу, вы не скупитесь, выкладываете все. Я же вам сказал: сделаем сегодня последнюю прикидку. Что же вы скаредничаете? Бережётесь? Оставляете слишком большой запас в себе. Сил-то у вас достаточно, а вот злости мало, хорошей спортивной злости. А без этого не победишь противника. Вы меня извините, но иногда прямо взял бы вас за шиворот и потряс как следует, леший бы меня взял!

– Ну вот, вы опять уже ругаться начали, – устало и виновато возражала Наташа.

Чудинов в таких случаях смущался, но продолжал бушевать:

– Я же сказал «меня». Меня чтоб леший взял!

– Ну, и на этом спасибо.

– Не за что! – Он внезапно распалялся. – Леший бы пас обоих взял в конце концов! На меня злиться – это вы умеете, а вот где надо характер ваш зауральский, норв этот ваш чалдонский в быстроту перевести – тут стоп дело. Ничего из вас не выйдет, пока не разозлитесь хорошенько. – С затаённой хитрецей он поглядывал на Наташу. – Вот,

например, когда я тренировал Бабурину...

Наташа вскакивала:

– Опять Бабурина? Хватит с меня этой Бабуриной! Только и слышу... Пожалуйста, командуйте, я готова.

– На сегодня хватит, – подзуживал Чудинов.

– Нет, не хватит. Я хочу тренироваться. Слышите? Командуйте!

Так они тренировались день за днём, день за днём.

Однажды, после вечерней тренировки, Чудинов вынул из кармана два билета.

– На концерт сегодня пойдём. Вы свободны? «Пятую» Чайковского играют. И «Болеро» Равеля. Сильнейшая вещь! И вам полезло будет послушать.

...Они сидели в большом зале рудничного клуба. Оркестр, приехавший из Свердловска, играл «Болеро».

Удивительной и непривычной была для слуха Наташи эта музыка. Собственно, музыки в первых тактах не было. Неподвижно сидели все музыканты на эстраде.. Почти недвижим был и сам дирижёр – только чуть-чуть подрагивала мерно в его руке, прижатой к талии, палочка да возле него, в самой серёдке молчавшего оркестра, едва слышно что-то поцокивало однообразно, сухо, настойчиво, в одном и том же, лишь слегка, двухоборотно смещающемся, попеременно проступающем ритме. И вот постепенно, как бы приближаясь, это упорно повторяющееся звучание становилось всё громче, громче, явственней, решительней, и на него отзывался, подчиняясь тому же двойному, попеременно распоряжающемуся чёткому ритму, один инструмент за другим. И он, этот ритм, облёкся в робкую сперва мелодию, которая бежала по оркестру от флейты к скрипкам, от скрипок – к виолончелям, от виолончелей – к фаготам, как бежит по магнетиному шнуру огонь, зажигающий свечу за свечой на ёлке. Все неодолимее, все могущественнее становился этот властный попеременный ритм, настойчивый, немного придыхающий, неодолимо, такт за тактом вовлекающий в своё движение все силы оркестра. И мелодия, послушная ему, с каждым тактом насыщалась всё новыми и новыми оттенками. Вот она уже завладела всеми инструментами, и то, что было недавно ещё едва слышным, цокающим стуком барабанчика, теперь стало жадным, лихорадочным и набатным зовом широко раззвучавшейся темы. Она пробивалась от одной группы инструментов к другой, все более разрастаясь, открываясь во всей своей повелительной мощи. Ритм несколько убыстрился, а мелодия все повторялась и повторялась. Она гремела уже оглушительно, почти истошно. Казалось, сейчас она изнурит и музыкантов и не хватит больше сил слушать её, требовательную, всеисчерпывающую, прошедшую через все инструменты, сыгранную и так, и эдак, и ещё совсем по-новому, и потом опять, ещё раз по-другому... И когда, казалось, звучание уже достигло предела, истощив все свои возможности, и, торжествующе владея всем залом, подчиняло себе безоговорочно биение всех сердец, в музыке произошёл какой-то короткий внезапный сдвиг – и в скользящей лавине звучаний, вовлечёвшей все инструменты оркестра, всё оборвалось и смолкло...

Наташу совершенно половил этот изнурительный двойной, попеременно повторяющийся странный ритм и как будто однообразное, но могучее движение музыки. Зал аплодировал, а она сидела неподвижно, прерывисто дыша, вся ещё во власти только что оборвавшихся звучаний.

– «Болеро», – тихо пояснил ей Чудинов. – Фанатический танец, особая магия ритма. Но хотите смеяться, хотите верить, есть в нём что-то похожее на наш двухшажный попеременный ход, честное слово. Вы заметили? Тут тоже попеременно повторяется одна и та же музыкальная фигура, а потом берётся разгон и включаются все силы, используются все возможности... полная отдача! Кажется, уж нечего больше выкладывать, а оказывается, можно ещё вот и так... и под конец ещё один, почти исступлённый рывок, бурный спурт и финиш... Люблю я эту штуку!

Потом играли Пятую симфонию Чайковского. Наташа вообще любила музыку, а сегодня благородные звуки симфонии, лившиеся с эстрады, волновали её с какой-то не

совсем ей даже Понятной и новой силой. Всё вокруг было музыкой – и новые надежды, которыми она теперь жила, и завтрашний день, обещавший опять встречу на снежных холмах, и сегодняшний вечер, и этот сидевший рядом недавно ещё совсем ей не известный, а теперь уж очень нужный то грубоватый, то ласковый неукротимый человек. Чудинов тоже отдался весь во власть слышимого и едва заметно качался, как бы повинуюсь величавому ритму симфонии. А Наташа, сама того не замечая, в сладостном оцепенении припала к его локтю, стиснув его руками. Спohватившись, Чудинов, слегка отодвигаясь, шёпотом сказал:

– Чувствуете, какая здесь звучит воля к победе? Слышите, как свершается это? Как человек побеждает? Преодолевают все в великом напряжении... Слышите? Ещё и ещё. Победа близка!

– А я что-то совсем другое представила, – зашептала кротко, но ещё не сдаваясь, Наташа. – Будто вечер и чуть-чуть позёмка... И вот идут по равнине двое, рядом, близко так. И впереди у них что-то хорошее, светлое, и они идут туда... все рядом...

Чудинов как бы задохнулся слегка, но нашёл силы пошутить:

– Гм!.. Рядом уже не годится. Вы должны быть впереди. Помните, что вы должны быть впереди.

– Но чтобы быть впереди, – на другой день говорил Чудинов на тренировке, – надо напрячь все силы, собрать всю волю, и так день за днём...

И шёл день за днём, и каждый день они встречались. Сперва под ноги им стелилась белая пороша, потом подмёрзший звонкий паст, потом лыжня потемнела, а под лыжами иногда проступала вода в колее.

А затем уже не снег, а мокрые дорожки стлались под ноги Наташи и тренера. И оба они, обутые в лёгкие беговые туфли с шипами, делали пробежку среди ещё голых весенних деревьев. А после была гаревая, залитая ранним утренним солнцем дорожка пустого стадиона, где тоже надо было тренироваться. А иногда ноги упирались в дощатое дно лодки и в руках, привыкших к лёгким лыжным палкам, были довольно тяжёлые длинные весла, сверкавшие в лучах солнца над водой озера при каждом взмахе.

Когда интернат переехал в загородный дачный лагерь, Чудинов примерно через день стал наезжать туда в электричке после работы. И опять начались в лесу пробежки, разминки, игры в мяч. Ребята бурно радовались приезду Чудинова. Они уже привыкли к нему и даже прощали, что он на два-три часа отнимал у них тётю Наташу. А инженер безотказно перекидывался с ними мячиком, придумывал какие-то новые, необыкновенные игры в следопытов, охотников, вырезал в лесу биты для городков, сочинял какие-то невозможные фигуры вроде высотного дома, лимонадной будки, метро, которых никогда прежде до него в городках и не было.

Потом снова задули холодные сибирские ветры и облетели с деревьев рыжие листья, янтарные – с берёз и словно из красного сафьяна вырезанные – с кленов. Но и онигодились Чудинову. Он научил Наташу ходить на лыжах по золотой влажной осыпи листьев, уверяя, что они дают прекрасную лыжню, отличное скольжение. А Наташа не сразу узнала свой родной город, когда вернулась вместе с ребятами в интернат после трёхмесячного лагерного житья. Город так отстроился за лето, что многое из виденного прежде Наташей на проектах Чудинова, которыми он нет-нет да легонько хвастался перед своей ученицей, перешло теперь уже с бумаги на улицу, стало прочно срубленными или красиво выложенными из камня стенами новых жилых домов, пролегло совсем ногой улицей к лесу, распахнулось красиво застроенной площадью, которой ещё не было весной. И Наташе было приятно знать, что город хорошеет оттого, что в этом очень нужном деле неутомимо действует человек, который и её самое взялса обогатить душой, возвеличить и прославить, как он обещал это ей и городу.

Её все больше тянуло к этому человеку, в котором многое было несколько непривычным в то же время влекущим: и манера держаться, и неожиданные обороты мыслей, и грубоватая искренность речи. Чувствовалось, что он сильный человек. Но сила

обычно не волновала Наташу. Она привыкла жить среди сильных людей – горняков, охотников. Старик отец и сейчас ещё мог трижды перекреститься гирей-двухпудовиком. А когда-то он слыл на руднике одним из первых силачей, несмотря на свой малый рост. Трудно было удивить Наташу силой. Но у Чудинова сила была его волей, его строго нацеленным движением к смело и твёрдо намеченному будущему, к которому он упрямо шёл, ведя за собой и Наташу.

Хороший был человек Чудинов, только иногда уж слишком деловым, чрезмерно устремлённым лишь к одной точке и ничего, кроме неё, до обиды не видящим казался он Наташе.

Пришла ранняя зима. Двинулись сугробы в улицы городка. Опять замелькали за деревьями подступившего к Зимогорску бора фигуры лыжников в лыжниц.

Однажды вечером, когда Чудинов занимался после работы у себя в номере, к нему, едва постучав, ворвался Донат Ремизкин. Чудинов привык уже к подобного рода вторжениям. Энтузиаст-репортёр всегда сообщал в таких случаях что-нибудь сверхпланово сенсационное, как он говаривал.

– Ну, танцуйте! – закричал, торжествуя, Ремизкин, размахивая ещё мокрым оттиском только что свёрстанной газетной полосы. – Я прямо из типографии. Танцуйте!

Тут только он заметил, что левая нога тренера укутана пледом и покоится на подушке, положенной на подставленный стул. Раненое колено с осени опять стало напоминать о себе.

– Ну ладно, – смутился Ремизкин, – я за вас станцую. Шестёра! – объявил он, и пошёл приседать, выкаблучивать по паркету номера и выкидывать коленца, старательно выплясывая все фигуры знаменитого уральского танца, имеющего шесть заходов и потому названного «Шестёрой». – Подгорна!.. Сербияночка!.. —продолжал выкрикивать Ремизкин, притопывая, приседая и колесом носясь по номеру. – Барыня! Холмогорочка... Зимогорочка...

Отбив дробь и исполнив все шесть положенных фигур, он подскочил к Чудинову и, чуточку отдышавшись, стал торжественно читать то, что было оттиснуто на мокрой полоске:

– Ну, слушайте. «В ознаменование десятилетия города Зимогорска и достигнутых его трудящимися высоких успехов в добыче руды и строительстве, а также учитывая массовый размах спортивной работы в Зимогорске...» Слышите, Степан Михайлович? «Массовый размах». Здорово?.. «Комитет по делам физкультуры и спорта решил провести зимнюю спартакиаду и розыгрыш кубка в городе Зимогорске».

Он опять взвился, отбил дробь, хотел было кинуться с раскрытыми объятиями на Чудинова, но покосился на его ногу, махнул рукой и побежал к двери, крича на ходу:

– Пойду сейчас нашим комсомольцам сообщу, всех ребят проинформирую. Ведь это же какое дело! Ей-богу, честное даю слово! Дождались-таки, признали нас!

С этого дня пошли ещё более интенсивные тренировки. Но тренировались и другие лыжницы в Зимогорске. Та же Маша Богданова, старательная, наделённая каким-то особым весёлым рвением, делала все более заметные успехи.

И на первых прикидках результаты получились совсем неожиданные. Время, которое показала Маша и другие её подруги при замере по секундомеру на три километра, было не хуже, чем у Наташи.

– Зря вы со мной бьётесь, – говорила опять после этого Наташа, – сами видите. Ещё хуже ходить стала, чем прежде. Совсем вы меня сбили.

– Нет, Наташенька, – успокаивал её Чудинов. – Это другие стали ходить лучше. А вы сейчас, как говорится, шкурку меняете. Прежнюю сбросили, а новую ещё не совсем нарастили. Это не всем сразу даётся. И потом, я же пока вам давал прикидку на коротких отрезках. Тут ваша выносливость, заряд ваш великолепный, неисчерпаемый не успевают показать себя, поверьте мне, потому и результаты получаются примерно равные. А вот постепенно начнём увеличивать дистанцию, вы их всех бросите позади, оставите у себя за спиной. Мы ещё кое-что с вами отработаем. У вас пока не сразу ладится после старта,

засиживается. Посыл лыжи у вас великолепный, но иногда вы ещё коленом сами себе тормоз создаёте. Словом, унывать абсолютно не с чего. – Он брал секундомер. – Ну-ка, пошли! Времени до спартакиады осталось немного, теперь от меня пощады не ждите.

А она и не ждала. Она уже не хотела пощады.

ГЛАВА XIV Зеркало туманится

*«Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?»
И ответило зеркало:
«Вы, королева, красивы собой,
Но Белоснежка там, за горой,
У карлов семи за стеной,
В тысячу раз богаче красой».*
Из старой сказки

Тем временем Алиса Бабурина тоже не дремала. Она теперь занималась с новым тренером. Это был некто Закрайский Всеволод Илларионович, человек с необычайно чёткой дикцией, изъясняющийся всегда чрезвычайно звучно, многозначительно и без запинок.

– Следует отметить, – говорил он Алисе, – что ваша прежняя подготовка в известной степени складывалась без учёта индивидуальных ваших особенностей и имманентных, вам одной присущих качеств. Я не хочу порочить метод моего предшественника. Товарищ Чудинов был когда-то несомненно весьма примечательным, я бы даже сказал – выдающимся скороходом. Однако он слишком долго держался за то, что казалось ему непреложным, а по существу отвергнуто международной спортивной практикой. Я имею в виду режим, которым он вас в известной степени подавлял. При наличии такой отточенной, я бы счёл возможным даже сказать – изощрённой техники, как у вас, Бабурина, совершенно излишни, на мой взгляд, подобного рода режимные ущемления, которым он вас постоянно подвергал. Ваша техника решает все.

Алиса нашла в нём очень удобного для себя тренера. А что касается расторопного Тюлькина, то тот просто был заморожен Закрайским, упивался его красноречием и был в восторге от эрудиции нового тренера.

– Вот, понимаешь, голова! – восхищался он при встрече со мной на Ленинских горах, где мы смотрели прыжки с трамплина неподалёку от университета. – Послушал бы, как выступает он на совещаниях! С багажом человек. Я имею в виду – культурным. И, главное, у меня с ним лично сразу вполне хорошие отношения наладились. Я ему для дочки норвежские лыжи схлопотал, неплохой свитерок для него лично организовал. Он умеет ценить, не то что этот Чудинов. Ему было всё равно. Напялит свою допотопную кацавейку в клетку, довоенного уровня, выпуска тысяча девятьсот тридцать девятого года, и дуёт себе. А этот разбирается.

Однако на состязаниях под Кировом Алиса показала время ещё хуже прошлогоднего и вообще оказалась в плохой форме, придя к финишу четвёртой. В «Маяке» встревожились, заинтересовались системой нового тренера, убедились, что он совершенно не следит за режимом лыжницы, во всем идёт на поводу у капризной чемпионки. Да и сама неблагодарная Алиса вскоре на одном из собраний лыжной секции сострила, что хотя Закрайский говорит весьма красно, но все у него шито белыми нитками. Словом, Закрайский был отставлен. С Алисой стал заниматься старый, опытный лыжник Иван Михайлович Короткое, который первым делом, не боясь уронить своего достоинства, списался со Степаном и попросил прислать график тренировок и поделиться некоторыми соображениями по части индивидуальных особенностей Алисы. Чудинов не заставил себя долго ждать, прислал Короткову подробное и точное описание необходимых, на его взгляд, тренировок, посочувствовал Короткову, зная наперёд, что нелегко ему придётся с капризной и

набалованной чемпионкой. Алиса ничего не знала об этой переписке. Встретив меня на одном из хоккейных матчей, она спустилась ко мне из ложи и даже снизошла до личной беседы.

– А-а, Кар, приветствую! Ну как ваш друг, нас покинувший, пишет что-нибудь? Я краем уха слышала, что он опять там тренерствует. Не вынесла душа поэта, так, что ли?

Я рассказал Алисе всё, что знал о Чудинове по письмам, которые, впрочем, я в последнее время получал от Степана довольно редко.

– Да, – задумчиво сказала Алиса, – ведь спартакиада будет теперь как раз там. Ну, сейчас я понимаю этот хитрый ход. Просто заранее отправился, чтобы подготовить мне в пику. Зачем было только придумывать такие сложные объяснения, выкрутасные мотивировки? Ну что ж, встретимся довольно скоро. Говорят, он там звезду какую-то разыскал. Неужели это та самая Скуратова, которую я в прошлом году так обошла в Подрезкове? Смешно! Ходит, как снегоочиститель, размаху много, а вперёд чуть. Ну что же, поглядим, лыжня-то и на Урале узкая, кому-то придётся уступить.

Но Чудинов не собирался уступать. Я написал ему о своей встрече с Алисой, рассчитывая ещё больше подогреть рвение его новой строптивой воспитанницы, и получил ответ от Степана:

«Дорогой Евгений, спасибо, старик, что не забываешь. Писать мне некогда. Время горит. Что касается Алисы, то напости ей сказку о Белоснежке. Очень ей хочется, чтобы зеркальце ответило на её ревнивый вопрос: «Ты, царица, всех милее, всех румяней и белее». Ан зеркальце-то пока туманно. И я верю, что оно скоро лишит Алису покоя, ответив, что за горами, за долами есть кое-кто и румянее, и белее, и, во всяком случае, сильнее. Дорогой мой! Я верю в Наташу, и, что ещё важнее, кажется, она поверила в меня».

Чудинов решил прибавить лишний час ежедневной тренировки. Но Наташа не всегда успевала управиться с делами по интернату, пройти с ребятами домашние задания. Энергичного тренера я это не остановило. Привыкший делать все сам, где это только возможно, не обременяя просьбами других, он отправился в интернат, чтобы обо всём договориться на месте.

Ребята сидели за партами, готовя уроки. Увидев вошедшего тренера, все радостно вскочили. Дети успели подружиться с Чудиновым за лето и радовались каждому его приходу. А сейчас, помимо всего, это был совершенно законный повод для того, чтобы отложить учебники и тетради в сторону. Но Чудинов поднял руку очень строго:

– Сидеть, сидеть у меня, вы, молекулы! Где тётя Наташа?

Сергунок, сев, поднял ладошку вверх.

– Можно мне ответить? – Он вскочил и отрапортовал: – Тётя Наташа сейчас придёт наши домашние задания проверять. Она дежурная, пробует ужин. Будут оладьи с повидлом.

– А какое у вас задание?

– Задача очень трудная, – наперебой заговорили ребята. – Никак не выходят ни у кого. Складываем, складываем, – пожаловалась Катюшка, – и все не получается.

Чудинов сел за учительский стол:

– У вас задача не выходит, а у меня тренировка из-за вас срывается. Учиться надо как следует. А ну, давайте сюда вашу задачу. Тихо, не все сразу. Все остаются на местах, я сам подойду.

И он пересел на маленькую парту, потеснив обитающего там Сергунка.

– Ну, что же тут трудного-то? Эх ты, нагородил сад-палисад! Давай вместе решать. Очень просто. Значит, так. Смотри сюда: десятки любят, чтобы их подписывали под десятками, а ты куда их запятил? Так. Ну, теперь давай складывать. Вот тут сбоку ставим прелестный крестик, именуемый плюсом, здесь подводим изумительной красоты черту. Раз... один у нас с тобой был в уме, мы это отметили вот тут. Теперь производим необходимое нам с тобой действие. Вот видишь, как просто! Небось час бы без меня возился, а тётя Наташа сиди с вами тут. Ну-ка, давайте живо все задачки.

Ребята, вскакивая, замахали тетрадками.

– Дядя, и у меня не выходит,

– И у меня...

– Тихо! Чтобы у меня порядок был!

Пересаживаясь с парты на парту, Чудинов решал ребятам задачи. Малыши, как это всегда бывает в закрытых детских учреждениях, интернатах, детских домах, соскучившись по домашней ласке и сердечному, отеческому вниманию взрослого человека, прижимались к его плечу.

– Ну, вот что, ребята, – сказал Чудинов, когда все задачки были решены. – Давайте условимся. Вы тётю Наташу любите?

– Любим! – словно выдохнул класс.

– Ну, раз любите, так учитесь как следует. — Он наклонился над партами, заговорщически оглянувшись: – Ну, хотя бы до спартакиады прошу. Вы хотите, чтобы тётя Наташа всех победила и чтобы хрустальный кубок... – Он шагнул к доске, схватил мелок и двумя-тремя штрихами мгновенно нанёс очертания почётного приза, – Вот такая красивая чаша, вся из чистого хрусталя да ещё с серебром вокруг. Хотите, чтобы нам достался? Хотите?

– Хотим!

– Ещё бы не хотеть! Ну так вот, готовьте, чертенята, уроки скорее. Слышите вы, молекулы? Занимайтесь как следует, чтобы тётя Наташа на вас меньше времени тратить могла, а вместо этого на тренировки бы ходила. Помогите мне. – Он добавил совсем тихо, доверительно склонившись к ребятам: – А если задачки будут трудные, вы ко мне в гостиницу Сергунка присылайте. Мы с ним старые приятели. Все задачки с ним я сам решать буду.

Ребята смотрели на него с неизъяснимым восхищением. Вот какой хороший дядя! И представить себе, что он учит тётю Наташу, которая и так все знает, всех умнее и главнее! А вот слушается и уважает его. Какой же это, наверно, знающий и важный человек!

И сразу даже не заметили, что Таисия Валерьяновна вошла в класс и стоит возле доски. А заметив, разом все вскочили. Чудинов оглянулся и тоже несколько оторопел. Таисия Валерьяновна качала головой:

– Это ещё откуда репетитор такой выискался? Чем это вы тут с ребятами занимаетесь, Чудинов?

Товарищи родные! Какая же, должно быть, была умная, знающая и важная Таисия Валерьяновна, если теперь уже сам Чудинов, тот, который учит тётю Наташу, учительницу, вытянулся и весь покраснел, совсем как школьник, застигнутый за каким-то непозволительным занятием! Ребята были вконец потрясены.

– Таисия Валерьяновна, – сконфуженно заговорил Чудинов, – я просто хочу помочь Наташе. Ведь дело серьёзное. На весь Союз спартакиада. Надо бы Наташу немного освободить.

Таисия Валерьяновна знаком пригласила его выйти из класса.

– А вы полагаете, что она действительно может многого достичь? – как всегда спокойно, спросила Таисия Валерьяновна, когда они оказались в коридоре.

– Таисия Валерьяновна! – с внезапной страстностью рубанув ладонью воздух перед собой, сказал Чудинов. – Таисия Валерьяновна, она явление совершенно исключительное. Вы не представляете себе, что это за девушка! Драгоценный самородок! Вот вам рука моя! – Он непроизвольно схватил её за руку. – Какая скрытая сила в каждом движении!

Таисия Валерьяновна, слегка прикусив губу, высвободила руку.

– Простите, я, кажется, вам больно сделал?

– Да, кажется, у вас тоже скрытая сила в движениях. – Она легонько потёрла руку. – Но вы всё-таки ребят нам, пожалуйста, не портьте, пускай уж задачи решают самостоятельно. А я постараюсь сделать все, чтобы Наташа была посвободнее.

Долго после его ухода смотрела Таисия Валерьяновна через окно вслед широко

шагавшему по улице Чудинову, легонько трясла в воздухе рукой, покачивала головой, улыбаясь сама себе. Вошла Наташа.

– Тут что, говорят, Чудинов заходил? – как можно безразличнее спросила она.

– Да, по делу, ко мне. На минутку.

– Всегда только по делу и на минутку. Удивительный человек! Секундомер!

Таисия Валерьяновна внимательно поглядела на неё.

А проклятая нога от усиленных тренировок стала всё чаще и чаще напоминать о себе. Иногда Чудинов уже с трудом доводил занятия до конца. Но он был не из тех тренеров, которые довольствуются разработкой графика, нотациями, прикидкой по секундомеру и командами, передаваемыми через мегафон. Он всегда стремился быть на самой лыжне, рядом, без усталости, невзирая на боль, отрабатывая все элементы хода, сам показывая все приёмы... И вот однажды он уже не в состоянии был пойти на работу. Положив обмотанную одеялом ногу на поставленный возле себя стул, он укрепил перед собой на другом стуле чертёжную доску, прикрепил кнопками лист бумаги и весь ушёл в работу. За этим занятием его и застал вежливо постучавший в дверь Сергунок.

– А, Сергунок,ходи,ходи, – приветствовал его Чудинов. – С чем пожаловал? Опять по ответу не сходится?

– Не сходится, – буркнул Сергунок, оглядывая комнату и пристально всматриваясь в повешенную на спинку стула клетчатую куртку.

Пуговица была пришита на том месте, где её когда-то не было. Сергунок не в силах был отвести от неё глаз. Он уже было что-то хотел сказать, но, должно быть, вспомнил наш уговор, только громко булькнул горлом, будто глотая, и промолчал. Он лишь позволил себе спросить:

– А спартакиада теперь уже скоро будет?

– Скоро, скоро, – отвечал Чудинов. – Ну, давай задачу, что у тебя там не сходится? Гора с горой только не сходится, а человек с человеком и задачка с ответом всегда могут сойтись.

Некоторое время они занимались задачкой. Когда в задачке всё сошлось, Чудинов откинулся на спинку дивана. Он немного устал, должно быть, поднималась температура.

– А устные приготовил? – спросил он. – Смотри у меня!

– Я все выучил. И другие ребята тоже стараются, – заторопился Сергунок.

– Пусть стараются как следует, а то вот дня два у меня пропадут из-за ноги. Подвернул на тренировка брат. Подводит она меня всё время. Что делать!

– Вам на войне её прострельнули? – с уважением спросил Сергунок.

– На войне, брат.

– Из винтовки или автомата?

– Из автомата. Ну, хватит про это. Иди, Сергун, окажи тётке Наташе – день, мол, завтра пропустим опять, а послезавтра чтобы была вовремя. Запомнил?

– Запомнил, – отвечал Сергунок, опять вглядываясь в пришитую на место пуговицу на клетчатой куртке, висевшей на спинке стула.

– Дядя, а вы, значит, уже пришили?

– Ты это насчёт чего? – Чудинов проследил направление взгляда Сергунка и немного привстал. – Ты опять? Конечно, пришил, тогда же. Что же мне, на память о тебе расстёгнутому ходить было, что ли?

– А где вы взяли, Дядя?

– Ты же сам отдал.

– А я вам не отдавал, – сказал совершенно растерявшийся Сергунок.

– Это неважно, кому ты отдал, – сказал Чудинов. – Гораздо важнее, кому она принадлежит. Понятно? Ну, будь здоров, дружок, мне работать надо.

Сергунок помялся в дверях, опять глянул украдкой на пришитую к куртке Чудинова пуговицу. Его, видно, так и подмывало сказать что-то ещё, но уговор оставался в силе, он

вздохнул и замолчал. Чудинов снова взялся за работу.

Нет, не скрою, не чертежами строительства города Зимогорска занимался он сегодня, не для «Уралпроекта» трудился он сейчас. На шероховатом листе, приколотом к чертёжной доске, возникал большой акварельный портрет Наташи. Когда-то инженер Чудинов недурно рисовал да и в последние годы, когда выпадала свободная минута, делал наброски, развлекался несложными композициями.

Лыжница была изображена во весь рост, мчащейся по снежному крутогору. Развевался шарф за спиной, ветер взвил выбившуюся из-под вязаной шапочки прядь...

– Товарищ Чудинов, – послышалось за дверью: кто-то постучал, легонько приоткрывая её. – Насчёт чаю не распорядиться вам? Трубы починили, вода пошла, кипятильник заработал. – Это была заботливая тётя Липа.

Чудинов порывисто убрал портрет за диван.

– Организуйте стаканчик, дорогая. – Он вернулся к работе, поставив доску с рисунком на стул. – А что, неплохо, – похвалил он сам себя, наклоня голову то в одну, то в другую сторону, отодвигая и приближая к себе портрет. – Честное слово, недурно! Товарищ Чудинов, в чём дело? Помнить старое правило: с кем бы ни вышел на снег, сам—лёд. Есть помнить старое правило, – проговорил он усмехаясь. – Но хороша, ничего не скажешь. Эх, Наташа, Наташа...

В дверь тихонько постучали.

– Давайте, давайте ваш чай! – крикнул Чудинов.

– А вы, оказывается, и художник? – раздался за его спиной знакомый грудной голос.

Застигнутый врасплох, он сперва схватил обеими руками портрет, потянул к себе, как бы пытаясь заслонить его, потом в ужасе оглянулся, попробовал встать и окончательно смешался:

– Вот не ожидал!

– Зашла провести. Может, вам нужно что-нибудь?

Она глаз не спускала с портрета.

– Нет, спасибо... Вы садитесь, пожалуйста.. Да, Наташенька, расклеился немного, опять с ногой. Решил на досуге побаловаться, помалевать! Тряхнул стариной.

– Вот никогда не думала, что вы так дивно рисуете! И меня... – Наташа похорошела от радостного смущения.

– М-да... – промямлил Чудинов. – Знаете, это мой обычный метод... Я всегда, когда тренирую кого-нибудь, рисую себе, чтобы, так сказать, нагляднее понять... определить все дефекты... Видите, не соеем правильный подколенный угол. Правда, тут это мне не совсем удалось схватить... Гм!.. Но, в общем, анатомия движений, она требует, понимаете...

– Понимаю, – сказала сухо Наташа, помолчала по том тихо спросила: —А Бабурину вы тоже рисовали?

Чудинов не знал, как быть.

– Нет... я её не рисовал. – Он заметил, что Наташа не может удержать довольную улыбку, и поспешил добавить: – Да знаете, ведь у нас там, в Москве, просто: сказал, чтобы сняли кинограмму. А вот тут уж приходится самому... (О чёрт! Как он ненавидел сейчас себя и проклинал свои обязанности тренера и воспитателя! Как ему хотелось сказать другие слова! Но правило есть правило. Лёд не должен был тронуться.) – Знаете, что я вам скажу, Наташа? Вы, в общем, чертовски славная девушка. Убеждаюсь с каждым днём всё больше и больше.

– Да, это правда? – взволнованно сказала она. – Вы столько сделали для меня за это время, Степан Михайлович! Мне иногда кажется, будто я совсем другой стала. Действительно, будто Белоснежка очнулась, как в сказке той говорится.

Наступила пауза. Как будто что-то разделявшее их пало, и Чудинов приподнялся навстречу склонившейся к нему девушке. Впрочем, он тотчас же откинулся и заговорил своим обычным тренерским тоном, лишь голос у него внезапно сел как будто.

– Только вы, пожалуйста, не вздумайте зазнаваться. Рано! Вам ещё работать и работать.

Но вообще-то вы у меня молодец, Наташа!

Несколько разочарованная, Наташа выпрямилась и отсела на другое кресло.

– Степан Михайлович, а вы всегда так? Для вас ваши ученики – это только машина для бега на лыжах, анатомия движений?

Он чуть было не возмутился.

– Наташа, да вы поймите, если бы я вам мог... – Он сделал резкое движение, но тотчас же схватился за колено. – Видите, совсем никуда я стал, а тоже ещё, разговариваю. Ведь предстоят такие состязания, что нам надо с вами все решительно выкинуть из головы.

– Хорошо, – покорно согласилась Наташа, – выкину.

– Ну вот... – Чудинов, как бы успокаиваясь, откинулся на подушки. – А теперь дайте, пожалуйста, мне со стола вон тот лист. Поглядите на график дистанции. Я вот здесь уже наметил...

ГЛАВА XV

Накануне решающих дней

Вместе с командами московских лыжников, конькобежцев и хоккеистов я прилетел в Зимогорск. Мне было поручено ежедневно слать корреспонденции со спартакиады и параллельно вести радиорепортаж прямо с места состязаний.

Едва стих рёв моторов нашего самолёта, мы услышали уханье барабанов, а потом понемногу отошедшие уши распознали звуки торжественного марша встречи. Трубы оркестра сияли золотом на белом фоне заснеженного аэродрома. Низкое зимнее солнце на безоблачном небе, длинные синеватые тени и полыханье пёстрых знамён спортивных обществ, вышедших встречать нас, ярко расцвечивали морозный простор, в котором мы очутились, спустившись по лесенке из самолёта. Я поискал глазами в толпе встречавших Чудинова, но, к моему удивлению, не нашёл его, зато тотчас же увидел Никиту Евграфовича Скуратова, который, аккуратно ступая маленькими чёсанками, в сопровождении Ворохтина, рядом с которым он казался совсем коротышкой, и других представителей городских властей, приближался к нам.

– Добро пожаловать, добро пожаловать! – басил Ворохтин. – Рады гостям дорогим. Вот знакомьтесь: наш уважаемый депутат Никита Евграфович Скуратов, старожил, можно сказать, основоположник всего, что видите в местах наших, и сам лыжник, охотник наипервейший и, между прочим, отец нашей знаменитой лыжницы.

– Ишь ты! – услышал я возле себя голос Тюлькина. – Чудинов-то недаром тут завяз, дорожку в высокие местные сферы прокладывает.

– Замолчи, Тюлькин! – негромко оборвала его Алиса. – Просто надоел ты мне! – Она потянула меня за рукав: – Вы не находите, что странно всё-таки, почему нас Чудинов сам не встретил...

– Хо! – вмешался Тюлькин. – Всё ясно. Должно быть, Скуратова не пустила. Видно, к рукам прибрала и держит – во!

К этому времени слухи об успехах Скуратовой уже дошли до московского «Маяка». Она отлично выступила на отборочных состязаниях общества в Свердловске. И хотя ей не пришлось там встретиться с Алисой, которая в это время участвовала в товарищеском состязании с приехавшими в Москву чешскими лыжницами, но все знали, что уральская гонщица вошла в состав сборной команды «Маяка», которая должна была защищать цвета своего общества на спартакиаде. Прилетевший с нами тренер Коротков, очень высокий, седой и жилистый, похожий на жокея в своём старомодном картузике, сказал, что, вероятно, Чудинову сейчас не до торжественной встречи: идут, по-видимому, последние напряжённые тренировки.

– Странно всё-таки, – не унималась Бабурина; она была явно задета.

– Да нет, он действительно очень занят, – пояснил я, – и строительство и тренировки.

– Как говорится, ваше место занято, пройдите на свободное, – сострил Тюлькин.

– Ох, Тюлькин! – вздохнула Бабурина. – Вы не знаете, Карычев, почему я его ещё терплю?

– Твёрдо не знаю, но, в общем, догадываюсь.

– А я и догадаться не могу, – сказала Алиса.

Сквозь толпу встречавших, где узнавали наших чемпионов и откуда неоднократно слышалось имя Бабуриной, мы прошли к автобусам.

Минут через двадцать наши автобусы уже катили по неузнаваемо отстроившимся и празднично принаряженным улицам Зимогорска. Я просто глазам своим не верил, глядя сквозь окна автобуса, на стёклах которых мы продышали в наморози прозрачные кружки. Как быстро все перешло со знакомых мне чертежей в жизнь! Я узнавал дома, построенные по тем проектам, которые мне ещё в Москве показывал Чудинов. Вот новый клуб, кино. Замелькали на фоне леса, стеной окружавшего город, небольшие жилые коттеджи, типовые проекты которых в последние годы разрабатывал Степан. Значит, всё, что он задумал, понемножку осуществлялось. Что бы там ни принесла спартакиада, он уже недаром потратил здесь время.

Но не скрою, что всё-таки мне очень важно было, чтобы и там, на лыжне, его ждала бы удача.

Город казался мне многолюдным. Спортсмены, съехавшиеся из всех краёв и городов страны, в комбинезонах, куртках, бриджах, национальных костюмах, с лыжами, чемоданчиками, коньками, хоккейными клюшками, запружали улицы маленького городка, над которыми ветер парусил яркие транспаранты. Улицы вдаль переходили в просеки, которые убегали в окружающий город сосновый бор, уносились к подножию пологих гор или распахивали вдаль простонный белый горизонт равнины.

Когда наш автобус подкатил к уже достроенной, давно сбросившей Леса гостинице «Новый Урал», я, войдя в знакомый вестибюль через знаменитую вертящуюся дверь, сразу услышал из угла голос Чудинова. Он кричал в телефонную трубку:

– Аэропорт? Ну как, выяснили? Вот тебе раз!.. – Он бросил трубку, подошёл к ожидавшим его в стороне Наташе и Сергунку: – Оказывается, не на том самолёте прибыли, уже полчаса назад уехали в город. Сейчас тут будут. Дотренировались мы с вами. Ах, неладно вышло!

Стеклянная дверь вертелась без остановки. С чемоданами, лыжами, с хрустальным кубком, укутанным в семицветный стяг общества «Радуга», входили в вестибюль прибывшие со мной москвичи, Бабурина сейчас же бросилась к Чудинову:

– Смотрите, товарищи, вот он, уральский житель! Степан Михайлович, как я рада! Мы все по вас скучали так, особенно я.

– Здравствуй, Бабурина, здравствуй, Алиса, – говорил заметно взволнованный Чудинов. – Здравствуй, Евгений, дорогой! – Он крепко обнял меня. – Вот молодец, что приехал!

– А как же! Без меня такие дела не обходятся. Буду тебя в печати и по радио транслировать, на весь эфир.

Алиса не отходила от Чудинова.

– А я, честное слово, соскучилась по вас, Степан Михайлович. Товарищи, внимание! Можно от вашего имени, от лица всей нашей команды и от своего непосредственно поцеловать покинувшего нас, но всё же любимого, уважаемого, несравненного Степана Михайловича?

Неожиданно обняв Чудинова, она припала к его щеке. Степан был несколько обескуражен, и я уловил, что он невольно покосился на Наташу, которая присматривалась ко всем издали.

Тюлькин шепнул:

– «И возвращается ветер на круги своя»¹³, – как сказал Эвкалипт, то есть как бишь его?

¹³ Слова из Библии, произнесённые царём Соломоном, прозванным Экклезиастом, то есть Проповедником.

Эклектик?..

Коротков хлопнул его ладонью по лбу:

– Эккезиаст, голова твоя!..

– Ну, пускай себе будет ёлкизеаст, – не унывал Тюлькин. – Смысл тот же.

Чудинов подхватил под руку Алису, повёл её к Наташе.

– Вот, пожалуйста, знакомьтесь. Вам придётся встретиться на лыжне.

Алиса элегантно протянула Наташе руку, чуть-чуть выгнув кисть ладонью вниз:

– Бабурина.

– Скуратова. – Наташа просто, коротко и решительно пожала ей руку.

Высунувшийся из-за Наташиной спины Сергунок тоже протянул свою широкую ладошку.

– И ты туда же! – сказал Чудинов. – Это небезызвестный наш Сергунок.

Тюлькин подтолкнул локтем Алису:

– Слышала? «Наш». Что я тебе говорил?

Присев, как старые друзья, чуточку в стороне от всех на диван, Алиса и Чудинов весело болтали.

– Это ваша новая звезда? – спросила Алиса, метнув взгляд в сторону Наташи.

– Да. И верю, что счастливая звезда. Бабурина ещё раз снисходительно оглядела издали Наташу.

– Симпатичная девушка и недурна.

– На дистанции ты сумеешь оценить и другие её качества, – предупредил Чудинов.

А Сергунок отвёл меня в сторону и сказал:

– Дядя, а у него пуговица пришитая на том месте. Вы же тогда говорили...

– Цыц! – пригрозил я ему. – Мы с тобой как условились? Забыл? Что, по-твоему, кончилась уже спартакиада?

– Значит, пока не кончится, всё равно ни-ни?..

– А то как же!

– А вы обещали мне пропуск, чтобы везде ходить.

– Получишь, получишь, – успокоил его я и нахлобучил ушанку с круглой его макушки на самый нос.

Наташа сидела на диване возле стойки тёти Липы. К ней тотчас же подсел Тюлькин. Он привык с лакейским презрением относиться к так называемым простым людям. Что тут было церемониться с провинциалкой! Тюлькин поблистал всеми своими «молниями» на костюме, бесцеремонно осмотрел Наташу и сел рядышком.

– Так это, значит, вас Чудинов гоняет? Так, так. Очень приятно лично познакомиться. Первым делом, конечно, он вам насчёт подколенного угла теорию вкручивал? Понятно. Ох, уж он этой теорией всем нам в Москве – во!.. – Тюлькин показал на горло.

– А зачем вы мне все это говорите? – удивилась Наташа.

– Я вижу, вы хорошая девушка, простая, хочу по дружбе. Бабурина чемпион, а сейчас она в такой форме, как никогда. Смешно думать, что её можно обойти. Бред. Детский лепет. Вы Чудинова не знаете, хитрейший человек и изикил... тьфу... как это... иезуит лыжни. У него ведь в мыслях что? Вас с Алисой вот так – лбами столкнуть, а все для секундомера. Из вас дух вон, а ему кубок по общей сумме показателей. Плевать ему, кто первый, вы или Бабурина. Эх, я бы вам мог кое-что рассказать, да... вон, глядите, как воркуют.

Наташа непроизвольно глянула в тот угол, где, увлечённые беседой, сидели Алиса и Степан. Чудинов, видимо по старой тренерской привычке, положил руку на плечо Алисе, а другой рукой показывал какие-то, должно быть, приёмы, двигая ею возле самого колена Алисы. Заметив взгляд Наташи, он с несколько излишней поспешностью снял руку с плеча Алисы. Наташа встала и быстро вышла, так сильно толкнув вертящуюся дверь, что она ещё долго крутилась за ней...

Чудинов вскочил:

– Наташа, куда вы? – Он подозрительно поглядел на Тюлькина. – Ты ей тут ничего не накрутил, а?

– Да что ты, Степан! – оправдывался Тюлькин. – Я ей просто рассказывал... кое-что про Москву, какая потеря для нас, что ты отбыл, покинул нас, она и расстроилась...

– Ох, Тюлькин! – Чудинов коротко шагнул, подошёл вплотную и незаметно поднял кулак, прикрыв его своим плечом от посторонних взглядов. – Смотри ты у меня, как бы я тебе когда-нибудь не повредил твою материальную часть! – Он хотя и шутил, но в глазах у него проступило нечто, заставившее Тюлькина быстренько пойти на попятную.

– Ну вас всех, ей-богу... Голова у меня прямо-таки от вас болит и пухнет.

Тётя Липа за своей стойкой услышала это и тотчас же посоветовала:

– А может быть, вам освежиться с дороги? Вот у нас парикмахер тут.

С нескрываемым восхищением Тюлькин воззрился на тётю Липу:

– Ух, черт, могучая же вы дамочка! В цирке не работали?

– Не приходилось. Уж вы скажете, в цирке, – застыдилась Олимпиада Гавриловна. – Я на Иртыше на грузовой пристани работала, начальником, да потом радикулит замучил от сырости. Спасибо Адриану Онисимовичу, парикмахеру нашему, мазь дал очень полезительную. Сперва веснушки свёл, а потом для втирания. И как рукой сняло.

С Дрыжиком у Тюлькина завязалась совсем свойская, дружеская беседа. Намыливая пухлые щёки приезжего, парикмахер разоткровенничался:

– Мои кремы широко известны среди местного населения. На чистом коровьем масле изготавливаю.

Тюлькин покровительственно кивнул, сколько позволяла простыня, подвязанная под горло.

– Шайбочки идут? – спросил он.

– Простите, не вник в вопрос?

– Монеты, говорю, много загребаешь?

Дрыжик обиделся:

– Вы меня дурно понимаете. Я чисто безвозмездно, для друзей, по знакомству. В целях науки, не больше. Снабжаю также мазями местных спортсменов. Тут довольно капризная погода, а это иногда может вредно отразиться. Вы, полагаю, слышали, что у нас тут, у местных, есть старые охотничьи секреты в смысле лыжных мазей. У нас снег особенный, на дно состояние три раза меняется.

Тюлькин разом насторожился. Он вытащил руки из-под простыни и пальцем провёл по губам, чтобы снять мыло.

– Как же, слышал! Говорят, у вас тут мази – чудо прямо. Сами лыжи идут. Мечтаю достать для себя лично хоть грамм триста.

– Для себя лично желаете брать? – насторожился Дрыжик.

– Да, я сам любитель в выходной на лыжах походить. Со своей стороны, попрошу взять на память. – Он порылся под простынёй в кармане, вытащил перочинный нож с большим набором лезвий, раскрыл все ножички. Нож стал походить на большого рака. Тюлькин протянул его парикмахеру.

– Вот, прошу принять в знак уважения и приятного знакомства. Вот тут написано «Коля». Это лично я. От меня – вам. Прошу.

Дрыжик внимательно осмотрел нож. Он ему понравился, но, вспомнив что-то, парикмахер подозрительно оглядел своего клиента:

– А сами вы, извиняюсь, не из «Радуги» будете?

– Кто, я? Да нет, какое там! Я по радиочасти специалист. Трансляцию вести буду с Карычевым. Слыхали про такого? Евгений Кар, известный, вот я с ним и прибыл, сопровождаю. А это для себя, так, на прогулочку в выходной для личных надобностей. Знаете сами: не подмажешь – не поедешь. Тонко замечено?

– Ну, тогда можно будет вам сделать, – уступил Дрыжик, вертя в руках уж очень ему приглянувшийся ножик. – А лыжнику бы не дал. Я хоть сам в прошлом из Мариуполя, но болею целиком за местных. – Он густо намылил Тюлькина. – Говорят, чемпионка какая-то из Москвы приехала, известная. Курьёз будет, когда её наша Скуратова за собой бросит.

Тюлькин что-то замычал под мыльной маской, прикрывавшей половину его лица и обрекавшей на вынужденную немоту.

Тюлькин разом насторожился.

Дрыжик наклонился к нему:

– Беспокоит?.. Смешно думать! Скуратова – это же сила. Как она в Свердловске сейчас на отборочных прошла! Её сам Чудинов тренировал, заслуженный мастер. Говорят, из-за неё и Москву бросил... Тут намедни клиент один приходил, тоже из лыжников местных, так смеялись мы с ним до слёз буквально, когда насчёт этой Бабуриной разговор зашёл.

Тут Тюлькин не выдержал. Как говорится, в нём взыграло ретивое. Как-никак он был давним болельщиком Алисы. Он вскочил, разбрызгивая в ярости мыло, одна щека в пене, другая уже наполовину выбритая, отстранил от себя рукой бритву, с которой к нему наклонился Дрыжик.

– Над кем смеялись? Над Бабуриной? Да она чихать не захочет на твою Скуратову! Она заслуженная, как лауреат всё равно. Её Буденный вот так за руку благодарил при всей публике на стадионе. Маршал! А ты лезешь ко мне со своей Скуратовой, гигиена!

Дрыжик свернул салфетку, аккуратно уложил кисточку в чашку, сказал очень тихо и даже с печалью:

– Виноват, возможно, не дослышал. Вы на кого, если не ошибаюсь, чихать собрались, на Скуратову? Так я вас понял? Да?

Решительно схватив помазок, он с силой бросил его снова в чашку так, что на зеркало полетели лепёшки мыла. Потом он отодвинул прибор подальше от края стола, дрожащими пальцами снял с Тюлькина простыню, скомкал её и бросил на столик:

– Извините меня, но вам придётся пройти через улицу напротив.

– Куда напротив? – возмутился Тюлькин, утирая салфеткой выбритую щеку и щупая другую, намыленную. – Да брось ты, в самом деле, добрей щеку! Куда же я такой, с одного боку бритый, пойду?

Дрыжик кротко, хотя в голосе его уже бушевал огонь, проговорил:

– При вашем однобоком рассуждении это будет вполне как раз. Пройдите напротив, там добреют, а я лично с вами заниматься не могу. – Он ожесточённо мыл руки под краном умывальника, потёр щёткой ногти и потом решительно стряхнул воду с пальцев.

Чувствуя, что произошло что-то не совсем ладное, и уже хорошо зная нелёгкий характер своей воспитанницы, Чудинов отправился к ней в интернат. Дверь открыл Сергунок.

– Тётя Наташа у себя?

– А её нет, – удивился Сергунок, – она ещё не возвращалась. Она к своим домой собиралась.

Делать было нечего, пришлось идти к Скуратовым.

Ещё на крыльце Чудинов почуял запах скипидара и какой-то гари. Навстречу ему из кухни вышел Никита Евграфович, который сейчас же поманил его за собой. Попросив Чудинова немного обождать, он вернулся к занятию, которое, по-видимому, было прервано приходом Степана. Никита Евграфович что-то варил на плите, переливал из одной жестянки в другую, нюхал, мешал щепочкой, священнодействовал. Едкий чад заполнял весь дом.

– А Наташи нет, – сообщил он, витая в облаках дыма. – Редко заглядывать стала, все с детишками там да с тобой на подготовке. Ну как считаешь, шансы у неё есть?

– Шансов-то много, да упрямства ещё больше, – пожаловался Чудинов.

– Это верно говоришь. Это уж она в нашу мать такая. Однако, как полагаешь, эта московская, Забубырина, что ли, не обставит Наталью нашу, не осрамит, как в прошлом годе в Москве?

– Надеюсь, нет.

– Хорошо! С тебя взыск будет, А я вот мазь ей нашу родовую, охотничью изготовил. Дело-то на крайний мороз поворачивает. Тут с мазью не ошибиться. Ну, а уж я в этих смыслах угадываю без промашки. Секрет нашего семейства. Я тебе вот доверяю. Хоть и не переучивался я сам на твой манер ходить, поздно уж мне, а доверяю, однако. На вот, передашь сам Наталье... Три номера тут. Вот, где три креста поставлено на жестянке, это на крайний мороз. Если и ударит, то как раз этот состав подойдёт. Наталья сама знает, не впервой ей.

И Никита Евграфович вручил Чудинову три разноцветные банки с заветной фамильной мазью.

ГЛАВА XVI

Тайны масок и секреты мазей

Вечером я увидел Чудинова в городском парке, который был превращён сегодня в огромный каток. Гирлянды цветных фонариков отражались в матовом зеркале льда. Город устраивал карнавал в честь открытия спартакиады. По ледовым, похожим на полосы станиоли дорожкам проносились пары конькобежцев, одетые в яркие маскарадные костюмы. Из рупоров гремела музыка.

На ледовой площадке, окружённой зрителями и залитой светом прожекторов, под

общий хохот плясал, кружился огромный матерчатый жираф. Передние ноги его разъезжались на коньках и, хоть убей, не могли приноровиться к движениям задних конечностей, принадлежащих другому конькобежцу, также спрятанному под пятнистым чехлом, который изображал шкуру жирафа. Какой хохот и визг стояли тут! Поощряемый аплодисментами и весёлыми пожеланиями, жираф встал неожиданно на дыбы, взвился почти вертикально и замахал в воздухе коньками на передних ногах. Тут он вдруг упал, весь перекрутился, а когда встал, задние ноги его поехали в одну сторону, а передние – в другую. То-то была потеха!

Пёстрой поющей фалангой проносились по ледовым аллеям сцепившиеся за руки фигуристы на коньках. Кавалеры в средневековых костюмах, в развевающихся плащах катили перед собой на лёгких санках замаскированных дам. Чиркали коньки о лёд, покачивались цветные фонарики в морозном искристом воздухе. Погружая всех то в красный, то в зелёный, то в золотисто-оранжевый свет, вертелись прожекторы, на которых меняли беспрерывно цветные заслонки.

Все кругом пело, несло, сверкало, перекликалось, хохотало, толкалось, куролесило, и только мрачный, но решительный Чудинов, продираясь сквозь пёструю карнавальную толпу, одинокой и деловой фигурой своей нарушал, как ему самому казалось, всю панораму маскарадного веселья. Я сидел на террасе грелки-ресторана с Алисой Бабуриной. Мы увидели Чудинова и подозвали его к себе.

– Скуратову не видели? – спросил он сразу.

– Найдётся ваша Скуратова! – засмеялась Алиса. – Идёмте к нам лучше. Хотите глинтвейну горяченького?

– Подожди, – сказал я, – кажется, она мне встречалась вон в той аллее, когда я сюда шёл, и, по-моему, в расстроенных чувствах. Что, опять у вас разрывушки? Не время.

– Ещё бы! – пробурчал Чудинов. – Ну и характер!

Алиса бросила на него хитренький, насмешливый взгляд:

– Она, должно быть, коварно скрылась под маской. Может быть, мне надеть на себя что-нибудь, чтобы вы, Степан Михайлович, обратили внимание на старую знакомую?

– А то хочешь, – предложил я, – могу вызвать через радиоузел по знакомству. «Внимание! Гражданку Скуратову Наталью разыскивает её тренер».

– Да нет уж, обойдусь без твоей трансляции! – сердито заметил Чудинов. – Так ты говоришь, в той аллее? – И он ушёл в том направлении, куда я показал ему.

– Степан, – крикнул я ему вдогонку, – мне надо было бы сказать тебе два слова!.. Простите, Алиса, я на минуточку.

– Захватите горячего кофе в термос на обратном пути, и хватит вам там секретничать. Встретились дружки! – съехидничала Алиса.

Я нагнал остановившегося Чудинова:

– Ну что, у вас нелады?

– Не говори! – Чудинов махнул рукой. – Пожалуй, я действительно вёл себя не совсем так, как надо...

– Да как тебе сказать... Если учесть характер твоей Скуратовой, так конечно... Но вообще сейчас не время рассуждать. Иди и винись, нечего уж тут.

– Да где я её найду?

– Я же тебе сказал: по-моему, она в том направлении. Спеш! Ну, а я пошёл за термосом.

Наташа сидела в одиночестве на одной из далёких аллей. Сюда доносились весёлые взвизги, музыка, а Наташа всё больше и больше погружалась в мрачное беспокойство и грусть. И правда, что может быть печальнее, чем сидеть одинокой в праздничный вечер и издали прислушиваться к чужому веселью!

Неожиданно Наташа увидела странную фигуру, которая не очень уверенно приближалась к ней по льду аллеи. Человек в чёрном плаще, в большой шляпе с перьями,

скрыв лицо под чёрной полумаской и укрываясь бортом плаща, подошёл к Наташе,

– Здравствуй и внимли! – проговорил он замогильным голосом

. – Это ещё что за чучело? – не очень любезно спросила Наташа. – Вы кто такой?

Маска, сгорбившись, глухим, таинственным голосом возвестила:

– Тот, кто некогда спас тебя в пургу.

– Ах, вы тоже? Это, кажется, уже четвёртый по счёту. Сколько же вас – целая спасательная команда? Обратитесь к Ремизкину, редакция «Зимогорский рабочий».

– Спас тебя и твоего питомца, – упрямо вещала маска.

– Оставьте. Надоело. Я уже забыла давно про это.

– А я тебе напому, – ещё более глухо и настойчиво продолжала маска. – Я достал фляжку, я повязал шарф тебе, я оказал: «Мальчика возьму сам. Можете идти? Помощь близка». Я говорил так?

Наташа озадаченно прикинула взглядом – тот, кажется, был выше ростом. Она не знала, прогнать этого надоедливого незнакомца, рассердиться или превратить всё дело в обычную карнавальную шутку.

– Я говорил так? – прохрипела маска.

– Да... говорил... то есть не вы, а тот, кто нашёл нас тогда, говорил так.

– Я спасал тебя, чтобы ты принесла нашему городу славу, – уже совершенно потусторонним голосом, давясь, заверещала маска. – Помни, ты должна прийти первой, самой первой, только первой! Думай о славе родного города. Слава близка. Преодолей гордыню. Иди к своему учителю и внимай его советам.

Наташа вспыхнула:

– Слушайте, может быть, пора прекратить этот неостроумный маскарад? Хоть нос у вас и под маской, но суете вы его не в своё дело.

– Я повинуюсь тебе и уйду сейчас обратно во мрак тайны, – не отступала маска, – но ты запомни, что я сказал. Ты выиграешь, и тайна рассеется, всё станет ясным. Не веришь? Вот взгляни: на шарфе, которым я укрыл тебя, была вот такая метка. – На короткий миг приоткрыв плащ, он показал серый шейный платок, на котором была вышита большая буква «С». Он тотчас запахнул плащ. – А теперь смотри, вон там... взглядись!

Наташа невольно обернулась, чтобы посмотреть, куда показывает маска. Никого не разглядев, она оглянулась...

Но чёрный плащ уже прошуршал за заснеженным кустарником.

– Вот ещё! Скажи пожалуйста!.. Кто же это тут разглагольствовал? А впрочем...

Постояв в нерешительности и ещё раз оглядевшись, она двинулась туда, откуда доносились звуки оркестра.

Как назло, у буфетной стойки, где наливали горячий кофе, была большая очередь, и меня порядком задержали здесь. Когда я с пирожными и термосом возвратился на террасу грелки-ресторана, я застал там Наташу, уже разговаривавшую с Бабуриной.

– А он вас только что искал, – объясняла Алиса, по-видимому отвечая на вопрос Наташи о Чудинове. – Они только что с Карычевым... Ну, наконец-то! – закричала она, увидев меня. – Я совершенно закоченела! Давайте скорей кофе. Наташа, хотите чашечку? Вообще, давайте познакомимся как следует. Чудинов всегда меня учил, что надо хорошенько знать своего противника.

Наташа присела возле нашего столика, продолжая насторожённо вглядываться в глубь аллеи.

– Ну, вас-то я хорошо знаю, – сказала она. – Вы меня в прошлом году обошли в Москве, как во поле берёзоньку стоячую. Вспомнить стыдно. Да и от Чудинова только и слышу: Бабурина на прямой да Бабурина на подъёме...

Алиса улыбнулась, довольная:

– Значит, все мои секреты уже вам выдал. А может быть, и вы, товарищ Наташа, со мной поделитесь? Говорят, у вас тут местные мази какие-то есть секретные, чудодейственные.

Едва она произнесла это, как между деревьями, окружавшими террасу, появилась странная фигура в чёрном плаще, полумаске и широкой шляпе с пером. Наташа продолжала всматриваться в аллею.

– Так как же насчёт мазей-то этих, сверхсекретно таинственных? – спросила ещё раз Алиса.

– В том секрета нет, могу поделиться, если хотите, – отвечала Наташа и заметила за деревом странную маску, Та или не та?

А человек в плаще в тот же миг сорвал с себя маску и шляпу и оказался всего-навсего Тюлькиным.

«Это не тот!» – решила Наташа.

– И я говорю! – жизнерадостно прокричал Тюлькин. – Правильно, товарищ Наташа, какие тут могут быть секреты? Все свои. Кубок нашенский будет, если выиграем. А мы никому не скажем. Тайна. Гроб. Могила неизвестного солдата. Разве нет, товарищ Карычев?

– Ну, у меня рот на замке, – пообещал я. – Всегда молчу. Такая уж у меня сегодня профессия – радиокomentатор.

Наташа встала:

– Видно, Степан Михайлович уже ушёл. Мне тоже пора. Всего вам лучшего!

Тюлькин последовал за ней, осторожненько нагнав в аллее.

– Так как же насчёт мазей?

– У меня при себе нет, – сказала Наташа. – Как получу, дам.

– Ладно. Замётано, – обрадовался Тюлькин.

Чудинов сидел на скамье в боковой аллее и рассеянно чертил прутиком на гладком снегу, по которому скользили светлые пятна качавшегося фонаря: «Скуратова». Услышав шаги и заметив подхолившую Наташу, он спешно одной ногой сровнял надпись на снегу, но не успел стереть первую букву. Наташа заметила это, села молча на скамью возле Чудинова, взяла у него из рук прутик, притоптала снежок и рядом с буквой «С» вычертила «Ч».

Чудинов легонько хмыкнул. Оба помолчали. Наташа заговорила первая:

– Вы что, сердитесь на меня? Ну, не сердитесь, Степан Михайлович. Неправа я, конечно. Наехало на меня... Было и прошло. Смешно в такое время... Завтра в восемь я на тренировке. Хорошо? Кончили злиться?

– Да я на вас и не думал злиться, – откровенно признался Чудинов. – Я сам вас искал. Обидно, что по таким пустякам, и вдруг...

– Ну хорошо, хорошо, – перебила его Наташа и совсем тихо добавила: – Неужели вы думаете, что я вас могла подвести в такие дни? Только я вам скажу правду, мне как-то очень грустно. Я сегодня поняла...

– Что вы такое там поняли? – начиная уже легонько закипать, просил Чудинов

. – Я поняла: вы все это делаете для Бабуриной, чтобы доказать ей...

Чудинов вскочил, вырвал у неё почему-то из рук прутик и с ожесточением швырнул его в кусты.

– Слушайте, вы, Хозяйка снежной горы, уральский самородок, леший меня и всех вас тут кругом заберите! Что вам далась Бабурина? Вы думаете, одна Бабурина на свете?

– Это, кажется, вы так думаете.

– Я так не думаю и вам не советую, а рекомендую думать, что вам придётся иметь дело с добрым десятком лыжниц, которые сейчас нисколько не хуже Бабуриной. Например, та же Авдошина из Вологды, вы видели её в Свердловске, или Бадаева Кировская, Румянцева, Нина Гвахария! А я только и слышу: «Бабурина, Бабурина»!

Наташа радостно смеялась:

– Ну, ругайте, ругайте ещё!

Чудинов опустил на скамью, осторожно потянул Наташу за руку, заставляя присесть рядом.

– Попробуйте только не показать время лучше всех! – Он стал очень серьёзным. –

Только это нелегко будет, Наташенька, предупреждаю. Шансы у всех равные.

Наташа решительно замотала головой:

– Нет, у меня больше.

Чудинов никогда не видел ещё её такой.

– Это почему же вы так думаете?

– Потому, что за меня – вы, – произнесла она, глядя ему прямо в глаза, остановилась, словно у неё перехватило дыхание, и резко встала, глядя в другую сторону.

Чудинов посмотрел на неё с благодарностью, взял её руку в вязаной варежке, легонько пожал.

– Наконец-то вошёл в доверие у семьи Скуратовых! – пошутил он. – Вот, кстати, и отец меня просил передать вам фамильную. – Он стал вытаскивать из карманов баночки, вручённые ему Никитой Евграфовичем.

С этого дня город жил только одним – спартакиадой. Спорт подчинил все своим законам и обычаям. Болельщики, едва закончив работу на руднике, обогатительной фабрике и в учреждениях, мчались на стадион. Уже была разыграна гонка для лыжников-мужчин на дистанции 30 и 50 километров, эстафета «четыре по десять». Хорошее время показали лыжницы «Маяка» на эстафете «три по пять». Наташа шла на втором этапе и обошла лыжницу «Радуги», чем выровняла положение своей команды, а Алиса Бабурина, шедшая на последнем этапе, вырвалась вперёд и принесла победу «Маяку».

Оторвавшись далеко от других команд, впереди всех по числу завоёванных очков шли коллективы «Радуги» и «Маяка». Теперь было уже ясно, что именно единоборство этих двух исконных соперников и решит судьбу зимнего кубка. Из-за неудачи гонщиков «Маяка» в мужской эстафете «Маяк» чуточку поотстал, и к последнему, решающему дню «Радуга» имела несколько очков форы, то есть опережала конкурентов. Все должна была решить теперь гонка лыжниц на десять километров. В канун финальной гонки в клубе обогатительной фабрики был устроен вечер встречи приезжих физкультурников с местными.

Наташа сидела вместе с Машей Богдановой в зале.

Один за другим на трибуну поднимались конькобежцы, лыжники, хоккеисты. В зале синели «юпитеры», осветительные приборы. Шла киносъемка.

Выступали многие хорошо уже известные Наташе по газетам спортсмены. При объявлении их имён фоторепортёры вскакивали с мест, лезли на стулья, мальчишки-осветители хватались за «юпитеры», нацеливали их на трибуну, и оратор в самом прямом смысле купался в лучах собственной славы и был ослеплён ею. При объявлении других имён свет приборов разом бесцеремонно выключали и выступавший, угасая, погружался во тьму неизвестности.

Когда председательствующий Ворохтин своим раскатистым басом объявил, что выступает чемпионка СССР Алиса Бабурина, все лучи «юпитеров» повернулись на трибуну. В зале зажурчал съёмочный аппарат, и Наташа, спохватившись, должна была присоединить свои аплодисменты к общей овации. Может быть, впервые почувствовала она лёгкую и ревнивую зависть к славе этой изящной и немножко высокомерной москвички.

Но ещё громче и дружнее аплодировал зал, когда Ворохтин дал слово Чудинову. Наташа могла сейчас ещё раз убедиться, каким непреходящим уважением пользовался её тренер среди спортсменов всей страны. Все вскочили аплодируя, все улыбались восторженно и почтительно, и Чудинов не сразу смог начать речь. Он стоял на трибуне, слегка щурясь под лучами прожекторов, которые безжалостно высвечивали и шрам, уходивший на виске под волосы, и сединки, кое-где уже проступившие. Маша Богданова аплодировала громче всех, так, что даже пришлось Наташе взять её в конце концов за руку и усадить. Но Наташе и самой было несказанно радостно, что все так приветствуют человека, который сейчас ведёт её уверенно к самому трудному испытанию. С гордостью оглядывала она сидевших в зале других лыжниц, слыша, как Чудинов приветствовал приезжих – теперь уже от имени зимогорских физкультурников.

После торжественной части были танцы. Здесь Тюлькин тотчас же подкатился к Наташе:

– Разрешите вальс-бостон?

– Нет, я уже обещала Степану Михайловичу, – ответила Наташа, поискав глазами в толпе Чудинова.

Тот, услышав, пожал удивлённо плечами, но, догадавшись, подошёл и, как заправский танцор, обнял Наташу за талию, шепнув при этом:

– Слушайте, какой я танцор! Вы же знаете прекрасно?

– Ничего, ничего, – шепнула ему Наташа. – Лучше всё-таки вы, чем этот Фитюлькин. Ужас, как надоед!

– Из двух зол, вероятно, я не худшее, это правильно, – смиренно согласился тренер.

Они кружились среди танцующих, а Тюлькин ходил в некотором отдалении по кругу, терпеливо выжидая. Физиономия его то и дело появлялась либо за колоннами, либо из-за плеч танцующих.

– А Тюлькин-то, смотрите, сопровождает нас, как луна в лесу, – заметил Чудинов. Потом он вдруг поглядел на часы, присвистнул: – Хватит, Наташенька, отправляйтесь домой. Завтра ведь такой день! Я вам дал нарочно передохнуть, но сейчас уже время.

– Ну, хоть ещё один танец! – жалобно взмолилась Наташа.

Чудинов был неумолим:

– Довольно, вам пора спать. Вы что, забыли, какой день вас ждёт завтра?

Наташа заупрямилась:

– А вы чем-нибудь ещё интересуетесь в жизни, кроме лыж?

– В настоящее время ничем. Всем другим начну, может быть, интересоваться после спартакиады. Ну-ка, живенько, марш!

Он повёл было её под руку к выходу, но Наташа высвободилась и одна вышла из зала. Чудинов минуту следил за ней, потом мрачно вздохнул. К нему подошёл Ворохтин:

– Что вздыхаешь, товарищ Чудинов?

– Да вот девушку опять обидел. Ей танцевать хочется, а я её спать отправляю. Режим.

– А как считаешь – завтра?..

– Считать нам нечего, – отвечал Чудинов, – за нас секундомер посчитает. – И он зашагал к выходу.

Вечер был чудесный, хотя мороз с каждой минутой становился крепче. Даже дышать было уже нелегко. Ледяной воздух тысячами мельчайших иголочек колол ноздри, как сельтерская.

Провожая Наташу, Чудинов поднялся с ней на холм, под которым начинался парк с дорожками, превращёнными в каток.

Здесь они остановились. Залитая лунным светом снежная равнина простиралась внизу под холмом, уходила к бледно высвеченным склонам далёких гор. Над стеной из елей стояли в небе редкие облачка, отороченные серебряной каймой. Слева подрагивали в морозной тьме огни города, и казалось, что они, мерцая, похрустывают от мороза. Иногда ветер доносил снизу, из парка, музыку. Чудинов и Наташа стояли рядом, невольно отдаваясь покою морозной ночи, вслушиваясь в него

. – Вечер сегодня какой дивный! Правда? – мечтательно проговорила Наташа.

– Да, хорошо. Чертовски хорошо!

Чудинов расправил плечи, глубоко вдохнул нестерпимо ледяной воздух, потом осторожно коснулся локтя Наташи, приглашая идти дальше.

Наташа попросила:

– Постоим ещё немножко... Как музыка хорошо здесь слышна!

Оба прислушались. Далёкий вальс то доплывал до них, то замирал.

– Тишина, – сказал Чудинов, – кругом тишина. И даль такая, словно сам плывёшь со звёздами из края в край Вселенной.

Луна, высвободившись из проплывавшего облака, серебряным светом своим коснулась

лица Наташи. Девушка была очень хороша в эту минуту. Чудинов откровенно залюбовался ею. Вот она медленно повернула к нему своё лицо, которое, казалось, само светилось в полумраке, потянулась навстречу ему, полная открытой доверчивой прелести, и Чудинов невольно подался навстречу, но сдержался и даже отпрянул слегка, Наташа смотрела на него, чего-то ожидая.

– Волнуетесь? – спросил Чудинов.

– Нет. – Она тряхнула упрямо закинутой головой.

– Очень плохо. Надо волноваться.

– Ну, волнуюсь, волнуюсь. Успокойтесь.

– А мне чего успокаиваться? Я не волнуюсь. Наташа повела плечом.

– Ну да, конечно, вам всё равно. Лишь бы кубок «Маяку» достался.

– «Волнуюсь, волнуюсь. Успокойтесь», – передразнил её Чудинов.

Когда они подошли к интернату, какая-то тёмная фигура то расхаживала по крыльцу, то принималась подпрыгивать и яростно колотить себя руками крест-накрест по бокам и плечам, пританцовывая и крикая.

– Это ещё что за ночной сторож?

Чудинов, отведя рукой Наташу себе за спину, шагнул к крыльцу.

– Это я, Степан Михайлович, – раздался знакомый голос. У говорившего, видно, зуб на зуб не попадал.

– Тюлькин! Коля, добрый вечер. Ты зачем здесь?

Бедный Тюлькин продолжал хлопать себя по плечам:

– Гулял, понимаешь, замёрз немножко, дай, думаю, зайду погреюсь. Постучал, а там ребята перебулгачились, меня не пустили. Вот я и дожидаюсь. – Он энергично потёр ладонями замёрзшие уши. – Анафемская температура. А я, понимаешь, решил город посмотреть, побродить, помыслить в тиши ночной.

– О чём же это ты на старости лет решил мыслить? – усмехнулся Чудинов. – Непривычное для тебя занятие.

Тюлькин горестно вздохнул:

– Хорошо тебе шутить... Вот ходишь вдвоём, а я что? Один на всём белом свете, совершенно индивидуально. Мыкаюсь с этим инвентарём, а благодарности ни от кого. А все подай, все устрой. Коньки заточи, ботинки обеспечить, клюшки чтобы были, мазь чтобы была! За все я отвечаю. Да вот, кстати, товарищ Наташенька, вторично хочу вас просить насчёт мази, как обещались. Слышал я опять в народе, что у вас тут для лыж мазь особая какая-то: только навощи ею лыжи – сами побегут. Я к чему это настаиваю: думал, обойдусь, а тут со всех сторон слышу – будто слёг у вас какой-то ненормальный, так что к нему мазь не угодишь – особая, специальная нужна.

– Ну, насчёт снега не знаю, – возразила Наташа, – а мази у нас, правда, знаменитые есть.

– Знаменитые, да, между прочим, никому не известные, – вздохнул Тюлькин. – Народ их у вас в секрете держит. Ужас, до чего публика у вас тут скрытная! Мне вот рассказывали давеча, что вас тут лично вместе с мальчонкой один человек во время бурана от полного обмороживания спас, так скрылся, чудак, и до сих пор все темно и непонятно. Глупая голова. Да о нём бы в газетах написали, вполне бы и орден мог схватить, а он... И неужели, между прочим, так до сих пор и неизвестно кто...

Чудинов решительно перебил его:

– Хватит тебе философствовать! Говори, что надо, а то я Наташу спать отправлю. Тюлькин заторопился:

– Товарищ Наташа сама знает, в чём дело. Извините меня за нахальство, конечно, я же опять насчёт этой мази. Обещались же. Я вас чистосердечно прошу. Ведь должность моя такая: за лыжи отвечай, за мазь отвечай. А где я её достану, раз секрет?

Чудинов испытующе-выжидательно смотрел на Наташу.

– Для Бабуриной стараетесь? – Наташа понимающе покачала головой. – Ну что ж, пожалуйста, охотно поделюсь. Мне отец сам изготовил. Он дело это никому не доверяет. Сам стряпает. Заходите, только чтобы тихо. Поздно уже.

Все трое осторожно поднялись в комнату, где обычно проводились музыкальные занятия.

– Тихо, тихо, пожалуйста, – шёпотом предупредила Наташа, – ребята спят. Сейчас я вам принесу, она у меня в чемоданчике.

Наташа на минуту вышла, вернулась со своим спортивным чемоданчиком, открыла его и поставила на стол перед Тюлькиным.

– Берите любую. Вон та, где три креста, – эта на большой мороз. Рекомендую. А у меня ещё есть запасная. По-моему, как раз будет. Температура падает. Берите, берите.

Она пошла в переднюю, на ходу расстёгивая шубку. Чудинов помог ей раздеться, повесил шубку на вешалку.

Между тем Тюлькин жадными, быстролазными руками рылся в чемодане. Он увидел там три почти одинаковые баночки. Он пошевелил пальцами, осторожно прикоснулся к ним и собрался уже взять ту, на которой были синим карандашом нацарапаны три креста, но тут же заметил, что в углу чемодана, полуприкрытая шерстяным шарфиком, укромно задвинутая за зеркальце, стоит ещё одна баночка. Тюлькин воровато оглянулся, осторожно достал баночку и прочёл этикетку на ней: «Особая. Для резкого похолодания. Состав А. О. Дрыжика».

– «А-а, гигиена чёртова! Вот где твои секреты! Ох, хитры вы здесь все кругом, да не хитрее Тюлькина».

Он понюхал банку, покосился одним глазком в сторону передней, убедился, что Наташа и Чудинов ещё там, и быстро спрятал в карман мазь Дрыжика.

– Спасибо вам, товарищ Наташа, – торжественно поблагодарил он вошедшую Наташу. – Советский спорт и общество «Маяк» вам этого не забудут. Мировая вы девушка. Скажу по совести, я бы за такой не то что в пургу – в огонь и в воду кинулся при моей натуре. Приятных снов.

– А тебе что же, самому натирать приходится? – посочувствовал Чудинов. – Ох, и барыня же она, твоя Алиса! Разбаловали вы её без меня окончательно.

Тюлькин развёл руками:

– Что делать – талант! Ну, я отбываю. Мороз-то, мороз на улице! На термометре один только шарик видать. Тридцать два на завтра обещают, жуть!

Когда внизу хлопнула дверь, Чудинов крепко сжал в обеих ладонях руку Наташи:

– Молодец вы! Я просто гордился сейчас вами. Так великодушно отвалили ему мазь для соперницы. Вот это по-нашему!

– По-вашему?

– По-нашему с вами, – ласково сказал Чудинов.

Они должны были говорить шёпотом, так как весь интернат уже опал. И, хотя разговор шёл о вещах самых простых и обыкновенных, Наташе от этого шёпота казалось, что они делятся какими-то тайнами, известными одним лишь им. И это волновало их обоих.

– Вот хвалите сейчас, – шепнула Наташа, – а раньше сами говорили, что у меня мало спортивной злости.

– То другое дело. А вот сейчас прошу вас, наберитесь злости. Ну как, есть у вас злость? – Он внимательно посмотрел ей в самые глаза.

А Наташа весело сделала очень страшное лицо, хищно оскалила зубы, подтянула брови к вискам и даже зарычала, сверкнув на него глазами:

– У-у-у!..

– Хорошо, – тихо засмеялся Чудинов и зловещим, трагическим шёпотом продолжал: – Бросьте Бабурину далеко позади, обойдите её, откиньте, сметите с дороги. Нет, я, конечно, фигурально. Ну, Наташенька, покойной ночи. Набирайтесь злости!

Спал Зимогорск. И болельщики беспокойно ворочались с боку на бок, волнуясь за исход завтрашней гонки. Спала Алиса Бабурина. Ещё раз проверив составленный им график гонки, почивал тренер Коротков. Но ещё горел свет в нашем номере, где Чудинов ходил из угла в угол, круто поворачиваясь и что-то бормоча про себя.

Возвращаясь после телефонного разговора с Москвой к нам в номер, я услышал характерное пошаркивание в комнате, где обитал Тюлькин. Дверь была полуоткрыта, я заглянул в номер, заваленный всяким спортивным инвентарём. Тюлькин сидел за столом. На столе горела свеча. Тюлькин подогревал мазь над пламенем свечи и натирал лыжу, поставив её одним концом на пол и зажимая между коленями. На подножке великолепной гоночной лыжи, узкой, сверкавшей цветным лаком, я увидел металлическую дощечку возле крепления. На ней было выгравировано: «Чемпиону СССР А. Бабуриной».

Заметив меня, Тюлькин собрался было что-то сказать, чихнул, едва не загасив свечу, высморкался и подмигнул мне:

– Ишь, зимогоры! Хотела мазь не ту подсунуть. Припрятала заветную. Только Тюлькина не проведёшь!

ГЛАВА XVII

Лыжню! Лыжню!

Знаменитый приз сверкал всеми своими гранями, поставленный на маленький алый столик перед центральной трибуной. Возле него несли караул троекратные обладатели зимнего кубка – спортсмены московского клуба «Радуга» со своими семицветными знамёнами.

Как хорош был большой зимний стадион в день торжественного финала спартакиады!

Расположенный в естественном амфитеатре по склонам расходившихся воронкой гор, сверкая льдом хоккейного поля, весь в радужном блеске инея, стадион сам был похож на исполинскую хрустальную чашу.

Все, чем славится спортивная русская зима, было сегодня представлено здесь. На дощатых, освобождённых от снега скамьях сидели знаменитые лыжники, прыгуны с трамплина и конькобежцы, танцоры на льду и слаломисты из Карелии, из Боржоми, из Бакуриани¹⁴, с Уктусских гор¹⁵ и с Кукисвумчорра¹⁶. Над рядами лёгким частоколом вздымались цветные лыжи, торчали рукоятки хоккейных клюшек. А вдаль, на озере, куда открывался отличный вид с трибуны, скользили по льду, взмахивая на поворотах белым парусом, буера.

Воздух искрился. Все исторгало радостный блеск, всё казалось хрустальным под лучами низкого зимнего солнца в этот погожий, крепко схваченный морозом уральский денёк.

В центральной ложе рядом с Ворохтиным, приезжими товарищами из Всесоюзного комитета и корреспондентами я увидел неизменного Ремизкина, который в этот день выглядел ещё более азартным и запарившимся, чем обычно. Он всё время пересаживался с места на место, допытывался и лихорадочно записывал услышанное в блокнотик, припадая к нему чуть ли не носом, щёлкая фотоаппаратом, и вообще проявлял самую неукротимую деятельность.

Чуть ниже ложи целый ряд был занят ребятами из интерната во главе с Таисией Валерьяновной. Башлычки всё время двигались. Ребятам от нетерпения не сиделось на

¹⁴ Боржоми и Бакуриани – излюбленные места горнолыжников на Кавказе.

¹⁵ Уктусские горы на Урале – район, где обычно проводятся состязания лыжников.

¹⁶ Кукисвумчорр – гора близ Хибин.

месте. Бедная Таисия Валерьяновна, то и дело приподнимаясь, возвращала на скамью тех, кто был особенно непоседлив, так и норовя перелезть поближе к снежной дорожке. Я узнал Катюшу, но Сергунка почему-то среди ребят не нашёл.

Ещё ниже, неподалёку от прохода, расположилась семья Скуратовых. Фамилия их была представлена тут целиком: отец, мать, сын Савелий. Не было только самой Наташи, которая уже давно отправилась к месту старта.

Тут же, по соседству, я увидел парикмахера Дрыжика и нашу гороподобную комендантшу тётю Липу.

Я занял своё место у микрофона в небольшой стеклянной будке. Она давала превосходный обзор. Видна была даже часть огромной снежной равнины, куда уходила трасса гонки, отмеченная маленькими треугольными красными флажками. Как обычно, трасса была кольцевой. Отрезок лыжни, на которой должны были происходить соревнования, пролегал между трибунами и конькобежной дорожкой. Здесь, перед центральной ложей, был старт и финиш кольцевой гонки.

Я поставил возле термос с горячим чаем, включил микрофон, и рупоры во всей округе возвестили моим голосом, уже как бы отделившимся от меня и живущим самостоятельно во всём этом обширном морозном пространстве, что начинается большая финальная гонка, которая, по-видимому, решит судьбу хрустального кубка. Теперь, когда все подсчёты были уже уточнены по результатам предварительных состязаний, оказалось, что «Радуга» шла впереди всего лишь на семь очков. На огромном щите, чуточку в стороне от трибун, возле семицветного флажка в графе «Радуги» стояла цифра «310». Лишь на одну графу ниже сверкала эмблема «Маяка» – алая башня, мечущая в обе стороны снопы золотых молниевидных стрел. У «Маяка» было триста три очка. Далее, на третьем месте, находился клуб «Призыв», имевший двести семьдесят очков, и ниже были помечены ещё другие клубы, которые уже вряд ли могли претендовать на первое место и кубок.

Таким образом, сегодняшняя женская гонка на десять километров окончательно решала судьбу личного и командного первенства. Если бы гонку выиграли по сумме времени, перекрывающей по таблице подсчёта разрыв в семь очков, лыжницы «Маяка», они бы завладели кубком, которого были лишены уже три года. В случае победы представительниц «Радуги» зимний кубок остался бы опять у них. Зачёт вёлся командный, по общей сумме, и индивидуальный – для личного первенства. И все понимали, что речь идёт не только о кубке, но и о том, кому быть чемпионкой Советского Союза.

Чудинов, спускаясь с трибун из центральной ложи, подмигнул мне через стекло моей кабины и помахал рукой. Я скрестил над головой сжатые кулаки, вывернутые ладонями вперёд, и потряс ими в ответ. Степан кивнул. Это был наш условный старый знак, означающий пожелание победы.

Между тем лыжницы уже выстраивались на линии старта. Тридцать шесть лучших лыжниц страны. Гонщицы делали последнюю разминку. Кто приседал легоквэ на лыжах, кто подпрыгивал, перебирая ими на снегу, другие, не сгибая ног, резко склонялись вперёд, доставая кончиками пальцев крепления. Зрители сразу увидели среди лыжниц своих любимых, шумно зааплодировали Наташе Скуратовой, Маше Богдановой.

Судья уже поднял в одной руке клетчатый флаг над головой, держа другой рукой его за уголок полотнища.

Алиса, как всегда, явилась на старт самой последней. Это была её обычная манера. Она любила заставить зрителей немного поволноваться. Её узнали на трибунах, зашумели, захлопали. Вот она, чемпионка Советского Союза, непобедимая, уверенная, прославленная!..

А Бабурина, сделав небольшую пробежку на лыжах, с беспокойством нагнулась и несколько раз одной ногой попробовала скольжение. Тюлькин был тут как тут.

– Ты с мазью не ошибся? – озабоченно спросила его на ухо Алиса. – Погоду учёл? Мороз сильный. С Коротковым советовался?

– Будьте уверены, – последовал ответ, – согласовано. Местная секретная. Проверял. Специально для похолодания в здешних условиях. Можешь быть спокойна.

Старт давали раздельный, парами. Судья взмахнул флагом, и тотчас со старта, срываясь с места, унеслась по лыжне первая пара гонщиц. Вот ушла в паре с чемпионкой общества «Призыв» Ириной Балаевой Маша Богданова. Ещё взмах флажка – и заскользила рядом с Авдошиной из Вологды известная гонщица «Радуги» Нина Гвахария из Бакуриани. На этот раз правила жеребьевки были несколько изменены. Жребий определял лишь стартовый номер, по которому пара выходит на старт, а распределение лыжниц по парам делали заранее по собственному выбору сами участники.

И, конечно, было решено пустить в одной паре Наташу и Алису. Это ещё было известно накануне и делало сегодняшнюю гонку особенно волнующей. Им пришлось стартовать в числе последних. Но вот наступила минута, когда по взмаху клетчатого флажка обе соперницы рванулись из-под стартовой арки вперёд.

Под сплошной, все нараставший гул трибун прошли они прямую, вылетели на поворот и, идя почти вровень, канули за виражом, ведущим в снежные просторы.

Трасса, сложная, путаная, была проложена по горам и ложбинам. Она требовала огромной выносливости и специальной сноровки. Пролегая далеко по окрестностям Зимогорска, она образовывала десятикилометровое кольцо, которое замыкалось перед центральной ложей стадиона, где линия старта превращалась в черту финиша.

Всю эту неделю зимогорские и приезжие лыжницы, в том числе, конечно, и Алиса, не раз уже проходили по этой трассе, изучая её особенности. Сейчас на всех этапах дистанции стояли контрольные судьи, следившие за соблюдением правил гонки, контролировавшие движение лыжниц по строго размеченной дистанции. Они сообщали по телефону на стадион, как проходит гонка. Сведения эти немедленно поступали ко мне, в мою стеклянную кабинку, и я мог вести почти непрерывный рассказ о ходе состязаний.

Мне показалось, что Наташа несколько, как говорят, засиделась на старте. Алиса же сразу с места взяла большую скорость и вырвалась вперёд. Уже перед поворотом расстояние между нею и поотставшей Наташей увеличилось заметно для глаза. Мне вообще показалось, что Наташа слишком медленно развивает темп гонки. Она как будто и не спешила. Зрители с трибун понукали её, топали ногами, кричали вслед, что-то советовали. Наташа шла неспешным, пологим и просторным шагом. По сравнению с ней, все резче уходившая вперёд Бабурина казалась куда более подвижной и энергичной.

Тюлькин, поднявшийся на трибуну, уселся неподалёку от моей кабины. Он ёрзал от нетерпения, потирал руки, мотал головой и хихикал в предвкушении торжества, которое неминуемо ожидало его фаворитку. Вот он увидел шедшего по проходу Чудинова. Привстал, доверительно поманил его к себе:

– Ну, Степа, по-честному, за Кого болеешь?

– За тебя.

– Я серьёзно, – обиделся Тюлькин. – По старой привычке за Алису или по новой местной моде за Наташу?

– Больше всего за тебя душой болею, – сказал Чудинов. – Будет тебе сегодня баня, если Алиса проиграет.

Обе лыжницы уже исчезли из поля зрения. С трибун теперь мы могли их увидеть не скоро. Трасса уходила за холм. Оттуда мне вскоре сообщили, что обе лыжницы начали обходить гонщиц, вышедших до них. Бабурина уже обошла двух стартовавших перед ней. Скуратова тоже обошла шедших впереди, однако просвет между нею и соперницей не сокращался. Контроль сообщил мне по телефону с начала второго километра, что на равнине Бабурина даже увеличила просвет. Я сообщил об этом по радио.

– Видишь? – торжествовал Тюлькин. – Говорил тебе, что Алиса всех «привезёт».

– Положим, это не ты, а Карычев сейчас сказал, – отвечал Чудинов.

– Он сказал официально, а я присоединяюсь в частном порядке и советую тебе, пока не поздно. Куда ты?

Чудинов сделал мне какой-то знак и стал быстро сбегать вниз с трибуны, крикнув на ходу Тюлькину:

– Я на дистанцию! Встречу на седьмом километре!

Мне было видно, как он подбежал к аэросаням, ждавшим его у ворот стадиона. На борту аэросаней была укреплена пара гоночных лыж. Чудинов что-то крикнул водителю, махнул рукой. Взревел мотор, разлетелись облака взметённого снега, и аэросани унеслись. Я увидел, как они промчались по склону холма, на котором были расположены трибуны, пересекли снежную ложбину и пропали за леском.

Контроль второго километра сообщил мне, что картина гонки несколько изменилась. Бабурина снизила темп. Она идёт уже с предельным напряжением, и её начинает настигать Скуратова. Судья сказал мне, что Алиса беспокойно оглядывается и то и дело смотрит себе под ноги. Я включил микрофон.

– Внимание! – сообщил я. – Со второго километра сообщили, что первой и здесь прошла Бабурина. Однако она начинает заметно снижать скорость. Видимо, темп оказался ей не под силу. Скуратова начинает дожимать чемпионку Союза.

Такой поднялся рёв на трибунах, что я даже сам не слышал своих слов. Дрыжик ликовал:

– Сейчас она эту москвичку дожмет!

А Тюлькин, слыша это, подмигнул сам себе: «Думает, секрета я его не знаю. У Алисы мазь-то какая, спрашивается?»

Между тем на дистанции гонки разыгрывалась драма. Наташа была уже за спиной Алисы. Она шла своим широким, размашистым шагом, непринуждённо, как бы без всяких усилий, и все настигала, настигала неумолимо, бесповоротно. Тем временем Бабурина почувствовала, что лыжи у неё как будто не идут. На них стал налипать снег. Какое-то странное оцепенение начало находить на неё.

– Лыжню!.. – потребовала Наташа. Алиса, судорожно оглядываясь, делала тщетные усилия, чтобы уйти вперёд.

– Лыжню!.. – властно раздавалось уже над самым ухом её, И Бабурина была вынуждена свернуть немного в сторону, уступая на ходу накатанную лыжню. Наташа обошла её, даже не посмотрев в ту сторону.

Контроль кричал мне по телефону:

– У Тридцать первого номера очень усталый вид. Показывает на лыжи, скольжения нет. Видно, мазь подвела в связи с похолоданием.

Я быстро выключил у себя микрофон, над которым загорелся зелёный сигнал. Затем, кое-что записав для себя, я снова нажал кнопку. Вспыхнул красный сигнал: «Включено», и я объявил по радио, что Скуратова настигла и обошла Бабурина.

Овации сотрясали трибуны.

– У Бабуриной, по-видимому, неполадки с мазью или креплением, – сообщил я.

Тут в радиорубку осторожно, бочком, вошёл Тюлькин. Я тотчас выключил микрофон и предупредил вошедшего

– Ты только тихо. Видишь сигнал? Следи! Если красный – ни звука. Понял?

Тюлькин торопливо закивал и даже зажмурился. Минуту-другую я прислушивался к тому, что мне сообщали через мои наушники с дистанции. Затем я сделал знак Тюлькину и снова включил микрофон.

– С дистанции сообщают, что чемпионка теряет ход. Её начинают обходить уже другие лыжницы... Слышал? – обратился я, выключив микрофон, к Тюлькину. – Алиса-то выходит из игры. Это ты ей лыжи мазал?

Тюлькин в сердцах стукнул кулаком по столу:

– Мне мазь эту сама Скуратова дала, видно, нарочно подсунула. Вот чалдоны, жулье, зимогоры проклятые! Обманули, выходит, а я-то думал, у них тут по-честному...

Он захлопнул рот, зажимая его обеими руками, и в ужасе показал мне глазами на микрофон. Над ним ярко горел красный сигнал «включено». Очевидно, от удара руки Тюлькина о стол микрофон сам включился. Я тотчас нажал на кнопку, вспыхнул зелёный свет, но было уже поздно. Нас слышали. Я увидел, что страшное волнение охватило

трибуны. Люди вскакивали, потрясали кулаками в мою сторону. Старик Скуратов поднялся со своей скамьи.

– Не поверю!—донёсся до меня его голос, когда я, выпроваживая Тюлькина, приоткрыл дверь своей кабины. – Убей меня, однако, не поверю, чтобы Наташа такое допустила. Понапрасну наговаривают.

Как узнал я потом, нас слышали не только на трибунах. Разговор мой с Тюлькиным прозвучал и в радионаушниках, которые надел на себя Чудинов в кабине аэросаней. Он разом схватил за плечо водителя:

– Давай сворачивай. Жми на третий километр... Давай полный газ... Прошу, гони, браток!

Водитель резко увеличил обороты мотора. Взревевшие сани набрали скорость. Стрелка спидометра перед глазами Чудинова, дрожа, дошла до восьмидесяти, потом, поёрзав на месте, дотянулась до девяноста.

Водитель, перегнувшись к Чудинову, сквозь рёв мотора крикнул ему в ухо:

– Там к дистанции не пройдем – перелесок!

– Стой! – приказал Чудинов.

Сани остановились, почти завертевшись на месте. Чудинов спрыгнул, сорвал с борта лыжи. Перед ним простиралась зеркальная гладь замёрзшего озера. У берега парень в толстом стёганом комбинезоне возился возле буера.

– Эй, друг!—крикнул, подбегая к нему, Чудинов. – Как бы быстрее на ту сторону?

Через мгновение он лежал вместе с гонщиком-буеристом на стремглав несущейся ледовой яхте. Ветер, до предела натягнув паруса, рвал с мачты узкий вымпел; из-под огромных и широких, как меч, коньков, казалось, вылетали искры, звенящий шорох скольжения и гром ветра в ушах почти оглушали. И вот буер подлетел к берегу. Чудинов прыгнул на откос, помахал гонщику рукой, благодаря его за помощь, торопливо надел лыжи и пошёл узкой просекой. Он спустился, разгоняя ход, с крутого холма, промчался между деревьями. Буерист смотрел ему вслед, покачивая от восторга головой: да, это был высокий класс горнолыжного хода.

Выскочив из лесочка, Чудинов промчался по косогору. И тут перед ним оказался небольшой овраг. Лыжник сделал крутой разворот, пронёсся, как с трамплина, по воздуху, но, приземлившись, почувствовал острую боль в раненом колене. Он повалился в снег. Страшная ломота свела всю ногу. Всё же он заставил себя встать и двинулся к трассе. Путь ему преградило полотно узкоколейки, которое шло от каменоломен к руднику. Пришлось перебираться осторожно через рельсы. До третьего километра дистанции оставалось ещё порядочное расстояние. Боль в колене становилась почти невыносимой при каждом шаге.

Когда Чудинов, вскарабкавшись на полотно узкоколейки, уже собирался перешагнуть через рельсы, он услышал справа за леском пронзительный свисток. И прямо на него вылетел ярко раскрашенный красно-синий локомотивчик, быстро вытягивавший из-за перелеска хвост из четырёх так же ярко раскрашенных вагончиков. Поезд показался Чудинову неестественно маленьким. Крохотным был этот паровозик, старательно пыхтевший паром. Совсем игрушечными выглядели прытко катившие вагончики – зелёный, красный, жёлтый и голубой. Но казавшийся карликовым пёстрый поезд мчался туда, куда как можно скорее надо было добраться Чудинову. Он замахал руками навстречу, сорвал с себя шапку, стал делать ею знаки, прося остановиться. Паровозик сперва несколько раз коротко свистнул, а потом, как бы обиженно, затормозил. Чудинов, преодолевая боль, бежал навстречу, стуча лыжами по шпалам. Вдруг ему показалось, что он слышит очень знакомый мальчишеский хрипловатый басок. Из окна будки машиниста высовывался Сергунок.

Тут только вспомнил Чудинов, что летом, как он слышал, под Зимогорском открылась детская железная дорога. Зимой она не работала. Но ради праздника её, видно, пустили.

Подбежав к паровозу, он легко заглянул прямо в будку. Там хозяйничал паренёк лет шестнадцати в большой фуражке железнодорожника и подпрыгивая, весь чумазый от угольной пыли, видно выполнявший добровольно обязанности кочегара Сергунок. Чудинов

торопливо попросил, чтобы его подвезли поближе к трассе, а там уж он доберётся сам на лыжах.

Юный машинист был суров, вынужденная остановка нарушала ему весь график. Он покачал головой, но тут все решило вмешательство Сергунка.

– Давай, Семён... Пускай садится, подвезём, – упрашивал он машиниста. – Это же знаешь кто?.. – Он что-то шепнул на ухо машинисту, ткнувшись ему носом в щёку и оставив на ней след угля.

Юный машинист с уважением поглядел на Чудинова.

– Ладно, – разрешил он наконец. – Только с лыжами в вагон нельзя: краску поцарапают. Нам не велят. Вы залазьте тут, я подвезу куда надо.

Чудинов шагнул прямо с земли в низенькую будку локомотива, почувствовав себя великовозрастным второгодником, который втиснулся в маленькую парту. Локомотивчик посопел, шаркнул по снегу паром, дёрнулся и покатил.

Сергунко о чём-то расспрашивал Чудинова, но сунувшись из будки, не слушая, смотрел в сторону приближавшейся трассы. Там, где полотно узкоколейки, сделав полукруг, уходило в сторону стадиона, Чудинов попросил притормозить, соскочил на ходу, поблагодарил машиниста, встал на лыжи и понёсся навстречу вылетевшим из-за группы деревьев лыжницам. Он ещё издали узнал среди них Наташу.

Она шла широким, свободным шагом. Чудинову хорошо был виден издали номер «32» на её груди. Уже не чувствуя в эту минуту боли, он помчался наперерез, сделал, поравнявшись с Наташей, мастерский поворот и пошёл рядом с ней. Девушка словно летела над лыжнёй, так широко и плавно уносил её вперёд каждый взмах руки, каждый толчок палки, сопровождавший широкий посыл лыжи. Она расцвела, заулыбалась, увидев тренера, ожидая ободряющих его слов, тронутая тем, что он встретил её даже раньше, чем обещал, на трассе. Но Чудинов на полном ходу зло бросил ей:

– Что за притирку вы дали вчера Бабуриной?

Продолжая быстро скользить, не сбавляя хода, Наташа крикнула:

– Не притирку, а мазь отцовскую, при вас же.

– А лыжи почему у неё не скользят?

– Это уже ваша забота, а не моя, – возмутилась Наташа, продолжая мчаться рядом.

Он должен был напрягать силы, чтобы не отстать от неё.

– Одной мазью мазали.

– Одной?.. А весь стадион кричит и по радио я слышал, что Скуратова нарочно подсунула Бабуриной...

Наташа яростно застопорила, врезаясь в снег ребром лыжи, разом повернувшись поперёк лыжни.

– Что-о? Подсунула?!

Обе принялись перемазывать очищенные от снега лыжи.

Чудинов тоже стал. Заговорил отрывисто:

– Если нет, я вам верю, перемажьте ей. Вот мой совет. – Он выхватил из кармана секундомер. – Что делать! К чёрту арифметику. Честь дороже. Наверстаете.

За ними всё ближе и ближе прозвучало:

– Лыжню!.. Лыжню!..

Наташу обошли одна за другой две лыжницы «Радуги». Приближалась и Алиса. Наташа и Чудинов, не выдержав, побежали изо всех сил навстречу ей. Алиса шла, с трудом волоча лыжи, на которых уже налипло немало снега. У неё были слёзы на глазах, когда она увидела Наташу и Чудинова.

– Вот... Поверила Тюлькину, а мне нарочно... Наташа почти кинулась на неё, сердито и торопливо стаскивая Алису с лыж.

– Болтаете зря. Перемазывайте быстро! Алиса, уже ничего не понимая, испуганно и недоверчиво уставилась на неё.

– Где я буду перемазывать, чем?

– А вы не разговаривайте много, – распорядилась Наташа. – У меня запасная с собой, по-нашему, по-охотничьему. Ну, быстро!

– Я уж и так из графика вышла, – чуть не всхлипывая, сказала Алиса.
– Сколько мы теряем? – спросила Наташа.
– Пятьдесят две, – сообщил, глядя на секундомер, Чудинов. – Не тратьте вы зря времени, управляйтесь живее.

– Ладно, – проговорила Наташа, уже выдернув из-под Алисы лыжи. – Берите ваши пятьдесят две, только живо. Вы не думайте, я вам уступать не собираюсь. О кубке забочусь, чтобы не проиграть из-за вас. Степан Михайлович, отойдите, прошу, а то скажут, правила нарушаем, вон контролёр смотрит. – Она быстро поскоблила ногтем лыжу Бабуриной, понюхала. – Да они кремом каким-то у вас намазаны. Поняла все... Это Дрыжика крем. Он мне всучил. Тюлькин ваш перепутал или нарочно – думал, хитрю.

Она уже давно вытащила из-за пазухи ладанку, мгновенно отрезала ножичком брусок, чтобы не остыл на ветру, согрела дыханием, сунула полбрусочка в руки Алисы, и обе они принялись, словно наперегонки, перемазывать очищенные от снега лыжи.

– По-охотничьи, – торопливо пояснила Наташа, – как отец учил. Наши так всегда носят, тёплую. Степан Михайлович, вы время-то засекли, время говорите. График весь полетел.

– Давайте, Наташенька, давайте! – торопил Чудинов. – Тридцать секунд... Тридцать пять... Алиса, торопись, кубок трещит... Сорок... Ну, быстрее, быстрее...

Их обходила одна из лыжниц «Маяка». Ничего не понимая, она оглядывалась и даже стала притормаживать.

– Не оглядывайся! – в один голос закричали Наташа и Чудинов.

Секундомер назойливо тикал, гоня мелкими толчками стрелку по кругу.

– Сорок пять... – считал Чудинов, – сорок семь... Копухи вы обе! Марш!

Смазка была закончена. Алиса ловким движением закрепила лыжи на ногах, попробовала скольжение и, словно птица, получившая волю, рванулась вперёд, будто и позабыв про Наташу. Наташа возмущённо обернулась к Чудинову.

– И правильно! – крикнул тренер, толкая её в плечо. – Каждая секунда на счету! Потеряли ведь в сумме свыше полутора минут... Опять засиделась на старте. Марш!

Наташа заскользила по лыжне.

– Вперёд! «Лёссе алле» – дайте хода, как на турнирах говорили.

– Не обойти мне её теперь, – через плечо бросила Наташа.

– Обойдёте! Уж теперь злости-то у вас хватит!

И Наташа унеслась вдогонку за Алисой. Чудинов сделал несколько шагов, чтобы взять разгон и последовать за ними, но вдруг боль, уже нестерпимая, такая, какой он несколько лет не испытывал, словно раскроила ему колено. Со стоном он ничком повалился в снег, вцепившись пальцами в сухожилие под коленом.

ГЛАВА XVIII

Финиш

Обнявшись крепче двух друзей...

М. Ю. Лермонтов¹⁷

Контролёр с дистанции сообщил мне обо всём, что произошло на третьем километре. Он только ничего не сказал о Чудинове, так как тот упал уже за возвышенностью, скрывшей его от судьбы. Я поспешил через микрофон известить всех зрителей, что Скуратова, самоотверженно задержавшись, помогла Бабуриной перемазать лыжи по местному охотничьему способу. Правда, это позволило Гвахарии и Валаевой из «Радуги» обойти обеих лыжниц «Маяка». Теперь у «Радуги» были все шансы отыграть почти уже потерянный

¹⁷ Эпиграфом к главе XVIII взяты строки из поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри».

кубок.

Трудно передать, что происходило на трибунах. Весь стадион кипел. Башлычки так и подпрыгивали над своими местами. Катюша, уткнувшись головой в колени Таисии Валерьяновны, колотилась о них кlobучком, так что кисточка на нём отчаянно металась... Вскоре появился и запыхавшийся, весь в угле, Сергунок.

– Таисия Валерьяновна, тётя Тася, а зачем же она остановилась? Ведь её теперь все перегонят? – сокрушались малыши.

Таисия Валерьяновна старалась приподнять за кончик башлыка голову Катюши, нагнувшись к ней. Успокаивала ребят:

– Что делать, ребятки, нужно было. Дело по совести идёт. Вам этого ещё не понять.

– Нет, понять! – твердил Сергунок. – Это она по чести сделала. Нарочно так поступила, да? Ведь она ещё догонит, да?

Никита Евграфович тёр своей шапкой голову:

– Решила верно, по-нашему. Только бы ещё московскую ей теперь обойти, а то это уж чистое расстройство.

– Нет, Бабурину не обойдёшь, – усомнился Савелий. – Чемпионка же.

Мать и та качала головой:

– Эх, перемудрила Наташенька!

– А ты обожди! – прикрикнул на неё Скуратов. – Обожди гудеть-то!

Выбираясь с трибуны, посрамлённый Тюлькин столкнулся в проходе с Дрыжиком. Парикмахер был заметно обеспокоен.

– А-а, гигиена, – зашипел зло Тюлькин, – мазь-перемазь! На тебе твой крем-брюле! Только людей путаешь, черт! – И он швырнул в сердцах наземь банку, выхваченную из кармана.

Дрыжик с достоинством отстранился:

– Я бы попросил, во-первых, вести себя культурно, а во-вторых, при чём тут мазь? Это же от обмороживания мой состав. Крем особый, для сохранения внешности на случай сильного мороза.

Тюлькин медленно разинул рот. У него не сразу восстановилось дыхание, словно под вздох ударили...

– И вообще, попросил бы, – продолжал Дрыжик и извлёк из кармана перочинный нож. Он открыл его и шагнул к Тюлькину.

Тот поспешно отступил:

– Но-но, легче, ты! В уме, что ли, тронулся?

– Если не ошибаюсь, ваш? – Парикмахер протянул Тюлькину забытый у него ножик. – Весь ржавый дали, штопор в первой же пробке увяз, так и остался. Нате, получите!

Он хотел швырнуть нож наземь, но нечаянно сдвинул лезвие, нож закрылся и, словно рак, ущемил палец парикмахера. Дрыжик запрыгал, тряся рукой. Нож отлетел в сторону.

Как они шли! Километр за километром приближались обе соперницы по огромному кольцу трассы к желанному финишу. Сообщение за сообщением получал я по телефону с этапов лыжни и тотчас передавал через микрофон всем зрителям на стадионе. И сообщения эти ещё больше будоражили болельщиков, ибо уже к седьмому километру Алиса Бабурина и неуклонно шедшая вслед за ней Наташа Скуратова обошли других конкурентов, оставили их позади себя, выправили график, вошли в него, укладываясь пока что в великолепное время. Да, это была головокружительная гонка! Восьмой километр проходил через труднейший участок дистанции. Здесь требовались не только скорость и сила, но и искусное владение техникой горнолыжного хода, умение стремительно брать подъём, миновать препятствия, резко ломая лыжню. Здесь Наташа чувствовала себя хозяйкой. Там, где Алиса сбавляла ход, она шла на полной скорости. На подъёмах, которые Бабуриной приходилось брать максимальным усилием, уральская гонщица вымахивала своим неизменным широким шагом. Она уже почти поравнялась с соперницей. Но последние полтора километра гонки

проходили по равнине. Этот этап был весьма благоприятным для чемпионки. Алиса Бабурина недаром славилась своим ходом по ровной местности. На стадионе уже увидели показавшихся вдали гонщиц. Наташа шла вплотную за Бабуриной. Алиса не уступала. Она отчаянно работала руками, старалась вложить всю силу в каждый толчок палкой. Наташа неумолимо шла за ней по пятам своей упрямой, лёгкой, широкой поступью. Я хорошо их видел обеих в бинокль. Мне хотелось крикнуть навстречу:

«Ну, Наташенька, родная, покажите сейчас свой характер! Даром, что ли, вас Степан гонял! Ну, милая!...»

Я не имел права обнародовать свои симпатии. Я обязан был оставаться беспристрастным. Я рассказывал в микрофон, а голос мой, как неотступное эхо, возвращался ко мне со всех сторон из репродукторов:

– Бабурина начинает свой обычный бурный заключительный спурт¹⁸. Она делает рывок, который не раз приносил ей победу. Но молодая зимогорская лыжница не отстаёт. Феноменальная выносливость и отличная техника!

Я хорошо видел в бинокль, что Наташа идёт уже буквально на плечах у чемпионки. Я видел по движению её губ, что она требует дать ей дорогу.

– Лыжню!..

Но Алиса не уступала. Опытная гонщица, она действовала сейчас очень хитро. Она не позволяла настичь её совсем, как говорится, сесть на лыжи. Тогда надо было бы сворачивать, уступать, иначе это расценивалось бы как грубое нарушение правил и спортивной этики. Нет, она сохраняла разрыв, заставляла Наташу, если той угодно, обойти её по целине и всё время держала соперницу на некотором расстоянии за собой. Сделав свой внезапный, как всегда, излюбленный рывок, столько раз приносивший ей решающую победу, Алиса и на этот раз была уверена, что не ожидавшая этого тактического броска соперница окажется сразу далеко позади. А пока она будет пытаться сама повторить такой же резкий настигающий бросок, чемпионка пересечёт линию финиша.

Низкое зимнее солнце посылало уже по-вечернему косые лучи. Чёткие тени лыжниц, скользившие по равнине, были длинны и синеваты. И тень упрямой зимогорской гонщицы неотступно неслась вслед за чемпионкой. Солнце светило в спину лыжницам. Тень Наташи, опережая её, почти уже доходила до креплений лыж чемпионки, она подползала, упрямо настигая...

Когда Алиса сделала свой знаменитый рывок, Наташа на секунду растерялась. Она не ожидала, что у соперницы, которая казалась уже вымотавшейся, окажется ещё столько сил. Надо отдать справедливость Бабуриной, шла она великолепно. Идя вплотную вслед за ней, Наташа невольно любовалась бурным темпом и самоотверженным рвением, которые проявляла чемпионка. Да, недаром предупреждал её во время тренировок Чудинов. Бабурина была опытной гонщицей и умела отдать все свои силы, вложить всю себя, весь свой темперамент в одно – в скорость.

Пришлось теперь и Наташе выкладывать весь остаток сил. Я это видел хорошо по выражению её лица, не опуская бинокля. Мне известно было по многим рассказам знакомых гонщиков состояние, в котором была сейчас Наташа. Только бы скорее наступил желанный покой, только бы скорее пришло это «потом». Наташа подгоняла, как ей казалось, время, понукала его, что есть силы выгребая палками в потоке мгновений, бурно нёсшихся навстречу ей. Но это было её собственной скоростью, которую она сейчас уже плохо осознавала. Она уже видела себя там, за желанной чертой финиша, за синей тенью от арки на снегу. Она была там всем рвением, всей волей и неистовой жаждой раньше всех достичь финиша. Но её ноги с лыжами, именно ноги с лыжами, были ещё тут, и надо было подтащить их как можно скорее туда и пересечь ими черту, синюю тень на снегу...

На трибунах все встали. Башлычки визжали и подпрыгивали. Доносился отчаянный

¹⁸ Спурт – рывок, резкое кратковременное увеличение скорости движения в спортивных состязаниях.

крик Сергунка. Он яростно топал ногами и подскакивал на месте...

– Ещё, ещё... Тётя Наташа, скорее!

– Ой, Наташенька, девонька, голубушка, уважь напоследок! – причитала мать уже во весь голос.

– Дочка-а! Не срами ты меня. Вытяни маленько. Поднапри, милая!..

Все стояли на трибунах. Громовые валы возгласов, просьб, понуканий и заклятий катились по стадиону. Сергунок вскочил, стуча сжатыми кулачишками по плечам сидевшего впереди болельщика, но тот словно и не чувствовал...

Я видел, что Алиса делает невероятные усилия, чтобы удержать хотя бы небольшой просвет между собой и Наташей. Алиса умела ходить на пределе, и сейчас все её силы, и физические и душевные, были брошены на лыжню, в эти десятки метров, завершающие бег.

И вот тут под оглушающий рёв трибун Наташа непостижимым образом, сильно согнувшись, сделала бросок. Она оттолкнулась и в мощном одновременном упоре обеих палок, почти летя по воздуху, на самых последних метрах поравнялась с чемпионкой, и они лыжа в лыжу, плечом к плечу пронеслись одновременно над чертой финиша.

Кажется, я обо всём этом сказал через микрофон. Я сам себя не слышал, такой рёв стоял вокруг. Обе чемпионки (да, да, они обе теперь были чемпионками страны!) исчезли в толпе окруживших их фоторепортёров, кинооператоров, спортсменов. Сзади суетился, подпрыгивая, чтобы как-нибудь через головы стоявших впереди сфотографировать победительниц, Донат Ремизкин. Оркестр играл туш.

– Внимание! – сказал я в микрофон, выпив целый стакан боржома и вытерев платком взмокший лоб и шею под воротником (досталась и мне эта гонка!). —Внимание! – сказал я. – Итак, финальная лично-командная гонка на десять километров для сильнейших лыжниц окончилась победой двух основных претенденток на первенство: Алисы Бабуриной – общество «Маяк», Москва, и Натальи Скуратовой – «Маяк», Зимогорск. Они обе стали всесоюзными чемпионками, показав великолепное до одной десятой доли секунды сошедшееся у обеих время. Тридцать восемь минут две секунды – превосходный ре» зультат. Неоднократная чемпионка страны Бабурина никогда ещё не показывала такого времени. Ей пришлось напрячь все силы, мобилизовать всю свою изощрённую технику, чтобы выдержать борьбу с молодой, но уже блестяще себя зарекомендовавшей уральской лыжницей Скуратовой, которая прошла всю дистанцию на большой скорости, показав незаурядную технику. На третьем месте оказалась Ирина Валаева, «Радуга», город Киров, четвёртый результат по времени показала Мария Богданова, тоже молодая, но чрезвычайно выросшая лыжница зимогорского «Маяка». Таким образом, хрустальный зимний кубок спартакиады уже обеспечен теперь «Маяку».

Прежде чем победительниц окружила толпа почитателей и корреспондентов, я всё же успел заметить, как Алиса, одновременно с Наташей миновав линию финиша, зашаталась, почти падая ничком... Она так устала, что ей невольно пришлось повиснуть на плече Наташи, иначе она бы не удержалась на ногах. Она была в полном изнеможении. Руки с палками висели ниже колен, у неё не было сил разогнуться. А Наташа, пожирая её взором, в котором сквозь пелену огромной усталости все ещё просвечивал огонь неукротимого спортивного упорства, сама была не в силах оттолкнуть её или отойти.

Они стояли с подламывающимися от усталости коленями, не имея возможности оторваться друг от друга, как это бывает с боксёрами, попавшими на ринге во взаимный клинч. А вокруг цыкали затворы фотоаппаратов, безжалостно били в глаза молниеносные вспышки рефлекторов, и я уже представлял себе, как завтра в газете появятся снимки с короткими подтекстовками, объясняющими, что две чемпионки обнимают друг друга, поздравляя с победой... Потом осторожно, но настойчиво высвободившись из объятий Алисы, Наташа, как всегда прямая и словно неспешная в движениях, прошла мимо аплодирующих трибун, широко и плавно скользя своим просторным, невозмутимым шагом.

– Королева, – сказал кто-то в толпе, любуясь ею.

– Хозяйка, – поправили сзади. – Белой стези хозяйка.

Но где же, где был Чудинов? Тщетно просматривал я ряды трибун и группы сидящих репортёров и спортсменов у финиша – нигде не было Степана. А ведь сейчас наступил тот момент, о котором он, вероятно, давно уже мечтал.

Да, пусть Наташа не обошла Бабурину, но она великодушно помогла ей в тяжёлую минуту и пришла с ней вровень. Она не дала вырваться грозной чемпионке, она поделила с ней славу, победу и звание первой лыжницы страны. Вот они поднимаются вместе, только что бывшие непримиримыми соперницами на лыжне, а сейчас две сестры по славе, две чемпионки – Алиса Бабурина и Наталья Скуратова. Наталья Скуратова и Алиса Бабурина. Они поднимаются на вышку почёта, на которой выведена цифра «1». И гремит музыка, и реет над ними, поднимаясь на мачте, голубое с алой башней, мечущей снопы золотых молниеподобных лучей, знамя «Маяка». Уже несут хрустальный кубок, выигранный теперь у «Радуги». И сам Ворохтин, возвышаясь над толпой, огромный, необычайно величественный сегодня, вручает сверкающий почётный приз Короткову, представителю «Маяка». Наступает последняя минута спартакиады. И радио возвещает на весь стадион, торжественно притихший: «Чемпионкам Советского Союза по лыжам Бабуриной и Скуратовой спустить флаг».

И снова вместе подходят они к высокой красной лакированной мачте и вместе берутся за верёвку. Наташа запрокинула голову и глядит на медленно скользящий вниз алый флаг. А Алиса смотрит хмуро и сосредоточенно прямо перед собой, перебирая руками снасть. И теперь, когда всё кончилось и официальная церемония позади, Алиса стремительно протягивает руку Наташе. Нет, не так торжественно официально, как там, когда стояли на вышке почёта, а порывисто и даже чуточку неуклюже. Она хочет что-то сказать, но у неё бессильно расползаются губы, и, отвернувшись, она внезапно отходит.

А Наташа в это время уже ищет глазами вокруг себя, смотрит на трибуну, на дорожку. К ней подбегают ребята, лезут под руки, прижимаются. Со всех сторон она окружена их башлычками. Подходят отец, мать, проталкивается сквозь толпу Савелий. А она все оглядывается беспокойно и уже рассеянно подставляет щёку матери...

– Товарищи, а где же Степан Михайлович?..

И через пять минут мы мчимся на аэросанях по равнине, где только что разыгрывалась гонка, въезжаем в тот перелесок, который не позволил Чудинову подоспеть на аэросанях к нужному пункту дистанции. Сейчас у нас есть возможность объехать мешавший крутогор с лесочком. Аэросани наши оставляют за собой искрящийся хвост снежной пыли, несутся вдоль лыжни.

Вот и третий километр.

Чудинов сидит на бугре, туго завязывая колено носовым платком. С контрольного пункта из-за холма радио доносит из репродуктора музыку, которую ещё передают со стадиона. Значит, Чудинов уже слышал обо всём:

Водитель резко тормозит аэросани, останавливаясь у края овражка, мешающего подъехать прямо к лыжне. Я выскакиваю на ходу, за мной Наташа, прихватившая доверенный ей Коротковым хрустальный кубок. Вываливается через борт аэросаней, плюхаясь в снег, Сергунок, увязавшийся за нами. Он разом проваливается в глубокий сугроб. Наташа сует кубок в руки оторопевшему Сергунку, чтобы тот подержал пока приз, и бежит к Чудинову. Я обгоняю её.

– Степан! Дорогой! Поздравляю! – кричу я ещё издали. – Новая чемпионка пополам со старой, и кубок дома!

Чудинов делает вид, что его сейчас занимает главным образом боль в ноге.

– Вот, понимаешь, растянулся не вовремя! Но дело сделано. Теперь уж можно и без меня.

Оттолкнув меня в сторону, так что я невольно сел в сугроб, прямо в снег перед Чудиновым бросается на колени Наташа. Я понимаю, что мне тут сейчас, собственно, делать нечего, встаю и отряхиваюсь. А Чудинов смотрит на опустившуюся подле него Наташу. Глаза у неё запавшие, усталые, но такие благодарные!

– Спасибо, Наташа, – просто говорит Чудинов и вдруг неожиданно, порывисто и неловко целует ей руку, которую она положила ему на плечо. И не отпускает, придерживает её кисть своей щекой.

Оба они одновременно бросают взгляд в мою сторону. Но я отряхиваюсь. Мне снег попал за шиворот, мне сейчас не до них. Я им всячески доказываю это, старательно выгребая из-под воротника белые тающие, комочки.

– А вы не сердитесь, что я так и не обошла?

– Наташа, – слышу я голос Чудинова за своей спиной и вычищаю снег из ботинок, – ведь фактически вы же победили. Вы её выручили, это всё понимают. А вы ещё будете так ходить!

– Ну, всё-таки время я могла показать лучшее.

– К чёрту время! К чертям секундомер! Меня сейчас это не интересует... Молодец вы. Спасибо!

– Это вам спасибо, – совсем тихо проговорила Наташа. – Я же знаю, Степан Михайлович, что без вас... Это же вы меня вытащили, вы вернули к жизни...

«Так, – подумал я, – сейчас начнётся».

И действительно, Чудинов быстро сказал:

– Ей-богу же, это недоразумение, Наташа! Право же, это не я вас тогда...

Наташа досадливо перебила его:

– Да не о том я. Не понимаете?... Вы же меня заставили снова поверить в себя, вернули на лыжню.

– Наташа, – ещё тише проговорил Чудинов, – я вам давно хотел кое-что сказать, но решил уж после состязаний...

– Опять что-нибудь насчёт подколенного угла или голеностопного сустава? – озорно спросила Наташа.

– Да ну их к лешему! – воскликнул Чудинов и покосился в мою сторону, а потом махнул рукой. – Нет, Наташа, хватит! Я...

Но тут водитель аэросаней внезапно включил мотор, прогревая, и мажорный неистовый рёв его заглушил всё, о чём говорил Наташе Чудинов. Обернувшись к ним, я видел только бесконечно счастливое лицо девушки. Шёл неслышный для меня разговор, только губы двигались. А глаза у обоих были неподвижны, устремлённые друг на друга.

Водитель несколько поубавил газ. Я почувствовал, что кто-то тянет меня за рукав. Это перебравшийся через сугроб Сергунок попытался обратить на себя моё внимание. Одной рукой в варежке и подбородком он, напыжившись и прижимая к животу, кое-как удерживал тяжёлый, оправленный в серебро хрустальный кубок. На раскрытой, красной от мороза ладони другой его руки я увидел... большую коричневую пуговицу, имеющую форму футбольного мяча с выпуклыми дольками.

– Дядя Карычев, чеперь уже вшѐ можно шкажать? – настойчиво шептал Сергунок сквозь зубы, в которых торчала снятая варежка.

Я быстро прикрыл ладонью его растопыренную пятерню:

– Погоди минутку, Сергунок.

Поддерживая Чудинова, Наташа вела его к аэросаням. Вот они оба уселись. Наташа виновато оглянулась на меня, потому что места в санях теперь для меня уже не оставалось. Я успокоительно помахал рукой. Загрохотали выхлопы, в размытый радужный круг слились лопасти бешено завертевшегося пропеллера. Нас с Сергунком запорошило алмазной пылью.

И они унеслись.

Я принял из рук Сергунка тяжёлую хрустальную чашу в серебре. Им там обоим, на мчавшихся по снежной долине аэросанях, сейчас было уже не до приза...

А Сергунок все протягивал мне на ладони пуговицу.

– Ну чего же, дядя? Ведь теперь можно уже сказать... как мужчина мужчине. Вы же сами обещались... Я же уговор сдержал. Теперь уже всё кончилось?

Я поглядел вслед серебряному вихрю, который уносился к белому горизонту, оглашая

всю округу громом и сея осколки радуг.

– Нет, Сергунок, по-моему, сейчас только все и начинается.

(Конец рукописи Евгения Карычева.)

ЭПИЛОГ

Теперь вы знаете, о чём рассказывал в своей повести Евгений Карычев.

Я увёз его рукопись в своём чемодане, поспешая на Белую Олимпиаду в Италии. По дороге, в вагоне, я ещё раз перечитал её, и оставшиеся в ней неясности ещё более раззадорили меня. Но я не сомневался, что предстоящая встреча с Карычевым рассеет все сомнения...

Вы, вероятно, помните, как проходили в Доломитовых Альпах зимние Международные олимпийские игры, и нет нужды ещё раз подробно рассказывать здесь обо всём, что довелось нам увидеть на безукоризненной ледовой глади горного озера Мизурина, на зеркальном, залитом потоками электрического света поле олимпийского стадиона в Кортина д'Ампеццо, на знаменитом лыжном трамплине «Италия», на крутых склонах Доломитов, где флажки отмечали ворота гигантского слалома, и на лыжне международного Снежного стадиона. Но, как вы понимаете, у меня был свой особый интерес к тому, что разыгрывалось в те памятные дни на белых просторах альпийских заснеженных лугов, над которыми отвесной стеной уходили вверх, к ярко-синему небу, розовые громады Доломитов.

Я с нетерпением ждал событий, которые должны были составить содержание последней, ещё не дописанной главы повести Евгения Карычева.

Как известно, эта зима в Западной Европе была на редкость снежной. Виноградники Италии и Прованса оказались погребёнными под сугробами. Снежный буран гулял по Европе. Когда мы попали в Рим, «вечный город» предстал пред нами таким, каким его никогда не видали и сами итальянцы. Толстый слой снега укутывал пальмы в садах Пинчо и Боргезе на древних холмах. Вьюга свистела в каменных пролётах Колизея и свивалась в метельную воронку, крутившуюся в старинном амфитеатре. Перед собором Святого Петра ватиканские монахи играли в снежки. Призрачные снежинки роились в сумраке Пантеона, проникнув через круглое отверстие в куполе, и таяли на старинных плитах, своей скоротечностью как бы подчёркивая невообразимую долготу веков, память о которых хранили эти стены. Замёрзли венецианские каналы, и дворцы, лишённые отражения, словно осели по пояс в камень набережных. Свирепые белые вихри шатались по дорогам Европы, заметая их. Тысячи машин застревали в заносах, и в газетах, которые я читал по дороге, когда наш поезд часами простаивал на занесённых перегонах, оstriли, что Королева русских снегов явилась на Олимпийские игры, стеля за собой через всю Европу белый шлейф метели...

Королевой русских снегов звали теперь за границей Наталью Скуратову. Мне уже было известно, что после драматического эпизода на трассе в финальной гонке в Зимогорске, когда Скуратова поделила звание всесоюзной чемпионки с Бабуриной, Наташе пришлось защищать, как говорят физкультурники, спортивные цвета нашей Родины на международной лыжне. Она выступала в Норвегии, ездила в Финляндию и везде оказывалась первой. Имя Скуратовой уже за год до Белой Олимпиады стало широко известно в Европе. В газетах её называли Королевой русских снегов, Звездой белого горизонта, Царицей снежных полей, Хозяйкой зимних троп, Владычицей белых долин, Сводной сестрой уральских метелей, Приёмной дочерью сибирских вьюг и Грозной подругой российских буранов.

Как только её не называли в европейской спортивной печати, падкой на пышные обобщения!

Но нам было не до этих роскошных эпитетов. Застревая чуть ли не перед каждой станцией в заносах, мы проклинали увязавшуюся за нами пургу, по милости которой могли опоздать к самым интересным состязаниям. Чем ближе подъезжали мы к центру Белой

Олимпиады, тем сильнее ощущалось, с каким нетерпением ждут на большом Снежном стадионе у Кортина д'Ампеццо гонки лыжниц на десять километров. Во всех газетах, которые попадались нам по пути, видели мы портреты Скуратовой и крупные заголовки, возвещавшие, что Хозяйке снежных Уральских гор предстоит сейчас встретиться с сильнейшими гонщицами мировой лыжни – со знаменитой Марлен Доггерти из Канады, Терезой Гранберг из Австрийского Тироля, Эрной Микулинен – чемпионкой Финляндии и грозной победительницей норвежских снегов Ирмой Гунгред. Участвовала в этой гонке и Алиса Бабурина, целый год не выступавшая на лыжне после розыгрыша кубка в Зимогорске, но недавно снова начавшая тренироваться и показавшая на отборочных соревнованиях в Кирове хорошее время – менее 38 минут.

Пятьдесят лучших лыжниц всего света готовились оспаривать на лыжне, проложенной в Доломитовых Альпах, звание Олимпийской чемпионки и лавровый венок чемпионки мира, так как Международная лыжная федерация объявила, что считает состязания на Белой Олимпиаде одновременно и розыгрышем мирового первенства.

«Гунгред!.. Бабурина!.. Гранберг!.. Скуратова!.. Микулинен!.. – кричали заголовки в газетах, которые расхватывались на станциях пассажирами, спешившими на Олимпиаду. – Микулинен!.. Гунгред!.. Скуратова!..»

Длинные и усыпляющеважкие автобусы-пульманы знаменитой туристской фирмы «ЧИТ», на которые мы были пересажены у пограничной станции, мчали нас по альпийским дорогам в Кортину. За окном мелькали над пропастями рекламные щиты, на которых змеевидные девушки, приподняв юбки до подвязок, демонстрировали преимущество нейлоновых чулок, шестилапый чёрный пёс исторгал пламя из пасти, опившись бензином своей марки, а вездесущая dinnerская фирма «Эссо» возвещала, что она готова обслужить автомобилистов и обеспечить их всем необходимым в любом уголке мира, на любом уровне высоты над морем...

Потом мы промчались под повисшими над шоссе пятью огромными цветными кольцами, сплетёнными в известную эмблему олимпиады. Гирлянды этих колец стали появляться всё чаще и чаще. Уже чувствовалось, что мы близки к своей цели, что совсем уже недалеко до центра Белой Олимпиады. И вот молодой бородатый альпинеро с длинным пером на зелёной шляпе поднял шлагбаум, мы влились в поток автомобилей, устремлявшихся к Кортине со всех дорог, сходящихся тут, и вскоре оказались в самом центре гигантского и весёлого циклона, задувавшего в те дни среди Доломитовых Альп и вовлёкшего в свою головокружительную воронку десятки тысяч людей, влюблённых в спорт.

Едва наши затёкшие от долгого сидения ноги коснулись снега, мы почувствовали, что уже и сами втянуты в этот пёстрый и бесшабашный вихрь.

Нестерпимая белизна альпийских снегов слепила глаза даже через дымчатые очки, которые пришлось немедленно надеть. На тесных нарядных улочках Кортины, между старинной колокольной-кампанилой и жёлтыми, белыми, зелёными отелями шумела, бурлила, смеялась, запевала незнакомые нашему слуху песни, перекликалась на всех языках мира интернациональная толпа. С трудом пробирались в ней, сверкая цветным лаком на солнце, длинные лимузины, из окон которых брехали на прохожих подстриженные и даже словно как бы завитые собаки диковинных пород. В невообразимом смешении красок, где один цвет соперничал по силе с другим, развевались флаги наций, вымпелы, эмблемы спортивных команд, блестели на солнце витрины с сувенирами, многоцветные значки и гербы на прохожих, на машинах. Частоколом стояли воткнутые в сугробы щегольские лакированные лыжи всех оттенков радуги. Газетчики в ярко-красных куртках и жокейских картузиках неумолчно выкликивали название спортивных газет, сообщали последние новости. «Скуратова!.. Гунгред!.. Микулинен!..» – то и дело повторялось в этих выкриках. Пришепётывая шинами на плитах мостовой, с которой лучи альпийского солнца свели снег, катили автомобили. Весёлый стоязыкавый говор звучал на улицах. Плыл в вышине над городком и отдавался в ущельях неспешный, как бы чуждый всем закипавшим тут страстям

звон колокола. И прямо над головой у нас отвесно уходили в синее, не по-зимнему яркое, густо-синее итальянское небо розовые кручи и скалы Доломитовых Альп. Три цвета – слепящая белизна альпийских лугов, багрово-розовая стена Доломитов, вставшая над ними, как окаменевшее зарево, и простирающаяся над всем этим неистовая синева южного неба царили в этом удивительном крае. И весь он в миниатюре, но со всеми своими красками, тысячекратно повторялся, изображённый в нагрудных олимпийских значках, горевших на людях, которые окружили нас возле автобусов.

Все здесь были, как видно, заражены забавным поветрием – все весело обменивались нагрудными значками. И едва мы вышли из автобусов, как подбежавшие к нам юноши, девушки и далеко уже не молодые люди бесцеремонно принялись теребить нас за лацканы и отвороты и тут же жестами начали объяснять, что они готовы вступить с нами в меновые отношения. Дело пошло очень ходко. Видимо, советские значки были тут в цене. Мы едва успевали откалывать, отвинчивать, снимать с себя прикреплённые ещё в Москве значки «Интуриста», эмблемы Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, юбилейные жетоны Московского университета и даже новогодние ёлочные значки Центрального Дома работников искусств... А взамен на нас навинчивали маленькие металлические флажки, веночки, гербы, привезённые сюда из Новой Зеландии, Рейкьявика, Кейптауна и Ньюфаундленда...

Сильное, высоко стоящее над грядой Доломитов альпийское солнце ощутимо грело щеки, несмотря на мороз. Сладко было дышать прозрачным высокогорным воздухом; бодрящая, азартная атмосфера молодой дружбы и рыцарского соперничества сразу же охватила и нас.

Но надо было спешить. Факел со священным огнём опередил нас, и, пока мы пробивались сквозь заносы, огонь, доставленный на военном корабле из Греции в Италию, пронесённый через Рим, проплывший каналами Венеции, поднятый на перевалы альпийскими стрелками и спустившийся в торжественный день открытия спортивных игр в Кортину, промчался в руках лыжников по улицам городка, был подхвачен конькобежцем на ледовой дорожке Олимпийского стадиона и уже несколько дней днём и ночью горел в высокой, плоской чаше светильника, высоко поднятой над стадионом.

Уже состоялись первые встречи хоккеистов, проведены были на склонах Тофаны состязания по гигантскому слалому, уже передавалась из уст в уста весть о победе наших конькобежцев на дорожке озера Мизурина в горах, и на центральной площади Кортины появились первые алые флажки на Доске почёта... Но гонки лыжниц ещё не проводились, и все с нетерпением ждали встречи Королевы русских снегов со знаменитыми гонщицами Европы и Америки. И обступившие нас возле автобусов спортсмены, болельщики, все в ярких джемперах, узких лыжных цветных брюках, сейчас же ввязались в горячий спор с нами о результате предстоящей гонки. И опять зазвучали вокруг нас имена Гунгред, Скуратовой, Микулинен.

Мне необходимо было ещё до гонки встретиться с Карычевым. Но группа туристов, с которой я прибыл в Италию, расположилась в нескольких десятках километров от центра олимпиады, в горном посёлке Доббиако, а спортивной делегации Советского Союза был предоставлен в качестве постоянной резиденции высокогорный отель «Тре Кроче», что в переводе на русский язык обозначает «Три Креста». И те, кто уже успел посмотреть выступления наших конькобежцев и хоккеистов в Кортина д'Ампеццо, сейчас же поделились с нами ставшей тут популярной остротой, что русские мчатся на гонках и ведут атаки ворот противника на высших кавалерийских скоростях – аллюр «три креста»... А я невольно вспомнил, что в повести Карычева старик Скуратов ставил три креста на особой, заветной семейной мази, которой он оснастил дочку на финальных гонках спартакиады.

Кстати, как я узнал в тот же день, разговор о русских таинственных и колдовских мазях уже давно волновал олимпийских болельщиков. Здесь прослышали о драматической истории, которая случилась на прошлогодних гонках в Зимогорске. Едва мы прибыли на олимпиаду, нам все уши прожужжали ею. В газетах, так и сяк переиначивая, не скупясь на

краски, рассказывали об этом эпизоде. в биографии обеих советских чемпионки. Промелькнули в печати сообщения, что в Европе и Америке изобретены какие-то новые удивительные мази, дающие неслыханное скольжение. Нам показывали даже рекламные проспекты, прославлявшие эти новинки. И всё же разговоры о секретах уральских лыжников не затихали в Кортине. Какая-то правая, реакционная газетка сообщила даже, будто русские столь бдительно охраняют тайны своих мазей, что горные дороги, ведущие к отелю «Тре Кроче», патрулируются особыми отрядами коммунистов... Но мало кто верил этому вранью, и целые дни в отель, где жили советские спортсмены, наведывались лыжники и тренеры разных команд.

Я тоже побывал там в надежде встретиться с Карычевым, но, конечно, не застал его дома. Вообще он был неуловим. Мне говорили в «Тре Кроче», что он отправился на Большой трамплин. Я искал его там, но оказывалось, что он перебрался уже на Снежный стадион. Попав туда, я узнавал, что Карычев помчался смотреть состязание по бобслею. Я спешил к ледяному жёлобу, где с грохотом пролетали санки, управляемые гонщиками в пробковых шлемах, но здесь мне сообщали, что Карычев сейчас уже на Олимпийском стадионе, на поле которого выступали наши хоккеисты.

Словом, я смог увидеть Карычева лишь в памятное утро десятикилометровой лыжной гонки.

О-о, это был действительно Большой День!

С самого раннего утра к Снежному стадиону уже спешили тысячи лыжников-любителей. Все они, молодые и старые, вне зависимости от пола, возраста, национальной принадлежности и мировоззрения, обгоняя друг друга, объятые единой страстью, катили к стадиону. Студенты, финансисты, киноактрисы, католики, республиканцы, правые и левые социалисты, ковбои из Оклахомы, норвежские моряки, австралийские овцеводы, международные ловеласы и старые девы – все решительно были облачены в узкие лыжные брючки, заправленные в толстые ботинки, и в пёстрые куртки с лёгкими капюшонами. И все они скользили на красных, синих, жёлтых, полосатых лыжах вдоль трассы гонки. Многие располагались на разных этапах дистанции, чтобы наблюдать поближе борьбу на лыжне и не платить за вход на стадион, так как администрация в этот день загнула ошеломляющие цены на билеты...

Мы с трудом пробрались на нашем автобусе к стадиону. По дороге нас не раз надолго затирали густые колонны автомашин. Отливая цветным лаком, сверкая выпуклым плексигласом и хромированными частями, неслись к стадиону машины всех марок – на крыше у каждой было укреплено по несколько пар лыж. И машины напоминали мне этим наши знаменитые миномёты «катюши».

Катили переполненные автобусы, красные, жёлтые и ярко-зелёные. Сверху, на крышах, и сзади, на багажных решётках, сидели люди в спортивных куртках и, конечно, с лыжами в руках.

– Австрия едет! – объяснил мне один из наших спутников, тоже лыжник.

В толстых чулках, с зелёными пёрышками на шляпах скользили с гор прибывшие специально на сегодняшнее состязание тирольцы. Мчались на «джипах» румяные плечистые парни в полупальто из белого пухлого драпа с красными гусарскими шнурами и бранденбурами на деревянных пуговицах-бирюльках, в алых шапках из искусственного нейлонового меха.

– Америка двинулась, – поспешил сообщить мне мой осведомлённый сосед.

Размахивая полосатыми жезлами и клетчатыми флажками, с трудом регулируя kloкочущий поток машин, пропуская через шоссе целые колонны лыжников, распоряжались на дорогах взмокшие, охрипшие альпинеры – альпийские стрелки... К началу гонки трибуны Снежного стадиона были плотно заняты зрителями. Нас провели на Центральную трибуну, очевидно предназначенную для почётных гостей. Слева и справа от нас протянулись скамьи с самыми дорогими местами. Здесь была совсем особая публика, обитатели фешенебельного отеля «Маримонте-Мажестик», румяные, вислощекie джентльмены, жевавшие длинные

сигары, седоватые сухопарые дамы с клетчатыми пледами на коленях, в тёмных, цвета желчи очках и длинноногие, коротко стриженные девушки, очень похожие на тех, что были изображены на дорожных щитах, прославляющих нейлоновые чулки. Они беспрерывно щёлками фотоаппаратами и жужжали маленькими кинокамерами. Дамы постарше в ожидании начала гонок подставляли солнцу, едва лишь оно проглядывало сквозь облака, свои жёлтые щеки и занимались вязаньем. Тонкие спицы посверкивали в их пальцах, но вязали дамы что-то до такой степени лёгкое, эфемерное и почти невидимое, что я невольно вспомнил о работе портных из знаменитой сказки Андерсена про голого короля.

Мужчины были заняты представительством: они церемонно раскланивались, причём делали это в самой разнообразной манере. Вот один толстяк, подвижной и общительный, пропуская даму, коротко при каждом поклоне приподнимал шляпу по несколько раз, поблистав на солнце лысиной, будто просемафорив свой привет. Другой, тощий, очень высокий и такой тонконогий, словно он стоял на штативе, медленно отводил шляпу в сторону, держал её в некотором отдалении, как бы считая при этом про себя, и быстро затем надевал её на склонённую плешь, как делает фотограф-пушкарь, приоткрывая «с выдержкой» объектив старомодного аппарата. Третий, обнажив голову, кивал ею несколько раз, склонив набок, и затем вдевал её с виска в шляпу, которую держал полями перпендикулярно к плечу...

Ниже, под центральными местами, и сзади над нами на верхних трибунах шумели, спорили, перекликались болельщики: Уже знакомая триада «Гунгред... Микулинен... Скуратов...» слышалась оттуда.

Флаги тридцати двух наций, участвовавших в Белой Олимпиаде, развевались над Снежным стадионом.

В ложах прессы наперебой стрекотали пишущие машинки, чуточку в стороне слышалось приглушённое бормотание радиокомментаторов, склонившихся над маленькими микрофонами. Комментаторы держали микрофон возле рта шепотью, и издали казалось, что они, что-то урча себе под нос, посасывают мороженое «эскимо»...

И тут я наконец увидел Карычева. Он тоже заметил меня, вскочил за барьером журналистской ложи, перегнулся через него, радостно помахал рукой, а потом показал на своё горло.

– О-о, наконец-то! – сипло крикнул он мне. – А я уж тебе звонил в Доббиако. Надо же нам с тобой потолковать, в конце концов... Понимаешь...

Он совсем захрипел, мотая головой, прокашливаясь.

Я хотел что-то сказать ему, но он заторопился:

– Прости, после поговорим... Слышишь, какой у меня бас профундо? Сорвал, понимаешь, глотку: очень уж вчера болел за наших, когда они американцам в хоккей насажали.

Перескочив через барьер ложи, он быстро спустился туда, где под сенью тридцати двух флагов, бившихся в морозном ветре, уже делали последнюю разминку, пробовали на снегу лыжи выходившие на старт лыжницы.

Я видел, как Карычев подбежал к стройной плечистой девушке, у которой был номер «38». Заглянув в программку, я мог убедиться, что именно под этим номером и идёт «Наталья Скуратова (СССР)».

Я попытался разглядеть её через бинокль. Миловидное чистое лицо её с упрямым, несколько припухшим ртом и ребячливо выпяченными губами дышало здоровьем и каким-то собранным, не показным и даже немного сердитым спокойствием. Огромные, словно настежь распахнутые серые глаза под длинными загибающимися вверх ресницами, на которых оседали пушинки снега, были внимательны и излучали строгий, ровный свет. Не чувствовалось, по крайней мере издали, что она волнуется... Только кончики длинных бровей, слегка приподнятые у виска, нет-нет да подрагивали.

К ней подошёл высокий, спортивной выправки человек в голубом полупальто с белыми буквами «СССР» на груди и пыжиковой шапке. Это была форма спортивной команды СССР.

Он едва заметно прихрамывал, но двигался уверенно и чётко. Подойдя к Скуратовой, он что-то сказал ей, положив руку на плечо с той властной и целомудренной простотой, которая так характерна для отношений, обычно устанавливающихся у нас между прославленными спортсменками и их требовательными воспитателями-тренерами. Скуратова быстро обернулась к нему всем зардевшимся и как будто ещё более похорошевшим лицом и словно обдала его блеском разом подобревших серых глаз. И я хорошо видел через свой сильный бинокль, как она незаметно, украдкой потёрлась упрямым подбородком о его руку, лежавшую у неё на плече.

Я давно уже узнал в подошедшем Степана Чудинова, портреты которого встречал в спортивных журналах. Что-то сказав подошедшему Карычеву, покивав ему, Чудинов, быстро присев на корточки, осмотрел крепление на Ната-шиных лыжах, заставил её проверить скольжение и отошёл в сторону.

И началась гонка.

Старт давали раздельный, не парами, как тогда, на спартакиаде в Зимогорске, а для каждой лыжницы особо, с интервалами в полминуты. Взлетал над головой толстого голландца-судьи клетчатый, в шахматных квадратах флаг, и очередная гонщица уносилась по трассе мимо трибун. И по мановению судейского флажка стадион каждый раз взрывался рёвом, гулом, топотом. Нестройные хоровые приветствия ещё долго сопровождали лыжницу, умчавшуюся вдаль. Это норвежцы, австрийцы, итальянцы, финны подбадривали своих лыжниц, бравших старт.

И вот в тридцать восьмой раз взлетел шахматный флажок, и гонку начала вышедшая на дистанцию Наталья Скуратова.

Её появления давно ждали на трибунах. Тысячи голосов приветствовали знаменитую советскую гонщицу. Она шла, сосредоточенно набирая скорость, своим широким и сильным шагом. Я не специалист по лыжам, и сам бы Карычев смог написать об этом гораздо лучше, но и мне было видно, как послушно скользят эти узкие лыжи, как все быстрее и увереннее движется мимо трибун ладная фигура лыжницы. Она не убыстряла ритма своих движений, а тем не менее скорость нарастала заметно для глаз. Она как бы раскатывала себя. Это был классический двух-шажный попеременный ход, которому научил её Чудинов. Во весь размах шага скользили послушные ей лыжи. На всю длину руки отводимые назад палки давали мощный поступательный толчок.

– Какой ход! Какой ход! – шептали знатоки.

– Вперёд! Вперёд, Наташа!.. Давай, Скуратова!.. Пошла... Пошла! Даёшь!.. – доносилось с трибун, где голубели спортивные пальто и виднелись пыжиковые шапки нашей команды. – На-та-ша!.. На!.. Та!.. Ша!.. – скандировали болельщики.

А гонщица, то исчезая в низинах, то взлетая на крутизну белых холмов, уносилась всё дальше и дальше от стадиона. Вскоре она потерялась в мутноватом пространстве, которое закрыла завеса медленно опускавшегося снега, редкого, но крупного.

Вообще погода доставила и на этот раз немало волнений участникам гонки и зрителям.

Вчера было очень морозно. И, как мне рассказал впоследствии Карычев, Наташа, посоветовавшись с Чудиновым, остановилась на одной из мазей, изготовленных дома отцом. Наташа упрямо верила в чудодейственные возможности этих охотничьих фамильных составов. Но к утру погода резко изменилась. Тяжёлый войлок низких туч, разматываясь, сползал с альпийских склонов. Потеплело. Воздух стал влажным, замутился. Поверхность снега оттаивала, слёживалась. Лыжи со вчерашней мазью проскальзывали, отдавали назад, лишались упора. Пришлось перед самой гонкой перемазывать. А тут ещё пошёл липкий снег. Все это очень затрудняло гонку и вселяло тревогу в сердца болельщиков.

Дистанция гонки была проложена в виде десятикилометровой восьмёрки, таким образом, что после первых пяти километров, образующих начальный круг, она возвращала лыжниц снова к трибунам. И зрители могли в середине состязания наблюдать непосредственно своими глазами борьбу на лыжне, не довольствуясь только сообщениями по радио.

Кроме того, на исполинском щите, высотой в добрый пятиэтажный дом, всё время передвигались на чёрном пространстве огромные белые номера гонщиц и цифры, показывающие результаты каждой лыжницы на пройденном этапе. Благодаря этому борьба в первой десятке гонщиц, то есть среди наиболее сильных, обошедших по времени других соперниц, разыгрывалась наглядно и на самом стадионе.

Волнение на трибунах нарастало с каждой минутой. Уже взяли старт последние номера. Уже одна четверть дистанции была пройдена основной группой лыжниц. Все смотрели на большой чёрный демонстрационный щит, где появились номера десяти лыжниц, показавших пока лучшее время.

Но номера «38», номера Скуратовой, не было среди них...

Наши болельщики были в смятении. Я видел, что Карычев выскочил и побежал туда, где сидели судьи.

Однако в этот момент произошло что-то непонятное. На чёрном щите, отодвигая вправо все другие номера, впереди, на первом месте, появился номер «38».

Стадион загудел тревожно и насторожённо. Все переглядывались, ничего ещё не понимая. Потом что-то звякнуло в радиорупорах. Все мгновенно замолкли, и в наступившей тишине радио трижды, на трёх языках, от имени судей принесло зрителям извинение по поводу допущенной ошибки. Оказывается, с дистанции сообщили почему-то неправильно время, показанное на первой четверти гонки Натальей Скуратовой¹⁹...

И тут же стадион взволнованно зарокотал, увидев приближающуюся теперь уже с другой стороны, мелькающую за соснами фигурку лыжницы с номером «38» на груди. Вот она вылетела на крутой склон, убыстряя и без того ураганный ход энергичными действиями рук и палок, стремглав скатилась на прямую, ведущую к трибунам.

Все ахнули, ибо Скуратова уже обошла не менее двенадцати своих предшественниц, стартовавших до неё. А среди них было немало прославленных международных, гонщиц. Правда, тут же показалась у трибун маленькая коренастая фигурка Микулинен, которая стартовала под номером «36». Она тоже обошла многих своих предшественниц и, мчась в своей привычной низкой стойке, как бы настигала Скуратову.

Лыжницы проносились одна за другой мимо трибун, на которых не затихал чудовищный гомон, и устремлялись на второе пятикилометровое кольцо восьмёрки. Прошла, значительно опередив других, бросив за собой многих шедших под меньшими номерами, Гунгред. Промчалась и Алиса Бабурина. Она шла с отличным временем. Ей удалось обойти уже семь своих предшественниц. Глядя на её гибкую, нервную фигурку, уносившуюся вдаль, невольно любуясь её стремительным ходом, я, признаться, подумал даже, что зря, пожалуй, придирался к ней Чудинов...

На стадионах затихло. Тикали лихорадочно секундомеры в руках у болельщиков и судей. Двигались стрелки на огромных демонстрационных часах. На Большом щите смещались белые скользящие цифры. Они уже показывали время, которое понадобилось лучшим десяти гонщицам для того, чтобы пройти первые пять километров.

Там теперь уверенно стоял в первом квадрате номер «38» и под ним белела цифра «17». Это был результат Скуратовой. За 17 минут прошла она половину дистанции. Самая грозная её конкурентка, Микулинен, показывала 17 минут 25 секунд. Значит, были все основания надеяться, что Наташа будет победительницей. Ведь, в сущности, полдела было уже сделано. Половина дистанции пройдена, и Скуратова пока что имела лучший результат.

Но делать выводы было ещё преждевременно... Внезапно на щите поползли вправо все цифры, уступая первый квадрат номеру «44». В чём дело? Что случилось?.. Это был номер Бабуриной. Да, оказывается, именно она, как теперь выяснилось, показала самое лучшее время на первой половине гонки – 16 минут 46 секунд. Стадион то гремел овациями, то

¹⁹ Такая же странная «ошибка» была допущена информаторами на Олимпийских играх 1956 года по отношению к известной советской лыжнице – чемпионке мира Любови Козыревой.

замирал стихая.

Мы так волновались всё, что не заметили даже, как уже давно разошлись облака и небо над нами просквозило всей своей пронзительной южной, итальянской синевой. Над белыми альпийскими склонами в воздухе, вернувшем свою прежнюю прозрачность, заалели рыжие отвесные пики Доломитов, залитые прорвавшимся солнцем. И всё наполнилось вокруг праздничной пестротой красок, цветных костюмов, национальных флагов, рекламных щитов. Все как будто готовилось встретить победительницу во всём торжественном сиянии славы.

Но лыжницы, ведущие свою гонку в этом пёстром, дышащем всеми надеждами мира пространстве, почувствовали, как ухудшается катастрофически скольжение лыж. Профанам это было невдомёк. Но знатоки понимали, что погода может сейчас спутать все карты на лыжне.

Вот тогда Наташа Скуратова и сделала то, о чём потом долго ещё писала вся международная спортивная печать. Она остановилась, чтобы заново перемазать лыжи по охотничьему способу, как её учил отец, чью ладанку с запасной мазью она прятала на груди под курткой.

Когда весть об этом дошла по радио до трибун, поднялся неистовый шум. Стадион был потрясён. Решиться хотя бы на кратчайшую остановку во время такой гонки, когда по пятам настигают грозные конкурентки, могла лишь лыжница, очень уверенная в себе, владеющая ещё огромным запасом сил.

Королева русских снегов сделала рискованный ход! Вот на демонстрационном щите номер её – «38» – передвинулся на третье место, уступив первые два Бабуриной и Микулинен. Вот опять произошла передвижка на щите, и Скуратова оказалась уже лишь на четвёртом месте... Вперёд вышли Микулинен, Гунгред и немножко отставшая от них Бабурина.

Я разыскал глазами в ложе прессы Карычева. Он сидел бледный, вцепившись одной рукой в барьер, вперив мрачные глаза вдаль, откуда должны были уже довольно скоро появиться лыжницы.

Стадион молчал. Напряжённая тишина длилась, казалось, очень долго. Высились над нами равнодушные ко всему шафрановые громады Доломитов с острыми фиолетовыми тенями в расщелинах. И почти неподвижно висел над снежной долиной, где проходила трасса гонки, похожий на алого кузнечика вертолёт наблюдателей. Потом он вдруг взвился резко и, жужжа, поплыл к флагам стадиона.

Радио на трёх языках известило, что передовые гонщицы выходят на последний спуск.

Мимо трибун уже прошли несколько лыжниц, первыми начавшие сегодняшнюю гонку. Они были не в счёт. По времени они уже не могли соперничать с группой претендовавших на первое место. Прошла минута, другая, и мы увидели вдали основных конкуренток. Впереди шла неоднократная чемпионка мира Микулинен, за ней, слегка поотстав, брала подъем Бабурина. Неподалёку от Алисы виднелась Гунгред. Лыжницы заметно сбавили темп. Тяжёлый снег задерживал скольжение.

Скуратовой не было видно.

И сразу вдруг все вокруг нас задвигалось, заговорило, загудело. Там, вдали, появилась быстро двигавшаяся фигурка, которая приближалась к подъёму. Внезапно переменив широкий скользящий шаг на короткий, пружинистый бег, она с поразительной лёгкостью одолела крутой подъём. Тотчас же у всех на глазах она стала настигать трёх шедших впереди лыжниц, по-видимому уже утомлённых тяжёлым подъёмом, который они взяли, тщётно пытаясь, как говорят лыжники, накатиться.

А дальше начинался крутой спуск с поворотом, настолько крутой, что шедшие впереди гонщицы из осторожности сбавили ход и шли, как говорят лыжники, «плугом»: они приседали, для устойчивости слегка разводя задки лыж углом, чтобы сохранить равновесие и избежать падения, вполне возможного на такой крутизне.

Теперь уже хорошо было видно через бинокль, как лыжница под номером «38» не только не сбавляет хода, но идёт бесстрашно по этому крутому спуску, словно по равнине,

на полной скорости. В головокружительном скольжении вылетев с поворота на последнюю прямую, она стала обходить Гунгред.

Микулинен мчалась уже мимо трибун.

Вот она оказалась уже за спиной Бабуриной.

Только грозная Микулинен была ещё впереди и казалась недосягаемой.

– Ура!.. Ура!.. Скура...това!.. – кричали вокруг нас со всеми интонациями, которые возможны в языках, которыми изъясняется человечество. – Ура! Ура!.. Скура... това!..

Микулинен, напрягая все оставшиеся силы, одновременно отталкиваясь обеими палками, судорожно дыша полуоткрытым ртом, мчалась уже мимо трибун, когда на последних десятках метров её настигла Скуратова и недалеко от линии финиша на пол-лыжи обошла.

Валясь от страшного утомления, но все ещё прядая вперёд, она почти упала на руки подоспевшего Чудинова, припав виском к его плечу. Он бережно отвёл её в сторону от лыжни, и она лишь через минуту, устало подняв голову, заглянула ему снизу в лицо.

В азарте мы и не учли, что Скуратовой, собственно, не нужен был этот последний

рывок. Она же вышла на два номера позже Микулинен, и, значит, судьба гонки решилась уже за несколько минут до того, как лыжницы показались на дорожке у трибун. Но, должно быть, и Наташе было не до рассуждений у финиша... В великолепное время, которого ещё никто не показывал на лыжне в Италии, прошла десятикилометровую олимпийскую дистанцию Наташа Скуратова – 36 минут 10 секунд.

Я видел, как с трибун, перепрыгивая через ряды, мчался Карычев. Толпа окружила победительницу. Сотни вспышек фотоаппаратов замигали вокруг Наташи. И я сам уже не мог пробиться туда.

* * *

А вечером на Центральном олимпийском стадионе, деревянные, полированные под цвет карельской берёзы трибуны которого были заполнены интернациональной публикой, восемь герольдов в шляпах с перьями, в цветных камзолах, в зелёных плащах на алой подкладке поднялись на возвышение и протрубили в свои трубы. Началась так называемая «церемония официала протоколяра».

Лучи прожекторов скрестились на пьедестале почёта, за которым в высоко поднятой плоской чаше светильника пылал уже одиннадцать дней не угасавший священный олимпийский огонь. На высокой мачте взвилось алое знамя. Ветер величаво стекал с его складок, в которых трепетала пятиконечная звезда над скрещёнными изображениями молота и серпа. Зрители на трибунах встали, обнажая головы, услышав загремевшие над стадионом мерные аккорды Государственного гимна СССР. Поднявшийся на возвышение перед светильником президент Олимпийского комитета под овации многих тысяч самых азартных представителей благородного всесветного племени болельщиков вручил Наталье Скуратовой – СССР – Большую золотую медаль олимпийской чемпионки, которая покоилась в изящном футляре с бархатной подкладкой. И снова весь стадион, сливая в дружном восторге свои чувства, стал скандировать ставшее с сегодняшнего утра модным в Кортине:

– Ура!.. Ура!.. Скура-това!

В тот же вечер в отеле «Тре Кроче» на Наташу был надет лавровый венок чемпионки мира, и прибывшие в отель представители Международной лыжной федерации торжественно объявили, что Наталья Скуратова ныне провозглашена Белой королевой на весь год.

– Хороша Наташа, а главное – наша! – пошутил кто-то из спортсменов, заполнявших в этот торжественный момент зал отеля «Тре Кроче».

Здесь наконец я смог поговорить с Карычевым, который увёл меня к себе в номер, как только закончился церемониал.

– Ну, вот и всё! Теперь можно кончать повесть. – И Карычев сладко потянулся.

– Послушай, – сказал я, разворачивая рукопись перед её автором. – Все это, понимаешь, довольно занятно. Но ты многое не договорил, есть какие-то непростительные умолчания. Например, вся эта история со спасением. Ведь читателю интересно же знать, как там дальше происходило. Узнала ли Наташа, кто её спас, в конце концов?

– Так ведь не это же главное в повести, – возразил Карычев. – Это я просто так рассказал, как в жизни произошло.

– Однако ты об этом всё-таки пишешь в повести.

– Я пишу все, как было. Я ведь журналист, а не писатель. А вообще, если это мешает, можно всю ту историю выкинуть, повесть ведь совсем не про это... Мне казалось, что характер Чудинова дан довольно ясно. Будет он тебе признаваться!

– Да, – согласился я, – характер Чудинова мне ясен, и уж он, во всяком случае, не станет присваивать чужие подвиги себе.

– То есть? – насторожился Карычев.

– Ну, вот что, – не выдержал я. – Вот что, дорогой мой друг, хочешь, я тебе помогу закончить повесть и скажу, как это было в жизни?

– Ну, валяй, валяй... интересно! – подзадоривал меня Карычев.

– Так вот, – продолжал я. – Это, милый мой, ты тогда их во время бурана вытащил.

Карычев посмотрел на меня ошарашенно.

– Поздравляю!.. – буркнул он. – Блестящее открытие! Новый Шерлок Холмс. Интересно, как это ты додумался?

– Да, да. Не финти, пожалуйста. Ты в тот вечер прилетел в Зимогорск, застрял из-за бурана на аэродроме, верно? И, конечно, услышав, что стряслась такая история с девушкой и ребёнком, ты немедленно полез туда в самую пургу. Я ведь, дорогой мой, тоже знаю немного твой характер... Так, значит, пошёл на поиски, и тебе посчастливилось первому набрести на них. Понятно? Затем, когда ты узнал, что в поисках участвовал Чудинов, ты, всю жизнь мучавшийся тем, что обязан ему своим спасением на Карельском перешейке, решил не открываться тоже. Скромность Чудинова тебе давно не давала спокойно спать. И, кроме того, тебе ведь очень хотелось свести поближе своего друга с Наташей, а тут такая романтическая почва для сближения!.. И действовал, конечно, ты чрезвычайно благородно, тем более, что, честно говоря, Наташа тебе ведь тоже самому нравилась. Верно?

– Психолог! – угрюмо проворчал Карычев.

Я безжалостно продолжал:

– Ну что, дальше идти или хватит?

– Валяй, валяй, погляжу, куда тебя занесёт, – усмехнулся Карычев.

– Так вот... Ты вернулся в номер гостиницы раньше задержавшегося Чудинова.

– Ну, допустим, – вызывающе бросил мне Карычев. – А куртка? А пуговица?

– Ну, это уже пустяки. Не стоит большого труда догадаться. Увидев твою куртку на стуле в номере, Чудинов, конечно, принял её за свою. (Ведь я же помню, что в самом начале твоей повести ты говорил о снимке, где вы оба изображены в одинаковых заграничных куртках.) А когда Чудинов заснул, ты ночью подменил куртку, а для вящей убедительности сам оторвал у Чудинова пуговицу. Кстати, именно эту пуговицу ты после и вернул хозяину. Потому у Сергунка и оказалась после гонки та твоя пуговица, что досталась ему во время бурана. Она-то и заставила в конце концов заподозрить тебя. И таинственная маска на карнавале – это, конечно, тоже ты. Уж это, откровенно говоря, грубая работа. Ну что, припёр?

Карычев невозмутимо и иронически слушал меня, а потом сказал:

– Всё это было бы убедительно, но... Но про одно обстоятельство ты забыл. И сейчас я одним махом разрушу все твоё здание из догадок, построенное на зыбучем песке. Ты забыл про шарф. Откуда у меня мог оказаться шарф с меткой «С. Чу...» и так далее?

Тут наступила минута, когда я несколько растерялся и, признаюсь, смолк в замешательстве. Я совсем забыл про этот шарф и метку. Ах ты, черт, действительно!.. Впрочем, погоди, погоди... Внезапная догадка только сейчас осенила меня.

– Ну-ка, дай карандаш. Какая там была метка?

– А вот какая! – Карычев торжествовал и, не отдавая карандаша, сам крупно вывел прописью: «С. Чу...».

– Все! – воскликнул я. – Вот теперь ты окончательно припёрт. У вас у обоих эти шарфы откуда были? Из Швейцарии? Метка-то не русская, чёрт бы тебя подрал! Зря темнишь. Давай карандаш.

И я, поставив «а» после «с», чётко вывел на протянутом мне Карычевым листке буквами латинской прописи:

carytshev

– Это и читается «Карычев» и никакой там не «С.Чудинов». Ну? Что скажешь?

Карычев поднял обе руки вверх, как бы сдаваясь:

– Ничего не скажу.

– Так какого же чёрта ты накрутил все это?

– Не о том же речь. Речь идёт о воспитании спортсменки и...

– Ну, знаешь, скажу я тебе...

– Знаю, знаю, – перебил меня Карычев. – Ты тоже скажешь вроде Ремизкина, что я не чувствую подлинной героики и тому подобное. Пойдём лучше вниз, я утром обещал Наташе и Степану познакомить тебя с ними. Они там получили поздравительную телеграмму от всех ребят интерната. Только прошу тебя, уж им-то хоть ни слова.

Я пожал плечами.

– Зачем говорить людям то, что они великолепно знают и без меня? Они мне сами обо всём рассказали ещё сегодня днём.

– Сами?.. А я-то...

Карычев схватился за голову и тяжело сел на диван.

Когда мы спускались по лестнице, я увидел на балконе Чудинова и Наташу. Они стояли, вдыхая сладостный высокогорный воздух, любуясь бездонным покоем окружавшей нас звёздной альпийской ночи.

Они молчали. И чувствовалось, что после шумного сегодняшнего дня, принёсшего обоим столько волнений и славы, им очень важно было вот так тихо постоять рядом и помолчать.

Помолчим и мы...

Москва – Кортину д'Ампеццо. 1956.

